
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2026. Том 24, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

- Сырмич М. М. Понятие идентичности в теории четырехмерного претерпевающего объекта 5

Социальная философия

- Трубицын О. К. Геополитические условия формирования капиталистической системы 26
- Шмаков В. С. Социокультурное развитие локальных сообществ: условия, факторы, перспективы 40
- Немоляев Е. А. Вклад Фредерика Бейтендейка в исследования феномена игры 54
- Марков А. В., Штайн О. А. Театральная гносеология: разрешение перформативного парадокса через событийную модель познания 69
- Вэй Цзин. Карнавализация музейного пространства: провинциальные музеи Китая как площадка диалога культур 83
- Узков Н. К. Карнавализация как метаязык современной визуальной коммуникации 97

История философии

- Селютин Д. О. Проблема свободы в «Этике» Спинозы 104

Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы

- Нечипоренко А. В. Методика введения в трансцендентальную философию И. Канта и И. Г. Фихте 117

- Информация для авторов 128

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2026. Volume 24, issue 1

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

- Syrmich M. M.* The notion of identity in four-dimensionalism 5

Social Philosophy

- Trubitsyn O. K.* The geopolitical conditions of the formation of the capitalist system 26

- Shmakov V. S.* Socio-cultural development of localities: conditions, factors, prospects 40

- Nemolyaev E. A.* The Contribution of Frederik Buytendijk to the Study of the Phenomenon of Play 54

- Markov A. V., Shtayn O. A.* Theatrical Gnoseology: Resolving the Performative Paradox through an Event-Based Model of Cognition 69

- Wei Jing.* Museum as a Factor of Cultural Dialogue: The Case of Chinese Provincial Museums 83

- Uzkov N. K.* Carnivalization as a metalanguage of modern visual communication 97

History of Philosophy

- Selyutin D. O.* The problem of freedom in Spinoza's «Ethics» 104

Academic Life, Polemics and Reviews

- Nechiporenko A. V.* Methodology of introduction to the transcendental philosophy of I. Kant and I. G. Fichte 117

- Instructions for Contributors* 138

Научная статья

УДК 115

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-5-25

Понятие идентичности в теории четырёхмерного претерпевающего объекта

Мария Михайловна Сырмич

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

m.kozlova5@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5427-5810>

Аннотация

Цель работы – показать, как в рамках теории четырёхмерного претерпевающего объекта (four-dimensionalism) возможно решение проблемы идентичности объекта на примере парадокса корабля Тесея. Идея заключается в том, что каждая временная часть должна быть синхронически (в моменте) идентична целому – всему объекту, или пространственно-временному «червя», – и диахронически (через время) должна быть «метафизически» связана с другими частями, что и позволит говорить о том, что претерпевающий объект остается одним и тем же. Объект является идентичным в строгом единичном смысле самого себя, потому что субстанциально (эссенциально, или сущностно в аристотелевском смысле) в каждый момент времени существует только одна временная часть совокупного пространственно-временного «червя» объекта, сущность которой, в свою очередь, задается метафизическим отношением, связывающим разные, отвечающие разным моментам времени временные части объекта. При этом и сущность временной части объекта, и сущность объекта как такового задаются посредством выделения «значимых характеристик объекта», которые являются одновременно и собственными (в мереологическом смысле) частями объекта, и собственными частями его временной части. Мы утверждаем, что временные части объекта по отношению к целому объекту могут быть связаны мереологическим отношением «быть частью» (parthood), которое является транзитивным, рефлексивным и антисимметричным, а также между ними может действовать мереологическое отношение наложения (overlapping). Тем самым у нас появляется возможность интерпретировать «значимую характеристику объекта» одновременно и как собственную часть объекта как такового – совокупного пространственно-временного «червя» объекта, и как собственную часть соответствующей его временной части.

Ключевые слова

теория четырёхмерного претерпевающего объекта, временная часть, корабль Тесея, диахроническая идентичность, синхроническая идентичность, нумерическая идентичность, мереология, Т. Сайдер, Дж. Лоу

© Сырмич М. М., 2026

Для цитирования

Сырмич М. М. Понятие идентичности в теории четырехмерного претерпевающего объекта // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 5–25. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-5-25

The notion of identity in four-dimensionalism

Mariia M. Syrmich

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

m.kozlova5@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5427-5810>

Abstract

The paper aims to demonstrate how the problem of object identity can be addressed within four-dimensionalism (T. Sider, K. Hawley, N. Markosian) using the Ship of Theseus paradox as a proper example. Each temporal part must be synchronically (at a given moment in time) identical to the whole – to the entire object, or to its spatiotemporal «worm», – and diachronically (across time) «metaphysically» connected to the other temporal parts, – that will allow us to say that enduring object remains the same. An object is identical to itself in a strict singular sense of itself because essentially (in the Aristotelian sense), at any given moment in time, there exists only one temporal part of the object's overall spatiotemporal worm. The essence of this temporal part, in turn, is determined by the metaphysical relation that links its different temporal parts, related to different moments in time. Moreover, both the essence of the temporal part of the object and the essence of the object as such are determined by the «significant characteristics of the object», which are both a proper part of the object and a proper part of its corresponding temporal part. We argue that temporal parts can be related to the whole object by the mereological relation of parthood, which is transitive, reflexive, and antisymmetric, and mereological relation of overlapping can also operate between them. The role of mereology here lies in the ability to interpret «the significant characteristics of an object» simultaneously as both a proper part of the object as such – as a proper part of object's overall spatiotemporal worm – and as a proper part of the corresponding temporal part.

Keywords

four-dimensionalism, temporal part, the Ship of Theseus paradox, diachronic identity, synchronic identity, numerically identity, mereology, T. Sider, E. J. Lowe

For citation

Syrmich M. M. The notion of identity in four-dimensionalism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 5–25. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-5-25

Перед нами на столе два одинаковых кубика Рубика – они из одной партии, одного цвета и размера. Что заставляет нас считать их одинаковыми? Можем ли мы сказать, что они идентичны друг другу? Является ли каждый из этих кубиков идентичным самому себе? ¹ Проблема в том, что собственно философский

¹ В математике вводится отношение идентичности как частный случай отношения рефлексивности. Рефлексивное отношение – это «бинарное отношение R на некотором множестве элементов X , которое связывает каждый элемент этого множества – a с самим собой, т. е. выполнено aRa ». См.: Reflexive Relation (26.05.2025). *Wikipedia. The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Reflexive_relation (дата обращения: 25.09.2025). Отношение идентичности как отношение объекта к самому себе всегда будет рефлексивным отношением, но обратное будет верно не всегда. См., например: Identity relation vs Reflexive Relation (13.08.2024). *Mathematics. Stack Exchange Q&A communities*. URL: <https://math.stackexchange.com/questions/1836440/identity-relation-vs-reflexive-relation> (дата обращения: 25.09.2025).

контекст анализа проблематики идентичности чрезвычайно многообразен ². Предмет нашей статьи – проблема идентичности – тождественности объекта самому себе при претерпевании (persistence), пребывании объекта во времени. Интуитивно мы полагаем, что объект будет идентичен – тождествен самому себе в каждый последующий момент времени: правильно собранный кубик в каком-то смысле идентичен полностью перемешанному кубику, и так же идентичен заново собранному – нам кажется, что тем же самым он будет и завтра, и когда его грани утратят яркий цвет, и даже когда пару квадратных наклеек придется заменить. В данном случае мы хотим подчеркнуть, что в первую очередь нас интересует понятие *нумерической* идентичности как представление о том, что вещь является «той же самой» в строгом, единичном смысле себя, но может быть подвержена «случайным» (accidental) по Аристотелю изменениям ³. Когда мы сравниваем свои фотографии, сделанные 20 лет назад и сейчас, и заключаем: «Я совсем не изменился», – здесь мы говорим именно о нумерической идентичности, поскольку на фотографиях изображен один и тот же человек ⁴. Проблема в том,

² См.: Noonan H., Curtis B. Identity. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2022 Edition) URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/identity/> (дата обращения: 25.09.2025).

³ Это изменения, не связанные с «обретением» (come into) или «потерей» (out of) существования вещей, они не изменяют ее сущности, являются временными или контингентными: перекрашенные стены дома, новая прическа и т. д. См.: Gallois A. Identity over time. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Autumn 2016 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-time/> (Дата обращения: 30.09.2025).

⁴ Лучший пример в данном случае – это сравнить нумерическую (numerical) и качественную (qualitative) (или дескриптивную, если мы говорим о фотографиях) идентичности. Последняя задает идентичность в смысле одних и тех же характеристик объекта. Субъект на ваших фотографиях будет различным качественно, поскольку на них у вас разный возраст, может быть разные черты лица, другая прическа и так далее, несмотря на то что на обеих вы – один и тот же человек. Когда Алису в Стране чудес Гусеница спрашивает: «Ты думаешь, что изменилась?», и Алиса отвечает: «Да: я не могу вспомнить то, что знала раньше, я чуть ли не каждые десять минут становлюсь то больше, то меньше» (см.: [Carroll, 1992, p. 35]), здесь речь идет именно о качественной идентичности, более того, сама Алиса указывает на критерии для определения «Кто я» и «тождественна ли я сейчас себе до попадания в Страну чудес». Человек может быть качественно идентичен прошлой версии себя (например, они оба обладают свойством «быть человеком» и схожими чертами лица), и он будет также нумерически идентичен другой версии себя в другое время. Нумерическое тождество будет нарушено, если изменения, которые с ним произошли, настолько резкие и существенные, что субъект будет восприниматься как два разных человека: не только восприниматься, но и в более общем смысле – быть, как если бы объект действительно «раздвоился», например, если бы Алисы стало две. В данном случае нумерическая идентичность утверждает, что то, что может восприниматься как две разные сущности, на самом деле является одним и тем же. Именно так понимается самотождественность: сущности, идентичная самой себе и ничему другому. В терминах языковых выражений это будет означать, что если два выражения (например, $7 + 5$ и 6×2) нумерически идентичны, то их можно заменять одно на другое, – истинностное значение более сложного выражения, в котором они участвуют, не изменится. Эти два выражения относятся к одной и той же сущности. И если два имени или описания указывают на одну и ту же сущность, то они взаимозаменяемы. В нашем случае качественная идентичность будет указывать на одинаковость характеристик, а не на одну и ту же сущность, поскольку разные объекты могут иметь одни и те же идентичные характеристики и при этом не быть нумерически идентичными. С чем и связана, например, проблема Закона Лейбница (или «неразличимости идентичных»), который утверждает, что если две вещи идентичны, то они должны обладать теми же самыми характеристиками. Как следствие, можно сказать, что вещь будет нумерически идентичной, если и только если она качественно идентична, но это, как отмечает А. Котнуар, «крайне консервативный взгляд» (см.: [Cotnoir, 2014]). См.: Noonan H., Curtis B. Identity. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2022 Edition) URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/identity/> (дата обращения:

что мы рассматриваем претерпевание вещи. Ключевая характеристика времени – изменение, которое должны демонстрировать все объекты – включая и кубики Рубика, и нас самих. Изменение – это необходимая характеристика времени, которая заставляет объект в каждый следующий момент изменяться, – это основание для того, чтобы у нас вообще была возможность говорить о времени. Как отмечает Джон Мактагарт: «Время включает изменение. Когда мы спрашиваем, что мы имеем в виду, говоря, что существовали различные моменты времени или определённый промежуток времени, в течение которого вещь оставалась неизменной, мы обнаруживаем, что имеем в виду, что она оставалась неизменной, в то время как другие вещи менялись. Вселенная, в которой ничего не менялось (включая мысли сознательных существ в ней), была бы вневременной вселенной» [McTaggart, 1908, p. 459]. В каждый следующий момент времени претерпевающий объект будет другим. Биологические объекты стареют, все физические объекты на Земле подвержены воздействию атмосферы, влиянию окружающей среды и процессам, которые приводят к изменениям в каждом из них, подчиняясь своей «эволюционной логике». Все это заставляет задуматься о том, каким именно должно быть адекватное философское представление об идентичности объекта, если объект перманентно изменяется с течением времени.

Как отмечает Джонатан Лоу: «Говоря о претерпевающей (persisting) вещи типа *K*, надлежащий критерий идентичности *K*, безусловно, должен включать понимание идентичности *через* (across) время, но мы можем сделать это *только* вместе с пониманием идентичности *в моменте* (at) времени. Ошибочно полагать, что диахроническая и синхроническая идентичность – это разные виды идентичности и что они требуют разных критериев идентичности. Критерий *должен быть применим к любой сущности, независимо от того, пребывает она во времени или нет*» (курсив наш. – М. С.) [Lowe, 2012, p. 137]. Здесь вводится еще одно деление. Речь идет о том, что критерии идентичности можно интерпретировать «синхронически» (synchronically), – как ответ на вопрос о том, как два сосуществующих объекта могут одновременно быть частями одного и того же объекта. Это ответ на вопрос о том, как соотносятся части объекта, или чем один объект отличается от другого в определенном моменте времени. А можно критерии идентичности сформулировать «диахронически» (diachronically), – когда мы рассматриваем отношение между двумя объектами *X* и *Y* в разные времена t_1 и t_2 и обосновываем то, почему *X* в t_1 является тем же самым *F*, что и *Y* в t_2 ⁵. Приведенная цитата Дж. Лоу подсказывает, что *должна существовать возможность, когда мы рассматриваем диахронический по своей логике рассуждений критерий идентичности*, – говорим, что *X* в t_1 является тем же самым, что и *Y* в t_2 , – *но при этом исключаем из рассмотрения время и формулируем синхронический по своему типу критерий нумерической идентичности*. В общих чертах, это и есть исходная догадка, ориентируясь на которую мы и будем рассматривать проблему идентичности, которая складывается из приведенных замечаний: (а) понятие нумериче-

25.09.2025). Inwagen P. Identity. Logic and Metaphysics (27.06.2024). *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/identity-logic> (дата обращения: 25.09.2025).

⁵ См.: Noonan H., Curtis B. Identity. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2022 Edition) URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/identity/> (дата обращения: 25.09.2025).

ской идентичности должно учитывать изменения как основную характеристику претерпевающего объекта; (б) понимание идентичности «через» время должно быть сопряжено с пониманием идентичности «в моменте» времени; (в) должна существовать возможность описать синхроническое и диахроническое понимания идентичности на едином концептуальном основании.

Предмет нашего исследования – проблема идентичности в том виде, как она рассматривается в теории четырехмерного претерпевающего объекта (four-dimensionalism) ⁶. Мы полагаем, что именно концепция Теодора Сайдера – пердурантизм, который вводит в рассмотрение временные части объекта в рамках стандартного для современной науки представления о физическом объекте, претерпевающим в четырехмерном пространстве-времени, и ей подобные – должны рассматриваться как основания для современной же рецепции такой классической проблемы, как проблема тождественности изменяющегося объекта, пребывающего во времени. В качестве основной иллюстрации будут рассматриваться различные интерпретации парадокса «корабль Тесея» (см., например [Ney, 2014]). Проблема в том, что Т. Сайдер, анализируя этот парадокс, рассматривает только понятие качественной идентичности и приходит к выводу, что теория четырехмерного претерпевающего объекта «не решает парадокс, но успешно его переформулирует» [Sider, 2002, p. 28]. Наша задача заключается в том, чтобы попытаться сформулировать такую трактовку нумерической идентичности, которая не только будет отвечать той ситуации, которую описывает Т. Сайдер, но и усилит его аргумент, – можно будет надеяться на то, что парадокс будет не только «переформулирован», но даже «решен» с учетом принятых ограничений и, конечно, только в рамках теории четырехмерного претерпевающего объекта.

Исходная гипотеза заключается в том, что мы можем рассматривать идентичность как *мереологическое* понятие, совмещающее понимание идентичности в том виде, как оно трактуется с точки зрения композиции объекта в терминах составляющих его «собственных частей» (П. Иваген, А. Контоир, Д. Бакстер и др.), и онтологию четырехмерного претерпевающего объекта (Т. Сайдер, К. Хоули, А. Ней и др.) ⁷. В такой постановке *идентичность объекта зависит от идентичности составляющих его частей*. И поскольку мы говорим о теории четырехмерного претерпевающего объекта, то под «составляющими частями объекта» мы в первую очередь будем подразумевать, конечно, «временные части объекта» – по-особенному понимаемые временные срезы состояний четырехмерного

⁶ Мы будем обозначать «four-dimensionalism» как «теория четырехмерного претерпевающего объекта». Основное понятие концепции – «временная часть» (temporal part) будет пониматься нами в логике пердурантизма (perdurantism) как «теория претерпевания и идентичности, согласно которой индивидуальный объект имеет отдельные временные части на протяжении всего своего существования в том смысле, сохраняющийся объект является суммой или набором всех его временных частей». См.: Four-dimensionalism (7.11.2024). *Wikipedia. The Free Encyclopedia*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Four-dimensionalism> (дата обращения: 25.09.2025). Hawley K. Temporal Parts. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2010 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2010/entries/temporal-parts/> (дата обращения: 25.09.2025).

⁷ См.: Varzi A. Mereology. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2019 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/mereology/> (дата обращения: 25.09.2025). Gilmore C., Calosi C., Costa D. Location and Mereology. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2024 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/location-mereology/> (дата обращения: 25.09.2025).

объекта, претерпевающего в пространстве-времени. Мы настаиваем на *аналогии* между классическим представлением о совпадении объекта и его собственных составных частей и представлением о совпадении четырехмерного объекта, претерпевающего в пространстве-времени, и его временных частей, каждая из которых совпадает с ее собственными составными частями, взятыми в конкретный момент времени, которому отвечает данный «срез». Эта аналогия позволит схватить отмеченные выше моменты, в частности, и то, что «понимание идентичности “через” время должно быть сопряжено с пониманием идентичности “в моменте” времени», и то, что «синхроническое и диахроническое понимания идентичности можно описать на едином основании». Идентичность «в моменте» зависит от идентичности составных частей, отвечающих данному срезу, а идентичность «через» время зависит от идентичности сменяющих друг друга срезов. Синхроническая трактовка идентичности, опирающаяся на представление о том, что «два сосуществующих объекта могут одновременно быть частями одного и того же объекта», понимается как утверждение, что на каком-то этапе своей эволюции два четырехмерных объекта – два пространственно-временных «червя» могут составлять один объект – один «червь». Здесь «составлять один объект» означает, что какое-то множество временных частей одного объекта либо будет совпадать с тем же самым (и точно также упорядоченным) множеством временных частей другого объекта, либо оно будет являться *собственной частью* соответствующего (как минимум конформного и точно также упорядоченного в совпадающих частях) множества временных частей другого объекта⁸. Это же самое представление помогает понять, что значит утверждение « X в t_1 является тем же самым, что и Y в t_2 », – что важно для понимания соответствующей диахронической трактовки идентичности. Нам важно, чтобы объекты, существующие во времени, изменялись: без изменения невозможно говорить о времени, но если объект изменяется, как мы можем быть уверены, что это тот же самый объект, что и до изменения? Это классическая проблема философии времени. Мы же говорим, что возможно задать определение идентичности таким образом, чтобы объект демонстрировал изменения.

⁸ Мы будем использовать мереологическое понятие наложения (overlapping), говоря о том, в каком смысле у двух объектов, имеющих общую историю, на каком-то этапе «совпадают» их *пространственные части*. Ниже, рассматривая выбранную постановку парадокса «корабль Тесея», мы будем говорить о том, что возможна ситуация, когда множества временных частей разных объектов не совпадают полностью друг с другом на протяжении всей их истории, но у них есть общая часть, обусловленная наличием одних и тех же общих «пространственных частей» в прошлом, настоящем или будущем. Для иллюстрации наложения пространственных частей можно вспомнить понятие «конформного наложения». В математике вводится понятие «конформного отображения» как непрерывного отображения, сохраняющего углы между прямыми (простейший пример – преобразования подобия) (см.: Конформное отображение (17.05.2025). Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Конформное_отображение, дата обращения: 25.09.2025). Мы можем представить два разных «червя», связанных общей историей, как два отдельных независимых «червя», но также их можно представить как части одного и того же общего «червя». При этом, раз мы говорим об их общей истории, то в какой-то момент времени части, например, какого-то одного условного «независимого червя» (как если бы мы нарисовали его отдельно) должны быть подобны, то есть соотносимы (в некотором строгом смысле) с соответствующими собственными частями временных частей условного «общего червя».

Ограничив себя представлением о качественной идентичности, Т. Сайдер свел анализ парадокса корабля Тесея к транзитивности отношения между временными частями объекта. Рассматривая же идентичность как мереологическое понятие, мы сможем, например, ввести на множестве временных частей отношение «быть частью» (parthood), которое не только транзитивно, но также рефлексивно и антисимметрично (см.: [Smid, 2017]). При этом мы не только сможем говорить о том, что данная временная часть является частью целого объекта, но и рассуждать о собственных частях, составляющих эту временную часть. Как следствие, мы перейдем к понятию нумерической идентичности, предложенная трактовка которого, как мы считаем, зафиксирует идентичность и в моменте времени, и через время: если каждая временная часть объекта является частью *истории* объекта (частью «червя»), а все временные части полностью накладываются на историю «червя», то объект и «червь» (все изменения, происходящие с объектом) – тождественны. В этом смысле объект является синхронически идентичным самому себе *в моменте*, поскольку в этот момент времени сам объект представлен только своей соответствующей временной частью, которая репрезентирует «значимые характеристики объекта» (дающие возможность однозначно определить принадлежность объекта какому-либо типу объектов). И эта временная часть нумерически идентична самой себе, поскольку по определению подобная временная часть (та, которую мы выбрали) – является единственной временной частью пространственно-временного червя и кроме того, также его собственной (в мереологическом смысле) частью. Диахроническая идентичность объекта определяется отношением метафизической зависимости между «значимыми временными частями» (в зависимости от выбранного темпорального разбиения совокупного пространственно-временного «червя» объекта на временные части), которое связывает значимые характеристики объекта *через время*. Каждая из этих значимых характеристик объекта, в свою очередь, в мереологическом смысле является «собственной частью» (proper part) соответствующей временной части, а само отношение метафизической зависимости в мереологическом смысле можно интерпретировать как отношение наложения собственных частей для временных частей, которые в то же время также являются собственными частями совокупного пространственно-временного «червя» объекта. Роль мереологии заключается в том, что у нас появляется возможность интерпретировать «значимую характеристику объекта» одновременно и как собственную часть объекта как такового – совокупного пространственно-временного «червя» объекта, и как собственную часть соответствующей его временной части. Вместе эти критерии синхронической и диахронической идентичности задают искомое представление о нумерической идентичности четырехмерного претерпевающего объекта. Объект является идентичным в строгом единичном смысле самому себе, потому что субстанциально (эссенциально, или сущностно в аристотелевском смысле) в каждый момент времени существует только одна временная часть совокупного пространственно-временного «червя» объекта, сущность которой, в свою очередь, задается метафизическим отношением, связывающим разные, отвечающие разным моментам времени временные части объекта. При этом и сущность временной части объекта, и сущность объекта как такового задаются посредством выделения «значимых

характеристик объекта», которые являются и собственными частями объекта, и собственными частями его временной части.

Рецепция парадокса корабля Тесея в работах Т. Сайдера и Дж. Лоу

Теория четырехмерного претерпевающего объекта очевидным образом апеллирует к содержанию современных научных представлений о физическом объекте. Претерпевание понимается как движение трехмерного объекта вдоль оси времени в четырехмерном пространстве-времени. Каждому конкретному моменту времени будет соответствовать свой «срез» (slice) – гиперплоскость, на которой находятся все точки объекта, которые отвечают именно данному моменту времени. Совокупность точек объекта, отвечающих такой гиперплоскости-срезу, называется «временной частью» объекта. С точки зрения описания истории объекта, движущегося вдоль оси времени, сам объект является четырехмерной совокупностью временных частей – пространственно-временным «червем». Метафора объекта как «червя» более чем уместна, «червь» – это то, что объединяет всю историю объекта, – все, что с ним происходило, происходит и будет происходить в каждый момент времени его существования – все случайные изменения. В этом смысле претерпевание – это последовательная смена временных частей, каждая из которых – каждый «срез» – фиксирует «состояние» объекта в каждый момент времени. Точно так же, как когда мы говорим о двумерной модели Солнечной системы и динамике движения планет, мы представляем собой плоскость, на которой вокруг Солнца по эллипсам движутся во времени планеты. Но если мы рассмотрим трехмерную модель движения планет, то мы увидим трехмерную спираль, которую данная планета описывает вокруг оси, суть которой есть направление движения Солнца вокруг центра Галактики. И если провести сечение этой трехмерной конструкции плоскостью, перпендикулярной оси движения Солнца, то мы получим хорошо знакомую плоскую картину Солнца и планет, занимающих свои соответствующие положения – отвечающие данному конкретному моменту времени – на своих соответствующих орбитах-эллипсах. Тем самым мы зафиксируем отвечающую данному конкретному моменту времени *временную часть* объекта «Солнечная система». Разница между трехмерным и четырехмерным представлением в том, что в четырехмерном пространстве-времени временной частью является трехмерный объект. С точки зрения теории четырехмерного претерпевающего объекта корабль Тесея – это четырехмерная протяженная структура, включающая в себя все его временные состояния: здесь и момент создания, и все, что происходило с кораблем в первых экспедициях Тесея, и момент, когда после смерти Тесея корабль отправлен на вечную стоянку в гавань, а также момент, когда мы задаемся вопросом: а тот ли перед нами это корабль, на котором уходил в плавание Тесей?

В самом общем виде парадокс «корабль Тесея» выглядит так. После смерти Тесея его корабль находится на вечной пристани, – например, у отдельного причала в Пирее. Корабль обладает очевидной исторической и культурной ценностью, и это значит, что, когда он стареет, его ремонтируют для того, чтобы он оставался на плаву как символ. Интерес к парадоксу подогревает то, что в данном случае

мы рассматриваем не один, а целых *три корабля*, взятые в разные промежутки времени. Во-первых, у нас есть оригинальный корабль Тесея (КТ), который когда-то существовал в совокупности своих исходных, отвечающих тому моменту, когда он был построен и успешно эксплуатировался, материальных частей. Во-вторых, теоретически, у нас есть полностью реконструированный корабль Тесея – тот корабль, которые будет стоять у того же самого причала, но после того как все материальные части исходного корабля Тесея будут заменены на новые (К1). И в-третьих, есть еще и третий корабль (К2). Он собран из частей, которые выносили на сушу после того, как меняли соответствующие части исходного оригинального корабля на новые. Предположим, речь идет о музейном экспонате, дающем возможность посмотреть на корабль не только как на символ, но и близко познакомиться с ним как с предметом материальной культуры (см.: [Ney, 2014, p. 91]). И собственно, еще до того, как мы договоримся о том, о каком именно понимании идентичности идет речь, условная «проблема идентичности» для корабля Тесея формулируется как вопрос: какой из кораблей идентичен оригинальному кораблю Тесея – К1 (новый реконструированный корабль) или К2 (полностью пересобранный из частей старого корабля)? Формально у нас есть четыре варианта ответа: (а) $K1 = KT$, $K2 \neq KT$; (б) $K1 \neq KT$, $K2 = KT$; (в) оба корабля идентичны КТ; (г) ни один корабль не идентичен КТ, но в то же время ощущение недосказанности остается.

Исходная посылка рассуждения заключается в том, чтобы принять ту или иную трактовку транзитивности в том, что касается изменений, происходящих с оригинальным кораблем ⁹. Мы исходим из того, что любой корабль может претерпеть замену одной доски – это необходимое допущение, иначе нам пришлось бы утверждать, что в каждый момент времени один корабль исчезает и возникает новый. Иначе говоря, мы принимаем, что случайные изменения могут происходить с объектом, и, по определению, сущность объекта не будет каким-то образом утрачена. Более того, мы также допускаем возможность для одного объекта быть разобранным в одно время и собранным в другое – например, как это без труда происходит с походной палаткой или конструктором лего. В этом смысле процесс изменения оригинального корабля КТ можно представить как последовательность перехода между значимыми (с точки зрения отслеживания случайных качественных изменений) временными частями – «срезами», которые будут фиксировать состояние КТ после замены какой-то из его собственных материальных частей:

Корабль Тесея (все доски исходного корабля на своих местах),

Корабль₁ (после замены одной доски),

Корабль₂ (после замены двух досок),

...

Корабль_n (после замены *n*-ного количество досок),

К1 (после замены всех досок на новые).

⁹ Здесь «транзитивность» – это ключевое слово. Напомним, транзитивное отношение – это «бинарное отношение *R* на некотором множестве элементов *X*, которое связывает элементы этого множества – *a*, *b*, *c* – следующим образом: если выполнено *aRb* и *bRc*, то выполнено *aRc*». См.: Transitive Relation (6.07.2025). Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Transitive_relation (дата обращения: 25.09.2025).

Как следствие, казалось бы, у нас есть все основания согласиться с Т. Сайденом, который предлагает закрепить представление о тождественности этих разных (отвечающих разным временным частям) кораблей друг другу (см.: [Sider, 2002, p. 7]). Пусть знак «=» в данном случае отвечает какому-то обыденному подразумеваемому представлению об идентичности:

Корабль Тесея = Корабль₁ (после замены досок кормы),

Корабль₁ = Корабль₂ (после замены досок носа),

Корабль₂ = Корабль₃ (после замены досок палубы),

...

Корабль_{n-1} = Корабль_n (после замены большинства досок),

Корабль_n = K1 (после замены всех досок на новые).

На очевидную проблему такого некритического, на наш взгляд, представления указывает Дж. Лоу: «Причина того, что в данном случае мы считаем разные корабли тождественными друг другу, заключается в том, что “тождество” само по себе является *транзитивным* отношением: то есть если *a* тождественно *b*, и *b* тождественно *c*, то, с необходимостью, *a* тождественно *c*» (курсив наш. – М. С.) [Lowe, 2002, p. 30]¹⁰. В приведенном рассуждении все кажется странным. Корабль K1, у которого ни единая щепка не совпадает с оригинальным, оказывается идентичным оригинальному. И если вспомнить, что в музее у нас есть корабль K2, собранный непосредственно из старых досок корабля Тесея, то не у K1, а именно у K2, как кажется, должно быть гораздо большее «метафизическое сходство» с оригинальным кораблем. Возникает вопрос: на каком основании мы можем сказать, что корабль Тесея действительно идентичен кораблю K1?

Дж. Лоу отмечает: «Если бы реконструкция корабля была без пересборки, то мы бы с радостью идентифицировали реконструированный корабль (K1) с оригинальным; а если бы пересборка была без реконструкции, то мы бы уверенно идентифицировали пересобранный корабль (K2) с оригинальным. Однако в случае, когда имеет место и реконструкция и пересборка, мы не можем сказать, что пересобранный или реконструированный корабль будет идентичными оригинальному кораблю, потому что это опять-таки противоречит тому факту, что идентичность – это транзитивное отношение» [Lowe, 2002, p. 35]. Проблемы бы не было, не будь двух новых кораблей. Дж. Лоу обращает наше внимание на проблему нумерического тождества собственно независимых – отличных от КТ кораблей K1 и K2, для описания идентичности которых одного отношения транзитивности для временных частей корабля КТ мало. Дж. Лоу пишет: «Рассмотрим момент, когда часть корабля КТ уже пересоборали, но в ангаре еще не существует целого корабля K2, – рабочие использовали только половину старых досок от КТ. Корабли K1 и K2 должны быть разными, потому что у них не совсем одинаковые части: у одного из них все части находятся в гавани (K1), а у другого половина частей находится в гавани, а половина – в ангаре (K2). Однако очень сомнительно, что имеет смысл говорить о том, что два разных корабля

¹⁰ Более того, Дж. Лоу подчеркивает: «Интуитивно идентичность во времени должна быть *транзитивным* отношением. Однако все наши интуитивные же критерии идентичности для претерпевающих во времени объектов, по-видимому, опираются на отношения, которые не являются *строгими транзитивными*» (курсив наш. – М. С.) [Lowe, 2002, p. 58].

могут в одно и то же время иметь только половину своих частей» [Ibid., p. 57]. Заметим, что у обоих кораблей – и у K1, и у K2 – *до ремонта все временные части одинаковые и пространственно находятся в одном месте*, – это временные части оригинального корабля КТ. Обратить особое внимание на K2 нас заставляет то, что происходит после начала ремонта. В какой-то момент времени половина досок корабля K2 – его «пространственные части», которые определяют содержание соответствующих временных частей, – *находятся в другом месте* – они все еще являются «пространственными частями» оригинального корабля КТ. Сам этот факт, а также то, что происходит дальше со старыми досками корабля Тесея после замены – перенос их в ангар и последующая там сборка, – являются поводом для того, чтобы сказать, что начиная с какого-то момента времени корабль Тесея и корабль K2 не являются одним объектом. Их нельзя пространственно объединить в одного временного «червя». У оригинального корабля Тесея и корабля K2, начиная с определенного момента времени, – в отличие от КТ и K1, – *нет общей пространственной истории* – между ними нельзя проследить последовательную непрерывную в пространстве смену одних и тех же временных частей.

Это интересное, на наш взгляд, наблюдение должно заставить нас задать вопрос: почему мы в попытке определить идентичность объекта говорим про последовательную смену временных частей, – например, фиксируя различные Корабль, – но не говорим об их собственной идентичности, т. е. об идентичности самих временных частей? Раньше мы говорили об идентичности объекта в целом, а теперь у нас есть возможность говорить об идентичности его временных частей – его временных «срезов», которые в данном случае будут зависеть от соответствующих «пространственных частей»: под этой зависимостью мы понимаем, что при всех происходящих изменениях от одной временной части к другой у объекта сохраняются некоторые свойства (рис. 1)¹¹.

Эта возможность у нас есть, так как мы перешли к специальной онтологии объекта – к четырехмерному претерпевающему объекту. Объект – это вся совокупность его временных частей, которые связаны метафизически некоторым общим набором свойств, который позволяет нам отличать один объект от других, даже с условием изменения объекта. Все временные части должны быть связаны некоторым отношением «метафизической зависимости», которое и сохраняет объект одним и тем же (и более того – это отношение сохраняет объект в некотором смысле «таким же», то есть объект изменяется, но его сущность не изме-

¹¹ На рис. 1 мы предлагаем рассмотреть один день, насыщенный «случайными» изменениями, из жизни грифа штанги: в t_1 его использует не самый натренированный человек – штанга легкая, затем в t_2 этот человек снимает свои «блины» со штанги, оставляя гриф для еще более легкого упражнения, а в t_3 с этой штангой уже занимается «силач». Мы также посмотрели на нашу штангу «сбоку» – этот вид (проекция) представлен сверху, здесь нетрудно заметить, что гриф (или представляющий ее на схеме малый круг в центре) присутствует во все три момента времени, в то время как самый тяжелый «блин» (он же самый большой круг) присутствует только в одном моменте времени, когда гриф достается «силачу». Временной срез призван фиксировать состояние объекта в данный момент времени. Естественно, «состояние» должно включать все значимые характеристики объекта, поэтому здесь для удобства мы рассматриваем проекцию всех частей штанги на плоскость сечения, перпендикулярную оси грифа. Нам важно визуально показать то, как мы представляем себе эволюцию временных частей и значимых характеристик, но при этом все время говорим об одном и то же объекте. В реальности «сечением» является трехмерный объект.

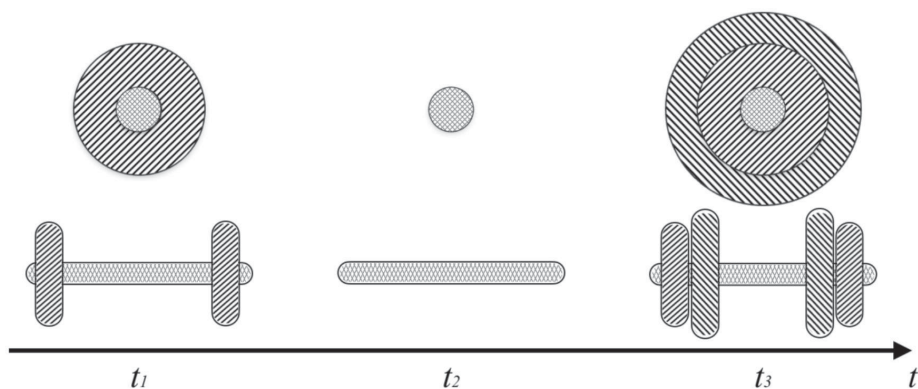

Рис. 1. Сохранение пространственных частей во времени

Pic. 1. Perdurance of spatial parts across time

няется совершенно). Временные части объекта отличаются друг от друга тем, что демонстрируют «случайные» (в аристотелевском смысле) изменения, происходящие с объектом, – изменения качеств: собранный кубик, кубик с повернутой по часовой стрелке правой гранью; в нашем примере с изменением грифа мы можем видеть, что гриф в одном времени более тяжелый, чем в другом времени – но этот факт не изменяет веса самого грифа, как известно, он всегда около 25 кг и т. д. В то же время эволюция самого объекта предзадана его сущностью, она не является случайной. Идентичность каждой значимой временной части должна задаваться таким образом, чтобы допускать качественные изменения (изменения свойств объекта, которые не ведут к сущностному изменению), но при этом не приводить к нарушению нумерического тождества объекта самому себе.

В случае с кораблем Тесея мы не можем сказать, что корабли K2 и K1 *качественно* неидентичны друг другу и КТ: доски ровно такие же, какие были изначально (тот же материал и форма: иначе их невозможно было бы заменять по частям), не говоря уже о K2 (где это буквально «те же самые» доски). Именно поэтому здесь бессмысленно говорить и об идентичности объекта как целого, и об идентичности объекта как совокупности его «пространственных частей», – это не помогает нам ответить на вопрос, какой из кораблей – K1 или K2 – идентичен КТ. Это значит, что мы должны искать, как задать определение идентичности объекта по-другому.

Предлагаемый Т. Сайдером ответ (КТ = K1 по правилу транзитивности) апеллирует к качественной идентичности кораблей, и этот ответ перестает работать, когда возникает проблема нумерического тождества – когда мы вспоминаем про K2, стоящий в ангаре. Чтобы дополнить реконструкцию Т. Сайдера, мы должны сказать, что идентичность – это не только транзитивное отношение на упорядоченном множестве временных частей. Примечательно то, что Т. Сайдер понимает, что он не решил парадокс корабля Тесея, но настаивает на том, что сделал его «более понятным»: «Теория четырехмерного претерпевающего объекта сама по себе не дает ответа на поставленный вопрос, но метафизическая головолом-

ка решена. У нас есть совершенно ясная метафизическая картина происходящего: мир содержит пространственно-временные «черви», соответствующие обоим ответам. Остается лишь концептуальный вопрос о том, какой из этих пространственно-временных «червей» считается кораблем» [Sider, 2002, p. 16]. То есть, по мнению Т. Сайдера, теория четырехмерная претерпевающего объекта предлагает словарь, посредством которого мы можем зафиксировать парадокс: корабль – это четырехмерный «червь», у которого есть временные части, связанные отношением транзитивности; однако, как мы видим, – так у нас не получается описать ни идентичность кораблей КТ и К1, ни неидентичность кораблей КТ и К2.

Подчеркнем: проблема, на наш взгляд, состоит в том, что ситуация, описываемая Т. Сайдером, схватывает именно качественное понимание идентичности объектов (он апеллирует к отношению транзитивности, которое, по его мнению, схватывает то, что с объектом происходят постепенные качественные изменения), но игнорирует более строгое представление о нумерической идентичности. Мы полагаем, что в теории четырехмерного претерпевающего объекта можно показать, что временные части можно связать не только порядковым (продиктованным «арифметическим» характером текущего времени) отношением транзитивности, но и мереологическим отношением «быть частью» (parthood), которое, в свою очередь, позволит получить искомое представление о нумерической идентичности объекта.

Мереологическое представление об идентичности временных частей

Для теории четырехмерного претерпевающего объекта критерием существования объекта является связность его временных частей, буквально образующих единого во всех точках пространства-времени (непрерывно претерпевающего во всех причастных точках пространства и должным образом связанных с ними причастных точках времени единого пространственно-временного многообразия) своего существования «червя». Мы не сможем сказать, что объект считается «тем же самым», если между его временными частями отсутствует соответствующая структурная, причинная «метафизическая» пространственно-временная связь. Говоря о парадоксе корабля Тесея, мы подчеркиваем, что разные временные части одного и того же объекта должны быть связаны общей историей: временные части кораблей К1 и К2 (если мы отвлечемся от того, что «пространственные части» К2 находятся в другом месте, чем «пространственные части» КТ и К1) до определенного момента «накладываются» на временные части (и фактически являются «теми же самыми» временными частями) оригинального корабля Тесея. Для корабля К1 это момент до замены всех досок, после которого исходный корабль Тесея, очевидно, перестает существовать как самостоятельный целый материальный объект, к которому применим соответствующий критерий идентичности. Для корабля К2 ситуация сложнее, но мы точно можем обозначить момент начала ремонта, когда первую часть оригинального корабля Тесея вынесли на берег, и с этого момента началась сборка корабля К2. Время – это изменение, а изменение – это происходящая с кораблем последовательная смена одной временной части на другую. Мы не можем рассматривать каждую временную часть объекта

как отдельный самостоятельный полностью независимый объект, так как в принятой теории собственно объект – это пространственно-временной «червь», который представляет собой последовательность сменяющих друг друга временных частей, каждой из которых мы можем сопоставить свою совокупность характеристик объекта, изменяющихся во времени. Следствием этого, например, является то, что на первый взгляд мы не можем из корабля Тесея плавно и без проблем собрать крейсер «Аврору» – нам «грозит пальцем» качественная идентичность досок корабля. Однако это не совсем правильное рассуждение. Теоретически, если мы говорим *только* о соблюдении правила транзитивности временных частей, – не учитывая представление о необходимости рассуждать о качественной идентичности, например, тех же «пространственных частей», – то тогда нам ничего не мешает именно так и поступить с оригиналом – собрать «Аврору». И все это справедливо, если мы говорим о двух кораблях – исходном и реконструированном, – они оба связаны общим пространственно-временным «червем» их истории. Проблема в том, что в приведенной постановке парадокса корабля Тесея корабля три – КТ, К1 и К2. И в данном случае при попытке предложить один и тот же критерий идентичности для всех трех кораблей у нас нарушается не только представление о качественной идентичности (где мы можем собрать крейсер «Аврору» из корабля Тесея), но и представление о нумерической идентичности объекта (где мы один объект – КТ – разделяем на два объекта, на первый взгляд идентичных).

Когда Дж. Лоу утверждает, что все наши представления об идентичности «не являются строго транзитивными, но в каком-то смысле *должны казаться* таковыми», – он указывает именно на проблему несоблюдения представления о нумерической идентичности объектов. Если бы мы рассматривали только отношение транзитивности, то мы бы не реконструировали корабль, а просто пересобирали бы его, разделяя детали и унося их в ангар (см.: [Lowe, 2002, p. 35]). Именно поэтому нам нужно обратиться к другому отношению, которое также можно ассоциировать с идентичностью и которое также будет устанавливать связь между временными частями объекта и целым «червем». И это «другое отношение» как минимум должно: (а) помещать все временные части объекта в одного пространственно-временного «червя» и как-то их объединять; (б) помешать нам делать все, что хочется с правилом транзитивности (и как следствие, например, собирать из корабля Тесея крейсер «Аврору»), а также (в) объяснять то, почему и в каком смысле для данного «червя» могут выполняться и качественное, и нумерическое представление об идентичности.

В качестве ключевого отношения, связывающего различные временные части одного объекта в теории четырехмерного претерпевающего объекта, и которое, на наш взгляд, должно помочь прояснить необходимое представление об идентичности, выберем мереологическое отношение «быть частью» (parthood). Мереология, как утверждает Питер ван Инваген: «Это теория о частях и целом, в более общем виде – о композиции (composition)» [Invagen, 1994, p. 207], при этом: «Композиция – это отношение части к целому, или, лучше сказать, отношение многих частей к их “слиянию”, *подобному идентичности*» (курсив наш. – М. С.) [Ibid., p. 214]. В арифметике сумма – это целое – композиция, частями которой

являются два слагаемых. Заметим, что П. ван Инваген рассматривает мереологию как концепцию идентичности *целых* материальных объектов. Мы сосредоточимся на мереологии в контексте проблемы идентичности временных частей пространственно-временного «червя», где «червь» – это корабль со всеми его временными «слайсами» или «срезами», а идентичность объекта мы будем рассматривать как композицию – отношение частей (в нашем случае – временных) к целому пространственно-временному «червю». Здесь также можно вспомнить Дэвида Льюиса о том, что «мереологические отношения поразительно аналогичны отношениям идентичности». Эта аналогия настолько сильная, что ее уместно обозначить, говоря о мереологических отношениях, как представление о том, что рассуждение о композиции как об отношении части к целому на самом деле есть рассуждение *о видах идентичности*» (курсив наш. – М. С.) [Lewis, 1990, p. 83]. Отметим, что отношение «быть частью» является не только транзитивным, но и рефлексивным¹². Транзитивность необходима для того, чтобы выстроить части объекта последовательно, а затем объединить их в один, сохранив при этом и качественное и нумерическое представление об идентичности. В противном случае придется говорить о том, почему корабль Тесея вдруг стал идентичен крейсеру «Аврора», или отвечать на вопрос: «А почему корабля два?», – ведь этой ситуации не должно быть, если соблюдается нумерическое представление об идентичности объекта. Рефлексивность необходима, поскольку она (как самоидентичность) не допустит расхождения в нумерическом представлении об идентичности. Если идентичность объекта зависит от составляющих его временных частей, то идентичность каждой временной части, в свою очередь, зависит от её составляющих её собственных частей.

В общем случае отношение «быть частью» (parthood) – это предикат (P), который фиксирует то, что x является частью y , но не наоборот. Как утверждает Йерун Смид: «Ключевым элементом мереологии является представление о том, что отношение “быть частью” – это отношение частичного порядка» [Smid, 2017, p. 2371]¹³. Как следствие отношение «быть частью» удовлетворяет следующим характеристикам:

- Rxx (Рефлексивность),
- $(Rxy \ \& \ Ryz) \rightarrow Rxz$ (Транзитивность),
- $(Rxy \ \& \ Ryx) \rightarrow x = y$ (Антисимметричность).

Рефлексивность утверждает, что каждая часть является частью самой себя, транзитивность объединяет части: если ледокол «Арктика» является элементом (частью) множества «Атомные ледоколы», а «Атомные ледоколы» – это часть множества «Корабли», то ледокол «Арктика» – часть множества «Корабли». Антисимметричность утверждает идентичность частей, например, если контур корабля – это часть корабля, а корабль – это часть контура, то здесь мы говорим об одном

¹² Отношение рефлексивности – это «бинарное отношение R на некотором множестве элементов X , где каждый элемент множества находится в отношении R с самим собой». См.: Reflexive Relation (10.10.2025). Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Reflexive_relation (дата обращения: 25.01.2025).

¹³ Судя по всему, Й. Смид имеет в виду отношение «нестромого (рефлексивного) частичного порядка». См.: Частично упорядоченное множество (8.10.2025). Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Частично_упорядоченное_множество (дата обращения: 25.01.2025).

и том же объекте. Однако наиболее значимым для нас будет даже не отношение «быть частью», а производное от него отношение «быть собственной частью» (proper part) – это предикат (PP), который утверждает, что если x является частью y , но y – не часть x , то x – собственная часть y . Й. Смид приводит следующее формальное определение «собственной части» (см. [Ibid., p. 2369]):

$$PPxy =_{df} (Pxy \ \& \ \neg Pyx).$$

Например, мачта корабля – это его часть, но корабль – не часть мачты, следовательно, мачта – это собственная часть корабля. Это отношение будет важно, поскольку акцент на нем позволит описать то, как содержательно связаны конформно наложенные друг на друга временные части двух разных объектов, имеющих общую историю. В логике теории четырехмерного претерпевающего объекта на определенном этапе временные части имеющих общую историю кораблей КТ и К1 конформно наложены друг на друга, – они не совпадают друг с другом, но у них есть общая часть, обусловленная наличием одних и тех же общих «пространственных частей». Мы хотим сказать, что именно отношение «собственная часть» позволит отличить те части общего временного среза кораблей КТ и К1, которые по отдельности принадлежат собственно КТ и собственно К1. Это отношение объясняет то, в каком смысле какая-то часть временной части может быть связана с каким-то целым «червем». Как подсказывает Й. Смид: «Если принять экстенциональную мереологию, утверждающую, что составные (composite) объекты идентичны, если и только если они имеют одни и те же собственные части, то есть веские основания рассматривать идентичность как мереологический предикат, который следует определять в терминологии “быть частью”» [Ibid., p. 2368]. Здесь он говорит о «целых» объектах, точно так же как до него говорил П. ван Инваген¹⁴. Для того чтобы показать идентичность пространственно-временного «червя» всем своим составным (в том числе «временным» и «пространственным») частям, мы должны обратиться к мереологии и антисимметричности отношения «быть частью». В случае матрешки мы можем сказать, что если матрешка x – часть матрешки w , и матрешка w – часть матрешки x , то x и w – это одна матрешка, x идентична w . Но в случае с совпадающей частью данного временного среза кораблей КТ и К1, которые на данном этапе их общей истории образуют один пространственно-временной «червь», ситуация немного иная. И здесь, по-видимому, нам понадобится еще одно «производное отношение» в логике отношения «быть частью» – отношение «наложения» (overlap) (см. [Ibid., p. 2369]):

$$Oxz =_{df} \exists z (Pzx \ \& \ Pzy).$$

Временные части K_n и КТ оказываются «включены» в К1 (рис. 2): то есть K_n и К1 имеют общие временные части – например, исходную часть КТ. Более того, КТ и К1 имеют общие временные части – все те, что были до того, как корабль

¹⁴ Отметим, что Й. Смид подчеркивает: «Принятие всех этих определений, интерпретация идентичности в терминах отношения “быть частью” не подводит (not commit) нас к тому, что понятие идентичности сводится (is reducible) к понятию “быть частью”. Все это означает, что идентичность не является примитивным (primitive) термином в языке» [Smid, 2017, p. 2377]. Это важное замечание. Очевидно, что для того чтобы определить идентичность в терминах «быть частью», нам также понадобится некоторое «метафизическое» отношение, которое свяжет эти «части» в единое целое.

Тесея нашел свою вечную пристань. Стоит отметить, что последовательные изменения пространственных частей нам также важны – нам необходимо, чтобы часть характеристик оставалась неизменной, а другая менялась. В то время как в момент, когда существует только одна доска от КТ, нельзя сказать, что часть (доска) сохранилась, а другая претерпела изменение, так как изменение не качественное, а сущностное, другой части корабля просто не стало (или же еще более странный вариант – половина корабля в другом месте, тогда один объект занимает сразу два места в пространстве).

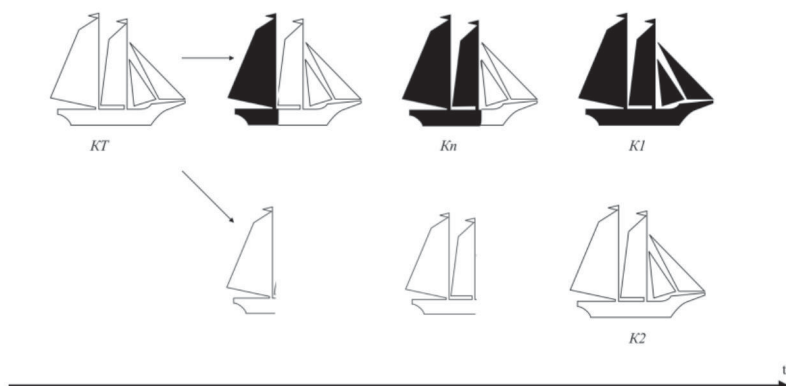

Рис. 2. Наложение временных частей

Pic. 2. Overlapping of temporal parts

Вернемся к рассуждениям Т. Сайдера. Временные части связаны отношением транзитивности:

$KT = K_1$ (после замены досок кормы),

$K_1 = K_2$ (после замены досок носа),

$K_2 = K_3$ (после замены досок палубы),

...

$K_{n-1} = K_n$ (после замены большинства досок),

$K_n = K1$ (после замены всех досок на новые).

Мы утверждаем, что здесь КТ – это *собственная часть* того же самого временного среза, которому также принадлежит К1, как другая его собственная часть. Мы согласились считать, что КТ и К1 – это разные объекты, но, например, если мы зафиксируем «временной срез» после замены половины досок корабля КТ, то увидим, что в этом сечении одного «физического» пространственно-временного червя можно выделить множество характеристик, которые мы содержательно отнесем разным кораблям. Перед нами одна временная часть одного «червя», но ей принадлежат разные «объекты», каждый из которых (их соответствующие «срезы») *не является* частью друг друга, но является собственной частью их общего «среза» одного и того же «червя». В данном случае мы можем говорить, что КТ – это собственная часть среза КТ + К1 в том смысле, что вместе с транзитивностью осуществлялась постепенная замена значения характеристик от одной временной части к другой: от КТ к К₁, от К₁ к К₂ и так до возникновения обновлен-

ного корабля (какие-то доски оставались одними и теми же, объект сохранял свое пространственное расположение и т. д.). Для Т. Сайдера было важно, чтобы изменения были последовательными, а Дж. Лоу указал на то, что идентичность хоть и должна быть транзитивным отношением, но лишь *в каком-то смысле*. Мы интерпретируем это «в каком-то смысле» как представление о том, что временные части связаны друг с другом значением характеристик. «Перенос» характеристик (по которым мы увидим то, как К1 наполняется собственным содержанием, а КТ собственное содержание теряет) формально описывается отношением транзитивности, а «связь» частей – отношением «наложения». Мы интерпретируем «наложение» в *метафизическом* смысле как то, что приходит (или даже «тянется») из «истории объекта» – так части данного временного среза получают свое значение от других (прошлых) временных срезов. Это наглядно видно на рис. 2 (разный цвет у КТ и К1 только для демонстрации изменений): целостность и форма корабля не меняется, меняется только «цвет» досок – сначала из «истории объекта» тянется белый цвет, но, когда закрепляется черный, дальше «идет» уже черный К1.

Мы утверждаем, что КТ идентичен К1, поскольку это один объект, или в нашей онтологии – это один пространственно-временной червь (например, зафиксируем «червя» на промежутке времени от КТ до К1 включительно, как на рис. 2). В данном случае мы говорим о синхронической идентичности – идентичности в определенный момент времени – одной временной части (K_n) ко всему пространственно-временному червю объекта: объект в моменте времени синхронически идентичен самому себе, поскольку по определению объект в моменте времени – это единственная временная часть «червя». Диахроническая идентичность объекта – от одного момента времени к другому, где объект постоянно подвержен «случайным» изменениям – определяется связью между временными частями пространственно-временного червя: временные части объединены метафизическим отношением, которое фиксирует связь «значений» соответствующих собственных частей, отвечающих значимым характеристикам объекта – если мы говорим о характеристиках, присущих нескольким «соседним» временным частям, – в разных временных частях. Например, на рис. 2 «соседние» для K_n части (а КТ, K_n и К1 – это все собственные части пространственно-временного червя) обладают одной характеристикой – наличие черного, только в предыдущей части черного 1/3, а в последующей (К1) – уже 3/3 – это и есть «случайные» изменения, произошедшие с кораблем Тесея. Поскольку все части объекта со всеми изменениями объединены в одного пространственно-временного червя, а каждая часть в момент времени идентична всему объекту, то можно говорить о нумерической идентичности объекта, собственно – пространственно-временного червя.

Мы полагаем, что это рассуждение также избавляет нас от проблемы идентичности второго корабля (К2), собранного из старых досок корабля КТ в ангаре. История корабля К2 начинается с одной доски, к которой добавляется еще некоторое множество досок, из которых К2, собственно, и собирается. И здесь даже не важно, как он действительно будет выглядеть в собранном виде (мы можем собрать «Титаник»). Задавать вопрос: идентичны ли корабли К2 и КТ, не имеет смысла, поскольку «у них» / «между ними» нет общих временных частей. Пусть

x – временная часть корабля КТ, тогда мы можем выстроить «обратную последовательность» реконструкции корабля К2 следующим образом:

Корабль Тесея (все доски на месте) – x ,

Одна доска КТ – z_n ,

...

Множество досок КТ – z_1 ,

Собранный К2 – z .

Нетрудно заметить, что x (временная часть КТ) не является, например, собственной частью временной части z_n . В этом случае корабль КТ был бы частью самой этой одной перенесенной доски. Также мы можем сказать, что на каком-то этапе истории между временными частями кораблей КТ и К2 должно было соблюдаться отношение «наложения». Однако когда мы вытащили из корабля Тесея доску, отношение наложения больше не соблюдается, как и отношение «быть частью». Между кораблем Тесея и этой доской уже нет *общих* временных частей, без которых мы не можем сказать, что между ними выполнено отношение «наложения».

Если взять за x совокупный объект – *все временные части* «червя» корабля К1 (все части x будут отличаться между собой только индексом), а самого «червя» со всеми изменениями, зафиксированными в его временных частях, обозначить как w , то мы сможем показать, что новый корабль Тесея – К1 будет идентичен оригинальному кораблю КТ. Все временные части этих кораблей находятся в одной последовательности и могут быть объединены (по аксиоме транзитивности, где мы последовательно переносим значения характеристик объекта), а временной «червь» корабля является идентичным всем своим частям (следует из аксиомы антисимметричности). В данном случае не может быть такого, чтобы все части одного корабля были на пристани, а у другого корабля – половина на пристани, а половина в ангаре. Последнее – это другой случай. Весь и полностью целый корабль находится именно на пристани, только с тем отличием, что он приобрел несколько новых досок (что нам совершенно не мешает, ведь добросовестные реконструкторы меняют одни доски на абсолютно качественно идентичные – форма/размер/цвет/материал и т. д.). В этом смысле оригинальному кораблю Тесея идентичен только корабль К1, так как временные части корабля и целый пространственно-временной «червь» корабля относятся друг к другу как часть к целому и подчиняются аксиомам отношения «быть частью»: транзитивности, рефлексивности и антисимметричности. Корабль К2 – это другой корабль (нам даже не важно в смысле качественного изменения, что соберется из старых досок на складе – крейсер или кухонный гарнитур), К2 – это набор досок, который не имеет ничего общего с историей оригинального корабля.

Таким образом, у нас появляется возможность зафиксировать отношение нумерической идентичности для четырехмерного претерпевающего объекта, которое (а) объединяет все временные части объекта в одного пространственно-временного «червя» мереологическим отношением «быть частью»; (б) запрещает нам делать все, что хочется с правилом транзитивности – случайные изменения, описываемые транзитивностью, не должны затрагивать сущность объекта, а также (в) объясняет, что для «червя» выполняется качественное представление

об идентичности в диахроническом смысле – *через время*, с течением времени, объект изменяется, свойства претерпевают качественные изменения. Но также для объекта выполняется и (г) нумерическое представление об идентичности в синхроническом смысле – *в моменте времени* части объекта соотносятся с целым объектом, являясь его собственной временной частью, а совокупность всех временных частей объекта (связанных вместе метафизическим отношением, которое фиксирует связь «значений» соответствующих собственных частей, отвечающих значимым характеристикам объекта – если мы говорим о характеристиках, присущих нескольким «соседним» временным частям, – в разных временных частях) – это и есть сам объект, как того требует теория четырехмерного претерпевающего объекта. Предложенное уточнение позволяет зафиксировать не только формальную, но и метафизическую сторону рассматриваемой проблемы. Принимая решение Т. Сайдера, мы следуем за отношением транзитивности, где получаем возможность описать последовательность изменений между временными частями, однако лишь введение полного мереологического аппарата – с учетом рефлексивности, антисимметричности и отношения «быть частью» – дает основание говорить уже не просто о связанности частей, но о нумерической идентичности объекта как единого целого. В логике теории четырехмерного претерпевающего объекта КТ, К1 и последующие их состояния не являются разными объектами, а представляют собой различные «собственные части» одного и того же «среза» пространственно-временного «червя». Постепенное изменение характеристик схватывается транзитивностью, а принадлежность разных «собственных частей» одному объекту – отношениями «быть частью» и «наложение». Подобное решение принципиально опирается на четырехмерную онтологию: только в ней (в отличие от других теорий претерпевания – презентизма, теории движущегося прожектора и т. д.) временные части действительно существуют и могут быть включены в единое мереологическое целое. Это, в свою очередь, позволяет последовательно удержать исходную задачу – обоснование идентичности объекта во времени – в поле мереологии, но и показать то, что задача решается не за счет переформулирования, а за счет уточнения на уровне понимания структурного представления четырехмерного объекта.

Список литературы

- Carroll L.** Alice's Adventures in Wonderland. Tor Books, 1992.
- Cotnoir A.** Composition as Identity: Framing the Debate // *Composition as Identity* / Ed. A. Cotnoir, D. Baxter. Oxford University Press, 2014. P. 3–23.
- Inwagen P., van** Composition and Identity // *Philosophical Perspectives*. 1994. Vol. 8. P. 207–220.
- Lewis D.** Parts of Classes. Blackwell, 1990.
- Lowe J.** Survey of Metaphysics. Oxford University Press, 2002.
- Lowe J.** The Probable Simplicity of Personal Identity // *Personal Identity: Complex or Simple* / Ed. G. Gasser, M. Stefan. Cambridge University Press, 2012. P. 137–155.
- McTaggart J.** The Unreality of Time // *Mind*. 1908. Vol. 17. P. 457–474.
- Ney A.** Metaphysics: An Introduction. Routledge, 2014.

Sider T. Four Dimensionalism: An Ontology of Persistence and Time. Oxford University Press, 2002.

Smid J. Identity as a Mereological Term // Synthese. 2017. Vol. 194. P. 2367–2385.

References

Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Tor Books, 1992.

Cotnoir A. Composition as Identity: Framing the Debate // Composition as Identity / Ed. A. Cotnoir, D. Baxter. Oxford University Press, 2014. P. 3–23.

Inwagen P., van Composition and Identity // Philosophical Perspectives. 1994. Vol. 8. P. 207–220.

Lewis D. Parts of Classes. Blackwell, 1990.

Lowe J. Survey of Metaphysics. Oxford University Press, 2002.

Lowe J. The Probable Simplicity of Personal Identity // Personal Identity: Complex or Simple / Ed. G. Gasser, M. Stefan. Cambridge University Press, 2012. P. 137–155.

McTaggart J. The Unreality of Time // Mind. 1908. Vol. 17. P. 457–474.

Ney A. Metaphysics: An Introduction. Routledge, 2014.

Sider T. Four Dimensionalism: An Ontology of Persistence and Time. Oxford University Press, 2002.

Smid J. Identity as a Mereological Term // Synthese. 2017. Vol. 194. P. 2367–2385.

Информация об авторе

Мария Михайловна Сырмич

магистрант, кафедра онтологии, теории познания и методологии науки, Новосибирский государственный университет.

Information about the Author

Mariia M. Syrmich

graduate student, Department of the Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University.

Статья поступила в редколлегию 18.08.2025;

одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 29.09.2025

The article was submitted 18.08.2025;

approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 29.09.2025

Научная статья

УДК 316.012; 327.2

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-26-39

Геополитические условия формирования капиталистической системы

Олег Константинович Трубицын

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

trubitsyn77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

Аннотация

Существует достаточно популярная гипотеза, защищаемая разными исследователями, согласно которой геополитическая разобщенность Европы в Новое время провоцировала многочисленные войны и тем самым стимулировала инновационный потенциал. Именно эта конкуренция, выделяющая Европу на фоне азиатских империй, стала ключевым фактором модернизации и формирования капитализма. Дж. Голдстоун представил достаточно убедительную критику этой гипотезы. По его мнению, с одной стороны, военная конкуренция не способствует инновационному развитию, а с другой, она была не менее интенсивной и в Азии. В статье предпринята попытка модифицировать гипотезу геополитической конкуренции с учетом замечаний Дж. Голдстоуна. Делается вывод, что данный фактор не является безусловно необходимым и достаточным основанием для модернизации, но выступает способствующим условием, повышающим вероятность начала модернизации.

Ключевые слова

капитализм, мир-системный подход, мировая система, империя, мир-экономика, геополитическая конкуренция, модернизация, Европа и Азия

Для цитирования

Трубицын О. К. Геополитические условия формирования капиталистической системы // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 26–39. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-26-39

The geopolitical conditions of the formation of the capitalist system

Oleg K. Trubitsyn

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

trubitsyn77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

© Трубицын О. К., 2026

Abstract

There is a fairly popular hypothesis, defended by various researchers, according to which the geopolitical fragmentation of Europe in Modern times provoked numerous wars and thereby stimulated innovation potential. It is this competition that sets Europe apart from the Asian empires and has become a key factor in modernizing and shaping capitalism. J. Goldstone presented a fairly convincing critique of this hypothesis. In his opinion, on the one hand, military competition does not promote innovative development, and on the other, it was no less intense in Asia. The article attempts to modify the hypothesis of geopolitical competition, taking into account the remarks of J. Goldstone. It is concluded that this factor is not an absolutely necessary and sufficient reason for modernization, but acts as a contributing condition that increases the likelihood of modernization.

Keywords

capitalism, world-systemic approach, world system, empire, world-economy, geopolitical competition, modernization, Europe and Asia

For citation

Trubitsyn O. K. The geopolitical conditions of the formation of the capitalist system. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 26–39 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-26-39

Введение

Прежде чем сформулировать задачу работы, нужно прояснить, что в данном случае подразумевается под «геополитическими условиями» и под «формированием капиталистической системы». Говоря о геополитических условиях в данной работе, мы будем иметь в виду лишь один определенный аспект – уровень внутрицивилизационной геополитической конкуренции. Геополитическая конкуренция, доходящая до ситуации войны, может происходить как между политиями, относящимися к одному макрорегиону / цивилизации, так и к разным макрорегионам / цивилизациям. Империи-цивилизации объединяют в своем составе все или почти все общества, принадлежащие к данной цивилизации, исключая таким образом внутрицивилизационную геополитическую конкуренцию. В результате для них остается лишь военная конкуренция с иными политиями, отделенными метаэтническим разломом, и зачастую также отделенными географическими препятствиями – естественными границами макрорегионов. В целом уровень конкурентности геополитической среды для империй ниже, чем для политий – членов геополитически расчлененных макрорегионов, но военные вызовы в перспективе опаснее, так как исходят от иноцивилизационных держав.

Капиталистические отношения, классы и структуры встречаются в истории с глубокой древности практически повсеместно. Однако формирование капиталистической системы – это единичное, уникальное историческое событие, случившееся в Европе Нового времени. До этого элементы капитализма присутствовали на периферии социальных отношений и были тесно слиты с некапиталистическими практиками. Так, в Древнем Риме основным рынком был рынок рабов. В средневековой Европе предкапиталистические города-государства находились в зонах ослабленного феодально-монархического контроля мира-системы с преобладающим данническим способом накопления, выполняя посреднические функции. И во всех случаях древнего и средневекового «капитализма» он был лишь способом накопления, в котором задействованы в основном торговцы и финансисты, а не способом производства, определяющим почти все содержание экономической жизни. Лишь в Европе Нового времени впервые в ис-

тории происходит формирование производительного капитализма как системы, где капиталистические отношения пронизывают экономику от высших этажей финансовой деятельности и международной торговли, до производства массовых товаров и услуг на местных рынках. Капиталистическая индустриализация свидетельствует о складывании капиталистических элементов в полноценную систему.

В прочих цивилизациях капитализм появляется как результат институционального заимствования, а нередко и силового навязывания. Это делает случай Европы уникальным и неповторимым. Этот факт затрудняет проведение сравнительных исследований факторов формирования автохтонного капитализма. Тем не менее, исследователями сформулированы разные перечни факторов, благодаря которым именно в Европе впервые случилась капиталистическая индустриализация, превратившая регион на некоторое время в мирового гегемона. Среди них – уровень внутрицивилизационной геополитической конкуренции, связанной с отсутствием панъевропейской империи, которая объединила бы всю или почти всю Европу в единую централизованную державу. Это можно назвать гипотезой «геополитической расчлененности»: отсутствие макрорегиональной империи-цивилизации и соответствующий высокий уровень внутрицивилизационной геополитической конкуренции повышают шансы традиционного общества на спонтанную модернизацию с развитием индустриального капитализма. Задача данной статьи собственно и состоит в том, чтобы проверить данную гипотезу: действительно ли создание панъевропейской империи могло бы воспрепятствовать спонтанному возникновению здесь производительного капитализма?

Примеры моделей, обосновывающих значимость геополитической расчлененности Европы для ее успешной модернизации

М. Вебер формулирует идею значимости фактора геополитической расчлененности для успешной социальной эволюции по рыночному пути во вполне явном виде, хотя и весьма кратко. Объясняя причины, по которым Китай так и не вступил самостоятельно на путь модернизации, хотя определенные предпосылки для этого у него имелись, он связывает это в том числе с успехом имперского проекта в Китае. Соответственно, успех европейской модернизации отчасти связан с неуспехом здесь имперских проектов. Он замечает, что как «любое образование картелей в частной экономике ослабляет рациональную калькуляцию, эту душу капиталистического хозяйства, так и прекращение политической конкуренции государств за власть приводит к сворачиванию рационализации органов управления, финансового хозяйства и экономической политики. Мировая империя уже не дает для этого никаких стимулов, существовавших когда-то при конкуренции отдельных государств» [Вебер, 2017, с. 164]. В Китае, «как и в объединенном Римской империей orbis terrarum, политическое объединение в мировую империю, очевидно, привело здесь к закату подобного [политического] капитализма, в существенной мере привязанного к государству и его конкуренции с другими государствами» [Там же, с. 195]. Согласно М. Веберу, конкуренция за мобильный капитал между приблизительно равными и достаточно крупны-

ми политиями привела в Европе к союзу между государством и капиталистами, что стало важным фактором формирования современного капитализма.

Однако дальнейшего развития и обоснования данная идея у М. Вебера не получает, поскольку он больше интересовался ролью культурных факторов. Впрочем, в веберовской перспективе культурные факторы получают свою связь с геополитическими: протестантизм сыграл не только мировоззренческую, но и геополитическую роль, поскольку Реформация воспрепятствовала возникновению панъевропейской империи, что позволило Европе сохранить динамизм, присущий конкурентной среде.

Дж. Голдстоун [2014, с. 176–177] излагает идеи современных авторов Э. Джонса и Д. Лэндса, которые доказывают, что наличие множества конкурирующих государств сделало Европу более открытой для инноваций. Они замечают, что в группах соперничающих государств (рассматриваются примеры древнегреческих городов-государств, итальянских государств эпохи Возрождения и государств доиндустриальной Европы) крайне динамично развиваются политика, искусство и военные технологии. Конкуренция между государствами вынуждает правителей не только улучшать военную организацию и технику, но и идти на уступки своим подданным, снижая налоги для получения их поддержки. Для системы конкурирующих государств прогресс становится императивом, так как даже если один правитель подавляет новые идеи, они развиваются в других странах, усиливая инноваторов.

Современный историк У. Мак-Нил подтверждает значимость фактора геополитической расчлененности и провоцируемых ею военных конфликтов для развития Европы. «Хотя политическое разнообразие и нестабильность Западной Европы приводили к хроническим войнам, это не препятствовало быстрому культурному и экономическому росту. Напротив, именно данные факторы и определяли это развитие. Бесконечное соперничество между конкурирующими политическими устройствами питали социальную среду и вдохновляли нововведения, обещая особые выгоды любому новому способу приложения сил. И действительно, если бы средневековая Европа была приведена к политическому миру и согласию либо сильным и успешно правящим императором, либо победившим папством, трудно представить, чтобы импульсивный характер развития европейской цивилизации не стал бы чахнуть и не иссяк бы в любой из этих институциональных конфигураций. Хронические войны, являвшиеся результатом непрерывавшегося политического многообразия, долго были весьма болезненной, но мощной и притом основной движущей силой жизнеспособности Запада» [Мак-Нил, 2004, с. 708].

К. Померанц также видит в войнах двигатель прогресса. Он проводит связь между интенсивностью европейских войн и успехами европейцев в колонизации: «Разумеется, в определенной мере само завоевание заморских территорий было результатом интенсивного военного соперничества внутри собственно Европы. Соперничество это способствовало существенному развитию военных технологий и тактики, что позволило европейцам нивелировать такие недостатки, как чрезмерно большие расстояния, на которых осуществлялось снабжение войск, и ограниченность размеров военного контингента в заморских territori-

ях» [Померанц, 2017, с. 344]. Некоторые исследователи, включая самого К. Померанца, связывают подъем Запада в том числе и с выгодой от колонизации. Если это так, то разобщенность Европы, спровоцировавшая интенсивность военных конфликтов и развитие военных технологий, действительно способствовала развитию, обеспечив Европу колониальными ресурсами. Однако колонизация – это уже самостоятельный фактор и отдельная тема для рассмотрения, поэтому здесь мы на ней останавливаться не будем.

Дж. Даймонд – знаменитый современный представитель географического детерминизма. В книге «Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ» он объясняет причины, по которым в доколумбову эпоху Старый Свет намного опередил в своем развитии Америку. Его ответ сводится к специфике географии: общества Старого Света образовывали обширную сеть, по которой распространялись инновации, ускоряя их эволюцию. (Он в целом исходит из того, что большинство инноваций приходят извне, а не создаются в рамках одного общества.) Объяснение достаточно убедительное, но тогда встает вопрос, а почему в Старом Свете Европа в конце концов опередила всех остальных? Ответ, который он дает в небольшой статье «Как разбогатеть?», тот же – специфика географии¹. В Китае ровная береговая линия и открытое для перемещений армий пространство, в Европе – изрезанная береговая линия², а помимо того Альпы, Пиренеи и другие горы также создают условия для успешного сопротивления имперским проектам со стороны небольших политий. По этим географическим причинам Китай как был объединен в 221 году до н. э., так и оставался единым большую часть времени с тех пор, в то время как из-за географии Европа никогда (до недавнего времени) не объединялась. То, что Китай всегда был единой страной, с единым центром управления, привело к тому, что по прихоти императора подавлялись многие инновации. В Европе тоже были монархии, которые не принимали различные новшества, но Европа состояла из множества княжеств. А это значит, что постоянная конкуренция между ними была двигателем прогресса, и успешные технологии неизбежно внедрялись повсеместно. Впрочем, по его мнению, важно не только наличие множества конкурирующих субъектов³, но и поддержание относительно свободных коммуникаций между ними.

Критика гипотезы геополитической расчлененности

На первый взгляд, утверждения рассмотренных ранее авторов кажутся достаточно убедительными. Действительно, вполне правдоподобным выглядит предположение, что «европейские монархии, соревнуясь друг с другом, поощря-

¹ Diamond J. How to Get Rich (06.06.1999). *Edge.org*. URL: https://www.edge.org/conversation/jared_diamond-how-to-get-rich (дата обращения: 12.06.2025)

² Стоит с ним согласиться, что изрезанная береговая линия и отгороженные от основного массива полуострова не способствовали созданию единой империи. Но также значимо и то, что наличие удобных морских путей, связывающих регионы Европы, способствовало развитию морской торговли и снижало социальный запрос на единую империю, которая поддерживала бы безопасность сухопутных линий торговли. Иначе говоря, для развития европейской торговли империя была излишня.

³ Впрочем, он оговаривается, что существует оптимальная промежуточная степень раздробленности, так как слишком сплоченное общество — это недостаток, но и слишком раздробленное общество — тоже недостаток.

ли торговлю, завоевания и колонизацию» [Фергюсон, 2014, с. 77], (а в дальнейшем и развитие науки и промышленности) и проистекающий отсюда вывод, что «как ни парадоксально, именно благодаря тому, что европейцы были разделены, они правили миром. Для Европы малое было прекрасным, поскольку влекло за собой конкуренцию – не только между государствами, но и в их рамках» [Там же, с. 78]. В противовес этому правитель крупной объединенной империи больше заботится о сохранении контроля над империей, чем о геополитической конкуренции. Это побуждает его к принятию консервативной стратегии управления. Поддержание социального контроля за счет насаждения единообразной религиозной ортодоксии и высокий уровень налогообложения для поддержания режима оказываются важнее инноваций в сфере экономики и военного дела. Однако возникает вопрос – а разве неевропейские монархи между собой не соревновались? Было ли их соревнование недостаточным, или по еще какой причине оно не стимулировало достаточной поддержки экономическому и научно-техническому развитию?

Главным критиком гипотезы геополитической расчлененности является Дж. Голдстоун. Он скептически относится к гипотезе, что конкуренция между европейскими государствами заставила правителей снизить налоги и пошлины и гарантировать права собственности, чтобы завоевать поддержку элиты и народа, что дало основу для экономического роста. Он замечает на это, что Британия в XVIII в. имела самые высокие налоги в Европе, гораздо выше, чем в любой азиатской империи.

Дж. Голдстоун начинает с того, что отчасти соглашается с веберовским подходом в том, что протестантизм действительно содействовал созданию системы конкурирующих государств. Однако «подобная система соперничающих государств не была чем-то уникальным для Европы и в целом не вела к росту благосостояния» [Голдстоун, 2014, с. 90]. Для Европы это не было безусловно положительным обстоятельством, поскольку «конкуренция между европейскими государствами обычно не благоприятствовала свободе и плюрализму – в сущности, подобная конкуренция привела большинство правителей к резкому развороту курса против плюрализма в пределах подвластных им территорий, что означало конец всем инновациям и свободе мысли» [Там же, с. 180]. В целом он не поддерживает популярную идею, представленную у У. Мак-Нила, К. Померанца, Ч. Тилли и других авторов, что война является двигателем прогресса в целом и европейской истории в частности.

Он критически оценивает гипотезу связи геополитической расчлененности, интенсивности военной конкуренции и инновационного потенциала макрорегиона. Она строится на утверждении, что «в отсутствие доминирующей державы, способной установить порядок, Европу постоянно сотрясали войны между государствами на протяжении большей части XVI–XIX столетий. И наоборот, в XVI–XIX вв. большая часть Северной Африки и Ближнего Востока находилась под управлением Османской империи, большая часть Индии – империи Моголов, а весь Китай управлялся империями Мин и Цин» [Там же, с. 176]. Хотя эта «теория и выглядит привлекательно, в сущности, было бы чрезмерным и ошибочным упрощением утверждать, что, начиная с XVI в., в Европе существовала система

соперничающих государств, а в Азии целые империи развивались без конкуренции» [Голдстоун, 2014, с. 177]. С одной стороны, в Европе к системе соперничающих государств принадлежали Польша, Испания, Португалия, Италия, а также Россия и Османская империя, которые не демонстрировали экономического подъема. С другой, Индия и Юго-Восточная Азия также исторически были обычно разделены. Действительно, в Азии существовали десятки государств, причем империи сталкивались с внешними угрозами (например, войны Персии против Османов и Моголов). Также и государства Индокитая – Аннам, Тонкин, Чампа и Кхмер с XII по XX в. непрерывно воевали друг с другом. Таким образом, здесь не работает предположение о том, что Азия состоит из империй, склонных в силу своей имперской природы к консерватизму, провоцирующему застой. В конце обсуждения данной темы Дж. Голдстоун подводит итог: «И в Европе, и в Азии были десятки конкурирующих государств. И там, и там множество государств находились в постоянном военном противостоянии, что позволяло расцветать самым различным убеждениям и религиям, несмотря на усилия отдельных правителей по насаждению религиозного единообразия в своих странах» [Там же, с. 181].

Оценка аргументов за и против гипотезы геополитической расчлененности

Чтобы оценить правдоподобность гипотезы значимости geopolitical расчлененности для спонтанной модернизации в Европе и формирования капитализма, нужно сопоставить ситуацию в Европе с ситуацией в других ключевых макрорегионах. В Старом Свете, помимо Западной Европы, таковых всего четыре: Ближний Восток (включая Северную Африку), Дальний Восток (Китай и его окружение), Индийский субконтинент и Северная Евразия (Хартленд в терминологии Х. Дж. Маккиндера, практически говоря территория России). Каждый из этих макрорегионов является ядром определенной цивилизации. Промежуточные территории, такие как Восточная Европа, Средняя Азия, Индокитай, скорее стоит квалифицировать как лимитрофы (в терминологии В. Л. Цымбурского), т. е. промежуточные спорные территории.

У Европы было такое значимое историческое отличие от прочих макрорегионов, как отсутствие прямого соседства с Великой степью, где создавались кочевые империи, периодически обрушивавшиеся на земледельческие цивилизации и наносящие им огромный ущерб. Такое соседство создавало, конечно, geopolitical вызов, но иного рода, чем внутрицивилизационные войны. Такой вызов был опаснее и требовал предельного напряжения сил и по возможности создания сильных империй для противостояния угрозе. С другой стороны, культурные заимствования при столкновении с иноцивилизационными народами существенно сложнее, чем при столкновении с собратьями по цивилизации. Да и заимствовать у кочевников было почти нечего⁴. Ситуация geopolitical расчлененности, таким образом, для неевропейских цивилизаций давала меньше позитивных импульсов, но создавала большую экзистенциальную угрозу.

⁴ Л. Н. Гумилев бы с таким тезисом, по всей видимости, не согласился.

Характерный пример этого – история Древней Руси. Период раздробленности закончился монгольским завоеванием, разорившим страну и серьезно затормозившим развитие товарного хозяйства. Русским империя нужна была для простого выживания по соседству со Степью. К тому же до открытия окна в Европу на Балтике Петром I Россия была почти что отрезана от торговых путей, способствовавших накоплению капитала. Развитие Российского государства в результате происходило в условиях высокой концентрации принуждения и низкой концентрации капитала [Тилли, 2009]. Стратегия усиления государства за счет использования принуждения подразумевала опору государя на воинственных дворян-землевладельцев при слабых городах и неразвитой буржуазии, что, собственно, и приводило к низкой концентрации капитала. Развитие североевразийского региона, таким образом, шло не по европейскому пути конкуренции множества государств одной цивилизации, а по имперскому пути объединения всего макрорегиона под единой властью. Еще раз стоит подчеркнуть, что данный путь был вынужденным в силу экзистенциальных геополитических вызовов других цивилизаций и ограниченного доступа к морским торговым путям. Он имел свои плюсы, когда концентрированная мобилизация сил общества централизованным государством позволяла побеждать противников и расширять территорию. Но в долгосрочном плане все больше стали проявлять себя и минусы в виде торможения развития капитализма имперской элитой, не склонной к сотрудничеству со слабыми капиталистическими классами.

Аргумент Дж. Голдстоуна, что Россия и Турция также принадлежали к европейской системе соперничающих государств, не вполне правомерен. Они принадлежали к иным цивилизациям, и потому, как уже было отмечено, возможности культурных заимствований были крайне затруднены. По крайней мере, пока Петр не вестернизировал Россию, – а далее модернизация России шла относительно успешно (во всяком случае, уже во времена Крымской войны отставание оказалось далеко не столь катастрофическим, как для Китая того же периода).

Становление европейских государств в основном шло по противоположному пути низкой концентрации принуждения и высокой концентрации капитала (Генуя, Нидерланды) или наиболее перспективному в долгосрочном плане промежуточному пути с параллельным ростом концентрации капитала и принуждения (Франция, Англия) [Тилли, 2009]. Они могли себе позволить развитие без предельной имперской мобилизации. Такое относительно более слабое и децентрализованное государство нуждалось в период раннего Нового времени в наемной армии. Коммерциализация военной сферы (а война была тогда почти что единственной задачей государства и главной статьей расходов) способствовала коммерциализации экономики. Кроме того, короли вынуждены были постоянно занимать деньги у банкиров для финансирования своих военных кампаний. Поначалу это создавало у них соблазн «кинуть» займодавцев, пользуясь своей монаршей властью, не ограниченной законом. Однако вскоре эта стратегия продемонстрировала свою бесперспективность. Обманщику в следующий раз могли уже и не дать заем. К тому же в рамках мира-экономики, как и утверждал И. Валлерстайн, капитализм развивался с надгосударственного уровня вниз, на уровень государств. Это означало, что даже когда на национальном уровне капитал выгля-

дел беспомощной жертвой власти, на деле он был значительно защищен от принудительных поборов тем, что в своей мобильной форме существовал как бы над государствами или между ними. Банкиры и купцы, финансировавшие европейских монархов, были частью разветвленной сети, узлы которой находились в буржуазных протокапиталистических городах-государствах вне досягаемости королей. Так что с владельцами капиталов следовало договариваться и уважать их интересы. Союз короны и капитала стал взаимовыгодным, открывая дорогу формированию абсолютизма, с одной стороны, и усилению капиталистических элементов, с другой.

Аргумент Дж. Голдстоуна, что не все европейские государства, находясь в одной и той же конкурентной военно-геополитической среде, продемонстрировали в Новое время успехи в капиталистической модернизации, не вполне убедителен. Действительно, как он и утверждает, Испания и Португалия не преуспели в развитии капиталистической индустриальной экономики вплоть до XX в., отстав в начале этого века от Японии. Однако заметим, что напряженная военная конкуренция в конце Средних веков (правда, с иноцивилизационными противниками) сделала их одними из наиболее сильных и богатых держав начала Нового времени, лидерами начального периода европейской колониальной экспансии. Но главное – *вызов* внутрицивилизационной военно-геополитической конкуренции создает некоторые предпосылки, повышает шансы модернизации, но не гарантирует ее, – это уже зависит от *ответа*.

Для М. Вебера, как и для других сторонников гипотезы связи геополитической расчлененности и капитализма, Китай является любимым примером того, как централизованная империя задушила ростки капитализма. Впрочем, он признает, что и в Китае был свой период военной конкуренции держав, способствующий созданию политических предпосылок капитализма, но он завершился слишком рано, чтобы элементы капитализма смогли закрепиться. И тут же оговаривается, что создание здесь империи объясняет неразвитость политического капитализма, но не отсутствие чисто экономически ориентированного капитализма. Так что данный фактор является для него не ключевым для объяснения причин отсутствия спонтанного перехода к капитализму в Китае.

Таким образом, аргумент, что мировая империя-цивилизация выступает тормозом экономической модернизации, выглядит достаточно убедительным по отношению к китайской истории. Централизованная империя здесь имела и мотивы, и возможности для регулярной экспроприации усилившихся капиталистов при полном одобрении народа и конфуцианской элиты книжников. Однако, как и заметил Дж. Голдстоун, Индия и Юго-Восточная Азия исторически были обычно разделены, так что аргумент в виде фактора империи здесь выглядит более сомнительным. В исламском мире данного периода также существовало достаточно острое соперничество между государствами Османов, Сефевидов и Великих Моголов, но оно не стимулировало роста инновационности, а, напротив, укрепляло религиозный догматизм, препятствующий развитию науки. Тем не менее, можно достаточно уверенно предположить, что интенсивность военной конкуренции между мусульманскими странами, как и между государствами Индостана и Юго-Восточной Азии, была ниже, чем между европейскими. Империя

Великих Моголов находилась за пределами основного исламского макрорегиона – Ближнего Востока. Ее основной конфликт был с покоренным индуистским большинством и региональными сепаратистами; в итоге он закончился распадом этого непрочного образования⁵. Османская империя в целом может быть охарактеризована как мировая империя, включающая в свой состав большую часть ближневосточного макрорегиона. Если не брать географически отдаленные мусульманские земли, основной суннитский ареал был под контролем турецкого султана. Так что фактор имперского единства (отрицание фактора геополитической расчлененности) все же работал против турецкой модернизации, хотя и не столь явно, как в Китае. Иран же, считая себя единственной шиитской страной, вообще находился в иноцивилизационном окружении, стремясь культурно обособиться не только от немусульманских, но и от суннитских стран. Соответственно, фактор интенсивного внутрицивилизационного конфликта к нему вообще не вполне применим.

Тем не менее некоторая геополитическая расчлененность в регионах Ближнего Востока и особенно Индийского субконтинента определенно присутствовала, как и военная конкуренция между странами. Помимо предполагаемого более низкого уровня ее интенсивности можно предположить, что развитию капитализма препятствовали и другие факторы⁶. Остановимся лишь на геополитическом, имеющем отношение к геополитической расчлененности, но в более специфическом аспекте.

Уровень геополитической расчлененности Европы был существенно выше, чем у любого другого региона мира, поскольку наряду с относительно крупными монархиями имелся целый ряд полунезависимых светских и церковных феодальных владений и городов-государств. Особое значение для раннего периода коммерческого протокапиталистического развития имели последние. Впрочем, значимы были не только независимые городские республики, но и автономные города в феодальных государствах. Как указывает У. Мак-Нил, «благодаря причудливой политической раздробленности Европы, на континенте насчитывалось несколько десятков подобных [Льежу] благоприятствовавших предпринимательству районов» [2008, с. 137]. При этом автономность этих городов также производна от раздробленности (феодальной в рамках отдельных королевств): «Внутри этой [феодальной] системы города занимали несколько аномальное место. Они не были частью растущей феодальной структуры, но существовали более или менее вне ее. Горожане были способны использовать одного местного лорда против другого для поддержания независимости; все лорды имели заинтересованность в поддержке городов, чьи торговцы снабжали их предметами роскоши» [Chase-Dunn, Hall, 1997, p. 174].

⁵ Вообще возможно, что фактор военной конкуренции лучше работает в ситуации, когда существуют относительно устойчивые государства, воюющие друг с другом на протяжении веков, но без радикального сдвига границ, распада или поглощения. Большинство государств Индостана и Центральной Азии были исторически непрочными, легко распадались и поглощались, нередко уже после смерти основателя.

⁶ Здесь, по всей видимости, основную роль в торможении развития сыграли традиционные институты, являющиеся пережитками азиатского способа производства, став барьером на пути перехода к обществу модерна. Также здесь не случилось аналога Реформации, стимулировавшей подъем индивидуализма и укрепления трудовой и предпринимательской этики.

Образовалась своеобразная среда: небольшое число крупных монархий, ведущих между собой основные войны и создающие угрозы для прочих, и множество малых образований, среди которых особое место занимают буржуазные городские республики, ставшие лабораториями социально-экономических инноваций. Победа капитализма произошла тогда, когда крупные страны стали адаптировать у себя и развивать далее капиталистические практики, сначала изобретенные в городах-государствах.

На это можно возразить, что в Азии были свои города-государства (Малакка, Ормуз и др.), которые специализировались на торговле, причем «эти города-государства являли собой территории деловой активности и безопасности, сравнимые с теми, на которых вели свою деятельность европейские владельцы капиталов раннего Нового времени» [Померанц, 2017, с. 304]. Однако таких городов было мало. Они не образовывали обширных сетей, наподобие Ганзейского союза, и не вели между собой длительных войн. Относительно крупных неимперских политий рядом с ними было значительно меньше, чем в Европе, и интенсивность их военной конкуренции ниже.

Еще один аргумент в пользу гипотезы дает такой популярный подход современной теоретической социологии, как военно-фискальная теория современного государства (М. Манн и др.), которая подчеркивает значимость геополитической конкуренции и военных конфликтов в модернизации европейских обществ. М. Сентено в своей книге «Кровь и долг. Война и национальное государство в Латинской Америке» обосновывает данный тезис анализом негативного случая латиноамериканского региона. Здесь государства не вели постоянных войн между собой, так что не случилось военной революции в виде создания массовой и дорогой военной организации. Из-за этого не было создано широкой системы налогообложения и бюрократического аппарата для проникновения государства в общество. В результате латиноамериканские государства так и остались слабыми и несовременными, с низким уровнем патриотического самосознания и национальной солидарности.

Таким образом, выглядит достаточно обоснованным предположение, что если бы в Европе удался какой-либо имперский проект – императоров Священной Римской империи, испанских Габсбургов или папства – это существенно ослабило бы движущие силы модернизации, вплоть до абортирования зачатков капитализма. «Сумей Иннокентий III (1198–1216) и Бонифаций VIII (1294–1303) осуществить план по установлению папского господства над всем христианским миром, сделав военных, горожан и крестьян подданными теократии, Западная Европа уподобилась бы Китаю, где Сын Неба властвовал над обществом посредством преданного конфуцианским идеалам аппарата служащих» [Мак-Нил, 2008, с. 90]. И поскольку традиционное «христианство было столь же враждебно духу рынка, сколь и конфуцианство» [Там же, с. 91], то и результат гегемонии Рима мог быть аналогичным ситуации Китая, где ростки капитализма были успешно задушены. Но в отличие от Китая, «регион Латинского христианства не имел единой управленческой структуры, чьи решения были бы обязывающими на всем западноевропейском пространстве и могли бы удерживать накопление частного капитала на уровне зародышевого минимума. Власть рынка даже над могущественнейшим из властителей стала реальностью» [Там же, с. 137].

Заключение

Геополитическая расчлененность цивилизационного макрорегиона означает, с одной стороны, возникновение предпосылок для формирования мира-экономики, а с другой, для внутрицивилизационной геополитической конкуренции. Войны, очевидно, не являются безусловным благом для общества, так как несут гибель людей, разрушения, нередко рост нетерпимости и ужесточения порядков. Однако они выступают важным стимулом, наиболее требовательно побуждающим к модернизации, заимствованию удачного опыта других. Причем это больше относится к конфликтам внутрицивилизационным, чем к межцивилизационным, при которых возможности заимствования чужого опыта затруднены культурными границами. Ситуация мира-экономики означает формирование сетей международного капитала, до некоторой степени защищающих владельцев капитала от его произвольной экспроприации властями традиционных даннических государств. А ситуация постоянной военной конкуренции побуждает правителей идти на сотрудничество с капиталистами, поощряя развитие капиталистических элементов вместо их подавления.

В условиях геополитической расчлененности возникает пространство для возникновения протокапиталистических городов-государств, выполняющих посредническую функцию в рамках мира-экономики. В них изобретаются различные капиталистические институты, в частности финансовые инструменты, которые впоследствии получают более широкое распространение. Благоприятным фактором для зарождения капитализма является также относительная автономия городов, выступающих центрами накопления капитала, в крупных даннических государствах, которая возникает в условиях относительной слабости центральной власти. Оптимальный сценарий зарождения и развития полноценного производительного капитализма – это когда усиление государства за счет бюрократизации и централизации средств принуждения и концентрация капитала в городах происходят параллельно. В иных случаях складываются либо подавляющие развитие капитализма бюрократические государства, либо малые города-государства, способные развивать только локальный торговый капитализм как способ накопления. В целом существует тенденция, когда капиталистические практики зарождаются в малых городах-государствах, получают развитие в государствах побольше и, наконец, формируют полноценный капиталистический способ производства в крупных государствах. Таким образом, геополитическая расчлененность цивилизационного макрорегиона, особенно такая, которая включает сосуществование относительно крупных государств и малых городов-государств, является благоприятной средой для модернизационного прорыва ограниченный традиционного общества и даннического способа накопления.

Итак, судя по всему, действительно существует определенная благоприятствующая связь между параметрами «геополитическая расчлененность» и «спонтанное развитие капитализма». Причем эта связь двусторонняя – не только расчлененность способствует капитализму, но и наоборот: «Чейз-Данн доказывает, что необычайно высокая сопротивляемость современной межгосударственной системы образованию империи существует благодаря преобладанию капитализма. Капиталисты предпочитают полицентрическую интернациональную поли-

тическую систему. Следовательно, наиболее сильные государства в современной межгосударственной системе не пытаются создать всемирную империю, но скорее пытаются поддерживать эту межгосударственную систему. Причина заключается в их главном методе накопления – товарном производстве, которое отличается от докапиталистических систем, в которых государственная власть сама была главной основой накопления через налоги или дань» [Chase-Dunn, Hall, 1997, p. 33].

Эта связь такова, что геополитическую расчлененность в пределах одного цивилизационного макрорегиона действительно можно назвать значимым фактором модернизации и спонтанного формирования капитализма. Однако значимость этого фактора вероятностная: наличие подобной геополитической ситуации повышает вероятность того, в что в данном макрорегионе произойдет спонтанный переход к капитализму. Этого фактора самого по себе еще недостаточно, так как его наличие не гарантирует начала модернизации, а его отсутствие, как можно предположить, не является непреодолимым препятствием данной социальной трансформации, хотя и снижает ее вероятность. Во всяком случае, догоняющая модернизация может происходить вполне успешно и в крупных государствах имперского типа.

Список литературы

- Вебер М.** Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017.
- Голдстоун Дж.** Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014.
- Мак-Нил У.** Восхождение Запада: История человеческого сообщества. К.: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004.
- Мак-Нил У.** В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008.
- Померанц К.** Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Изд. дом «Дело», 2017.
- Тилли Ч.** Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009.
- Фергюсон Н.** Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ: CORPUS, 2014.
- Chase-Dunn Chr., Hall Th. D.** Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder: Westview Press, 1997.

References

- Chase-Dunn Chr., Hall Th. D.** Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder: Westview Press, 1997.
- Ferguson N.** Civilization: how the West differs from the rest of the world. Moscow: AST: CORPUS, 2014. (in Russian)
- Goldstone J.** Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. (in Russian)

- McNeil W.** In pursuit of power. Technology, the armed force and society in the XI-XX centuries. Moscow: Territory of the Future, 2008. (in Russian)
- McNeil W.** The Rise of the West: A History of the human community. Kiev: Nika-Center; Moscow: Starlight, 2004. (in Russian)
- Pomerants K.** The Great Divergence: China, Europe and the Creation of the Modern World Economy. Moscow: Delo Publishing House, 2017. (in Russian)
- Tilly Ch.** Coercion, capital, and European states. 990-1992. Moscow: Territory of the Future, 2009. (in Russian)
- Weber M.** Economic ethics of World religions: Experiments of comparative sociology of religion. Confucianism and Taoism. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2017. (in Russian)

Информация об авторе

Олег Константинович Трубицын, кандидат философских наук, доцент
Доцент кафедры философии, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Oleg K. Trubitsyn, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Docent, Chair of Philosophy, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 20.11.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 22.12.2025*
*The article was submitted 20.11.2025;
approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 22.12.2025*

Научная статья

УДК 316.334.55

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-40-53

Социокультурное развитие локальных сообществ: условия, факторы, перспективы

Владимир Сергеевич Шмаков

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия*

vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>

Аннотация

Евразийское социокультурное пространство претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные как глобальными вызовами, так и внутренними процессами модернизации. Социокультурные преобразования локальных сообществ представляют собой многомерный, динамичный процесс, в ходе которого формируются социокультурные идентичности, ценности, практики и институты. Гипотеза исследования состоит в том, что анализ эволюции социокультурной сферы, и выявление и оценка факторов развития локальных сообществ позволяют определить детерминанты и модели трансформации социокультурного пространства. Социокультурная динамика кристаллизуется как состояние конфликта в мультиконфессиональном, полиэтничном социуме, представляющем смещение стилей, норм, принципов, отражающих особенности и приоритеты традиции, модерна и архаики. Движение к изменчивости и вариативности порождает нестабильность социокультурной среды, способствует разбалансировке базовых ценностей, ослаблению менталитета и разрушению социокультурной матрицы. Внутри локальных сообществ инициируется процедура конструирования гибридных моделей социокультуры, соразмерных интересам и потребностям дивергентных групп. Мотивированный целенаправленный поиск путей адаптации порождает процессы поляризации и конфронтации социума, программирует появление «проигрывающих сообществ». В локальных сообществах наблюдается дрейф, сочетающий интеграционные и дезинтеграционные тенденции, проявляющийся в пренебрежении к базовым ценностям, провоцируя снижение устойчивости локальных сообществ, утрате социокультурной идентичности.

Ключевые слова

глобализация, локальное сообщество, социокультурная трансформация, идентичность, дифференция, консолидация

Для цитирования

Шмаков В. С. Социокультурное развитие локальных сообществ: условия, факторы, перспективы // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 40–53. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-40-53

© Шмаков В. С., 2026

Socio-cultural development of localities: conditions, factors, prospects

Vladimir S. Shmakov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation*

vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>

Abstract

The Eurasian socio-cultural space is undergoing fundamental changes due to both global challenges and internal modernization processes. Sociocultural transformations of localities are a multidimensional, dynamic process during which sociocultural identities, values, practices and institutions are formatted. The hypothesis of the study is that the analysis of the evolution of the socio-cultural sphere and the identification and assessment of factors of the development of localities make it possible to determine the determinants and models of transformation of the socio-cultural space. Sociocultural dynamics crystallizes as a state of conflict in a multi-confessional, multi-ethnic society, representing a mixture of styles, norms, principles reflecting the features and priorities of tradition, modernity and archaism. The movement towards variability and variability generates instability of the socio-cultural environment, contributes to the imbalance of basic values, the weakening of mentality and the destruction of the socio-cultural matrix. Within localities, a procedure is initiated for constructing hybrid models of socioculture commensurate with the interests and needs of divergent groups. A motivated, purposeful search for ways to adapt generates processes of polarization and confrontation of society, and programs the emergence of «losing communities». There is a drift in localities that combines integration and disintegration tendencies, manifested in disregard for basic values, provoking a decrease in the stability of localities and the loss of socio-cultural identity.

Keywords

globalization, local community, socio-cultural transformation, identity, differentiation, consolidation

For citation:

Shmakov V.S. Socio-cultural development of localities: conditions, factors, prospects. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 40–53 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-40-53

Глобализационные процессы, канализируя направления мирового развития, определяют и регламентируют процедуры интеграции экономики, политики, культуры и социальности, обостряя проблемы столкновения «глобального» и «локального», детерминируют опасность утраты традиционных, базовых ценностей локальных сообществ, являющихся основой социокультурной идентичности. Глобализация, трансформируя экономическое пространство локальных сообществ, оказывает воздействие на все сферы жизнедеятельности, формируя геополитическую картину мира, усугубляя политические, производственно-экономические и социокультурные противоречия, стимулирует увеличение конфликтного потенциала, создавая угрозу для существования цивилизации. Внутренняя противоречивость процессов в локальных сообществах формирует тенденции как интеграции в более широкие пространственные сети, так и дезинтеграции локальных сообществ, провоцируя распад социокультурных связей, миграцию, демографический коллапс. Увеличивающаяся мобильность социума, набирающее обороты влияние «информационного фактора» (развитие медиапространства, цифровая среда, кибербезопасность и т.д.), изменение ценностных ориентаций становятся ключевыми элементами влияния на эволюцию культуры и социаль-

ности локальных сообществ [Tomlinson, 2009; Чумаков, 2016], что обуславливает социокультурные вызовы, диктующие тенденции и перспективы онтогенеза социокультурного пространства мира [Irani, Noruzi, 2011; Левицкий, 2020]. Американский философ Г. Дэвис, например, отмечает, что глобализация, выступая наиболее важным, значимым историческим феноменом современности, в то же время стала «политической катастрофой» Запада [Davis, 2022]. Конститулируемые либеральные стандарты, ценности и смыслы оказывают принципиальное воздействие на модификацию локальных сообществ. В процессе трансформации сжимаются границы влияния традиционных социокультурных установок, провоцируется возникновение проблемы дезинтеграции, дифференциации социокультурного пространства, распада традиционных производственно-экономических связей и устоявшихся социокультурных практик.

В Российской Федерации модернизация, трансформируя отношения собственности, детерминирует флуктуацию социокультурных и институциональных отношений. В процессе социокультурной эволюции меняются ценностные ориентации [Евстафьев, Цыганова, 2020; Аксенова, 2022], перестраиваются жизненные смыслы и мотивационные императивы жизнедеятельности локальных сообществ, затрагивая межнациональные коммуникации [Тишков, 2021]¹. Одним из ключевых результатов трансформации социокультурного пространства локальных сообществ следует считать деградацию и разрушение традиционных социальных и культурных маркеров, появление новых социокультурных эталонов и индикаторов, которые создают смысловые противоречия, диссонанс в образе жизнедеятельности локального сообщества [Шмаков, 2025a]. Складывающаяся новая парадигма экономических и институциональных отношений генерирует конфликт между традиционными социокультурными ценностями и привносимыми новациями в процессе интеграции в мировое сообщество, определяя перспективы развития социокультурного пространства локальных сообществ.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска возможностей рационального объяснения формирования и развития евразийского социокультурного пространства, выявления тенденций эволюции культуры и социальной, определения условий и факторов социокультурной эволюции локальных сообществ России. Подчеркнем, что динамика движения локальных сообществ детерминирована процессами трансформации производственно-экономической, институциональной и социокультурной сфер, что создает альтернативы в жизнедеятельности локальных сообществ, обуславливает разновекторность внутреннего развития, генерируя конфликтность социума. Социокультурные процессы формируются на основе синтеза традиционных ценностей локальных сообществ, привносимых новационных образцов и паттернов архаики. Содержание конструирующихся моделей социокультурной среды локальных сообществ варьируется в границах от тенденции сохранения традиционной линии развития культуры и социальной до возможности освоения унифицированных смысловых, содержательных и мотивационных основ способа жизнедеятельности. Социокультур-

¹ См. также: Калабекова С.В. Глобальное vs локальное: к вопросу о взаимодействии // Мир науки. Социология, филология, культурология (сетевое издание). 2020. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13SCSK220.pdf> (дата обращения: 05.02.2026)

ные инициативы локальных сообществ, актуализируя проблему институционализации новых форм социокультурной жизни, задают направления процессов внутренней интеграции и дезинтеграции культуры и социальности.

Локальные сообщества: детерминанты социокультурной эволюции

Анализируя социокультурный контекст глобализации, отметим, что, во-первых, в процессе эволюции социокультуры осуществляется процедура подавления, ингибирования локальных социокультур и внедрение, инкорпорирование субстанциональных аспектов чужой культуры и социальности в локальное социокультурное пространство. Во-вторых, на стадии социокультурной адаптации нарушается установившееся равновесное положение социокультурного взаимодействия, что приводит систему коммуникаций, связей и ценностных отношений в состояние дихотомии, бифуркации, определяя конфликтность «своей» и «чужой» социокультуры.

Социокультурная эволюция локальных сообществ, осуществляющаяся под влиянием глобализации, фрустрирует реальную стратегию устойчивого развития России как многонационального, поликультурного пространства, отображает процессы адаптации локальных сообществ к меняющимся жизненным условиям, облекается плотью и кровью под влиянием внутренних и внешних факторов. В жизнедеятельности локальных сообществ разворачиваются процессы, индуцирующие диверсификацию отношений собственности, стимулирующие модернизацию традиционных социокультурных связей и отношений [Mondal, 2012], модификацию жизненных смыслов и ценностных ориентиров и приоритетов [Данилов, 2020; Попов, 2023]². Возникающая вариативность образа жизни размывает совокупность традиционных сопряжений и взаимодействий фундаментальных элементов: личность, общество, культура, что программирует возникновение «проигрывающих сообществ» на локальном уровне. Отметим, что условия и механизмы социокультурной регуляции закреплены в социокультурных традициях, обычаях, ценностных приоритетах, технологических практиках, воспроизводящих уникальность, самобытность и идентичность социокультурного развития. Масштабность, тождественность, наличие материальных и нематериальных активов территории, специфика региона, социокультурная солидарность, эмоциональные связи определяют значимость локальной социокультурной интегрированности, идентичности [Леонова, 2013; Camagni, 2019], способствуют продуктивности сообщества. [Миронова, 2019; Basile, Cavallo, 2020].

В процессе социокультурной эволюции подвергается трансформации система ценностей локальных сообществ Российской Федерации, затрагивая проблему общечеловеческих ценностей, в том числе перед лицом социокультурных конфликтов и противоречий глобализации [Lawson, 2016; Момджян, 2020]. Мировые

² См. также: Ищенко Н. С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций // Философско-культурологические исследования (электронное научное издание). 2018. № 4. URL: <https://fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления/> (дата обращения: 05.02.2026)

финансовые кризисы актуализируют и активизируют процессы противостояния локальных сообществ и системы глобализованного пространства, включая культуру и социальность. Увеличивающийся дисбаланс и неустойчивость глобального экономического и политического уклада определяет восходящий тренд деглобализации и локализации. Формирующаяся на стадии эволюции социокультурная матрица локальных сообществ, объединяющая и сохраняющая традиционные ценности, архаизмы и привносимые новации, представляет собой своеобразную матрицу социокультурных предчувствий и прогнозов, служащую регулятором и мотиватором жизнедеятельности социума в переходный период. Процессы коммуникации и взаимовлияния глобальности и локальные сообщества порождают базовые предпосылки, условия, формирующие, закрепляющие изменения в социокультурной сфере. Эволюция осуществляется под воздействием движущих сил, факторов, влияющих на темпы и векторы изменений, стимулирующих либо тормозящих развитие локальных сообществ. Программы и конструкты модификации инициируют вариабельность, дисперсию оснований и принципов жизнедеятельности локальных сообществ, игнорируя, отменяя традиционные жизненные стандарты и каноны, привнося инновационные идеи и смыслы.

В этом значении трансформация традиционного социально-экономического уклада, преобразование форм собственности выполняют функцию инструмента эволюции, создающего условия социокультурного преобразования локальных сообществ.

1. В результате интеграции в глобальные экономические системы и отношения, в рамках конкуренции с «мир-экономикой», разрушается традиционный производственно-экономический потенциал, вызывая деструкцию экономики и социокультуры, провоцируя противоречия и конфликты внутри локальных сообществ.

2. По мере становления смешанной экономики формируются условия для конструирования и закрепления инновационных социально-экономических отношений. Тенденции дифференциации, дивергенции жизненного пространства локальных сообществ определяют процессы дестабилизации, разрушения социума.

3. Отмена традиционной системы ведения производственно-экономической деятельности формирует мультифункциональную конструкцию: обозначаются дихотомические поведенческие и социокультурные мотивы, смыслы и побуждения, иллюстрирующие нарушение целостности, когерентности, связанности и взаимодействия. Давление глобализации на социокультурные институты, организации и отношения акцентирует проблему разрушения социокультурной идентичности. Модулирование привычной, устоявшейся системы функционирования локальных сообществ служит отправным механизмом, запускающим эволюцию социокультурного пространства локальных сообществ.

4. Модернизационные процессы дезорганизуют, разрушают устойчивость социума, стимулируют развитие реверсивных алгоритмов жизнедеятельности, продуцируя противоречия и конфликты внутри локального сообщества, детерминируя дезинтеграцию, генерирующую смысловые, константные разрывы и расхождения в социокультурной среде, оказывая системообразующее влияние

на трансформацию локальных сообществ, определяя направление, динамику и перспективы развития.

В процессе модификации определяются ключевые движущие силы эволюции локальных сообществ.

Производственно-экономическая модернизация формирует диверсифицированную экономическую базу, включаясь в глобальные цепочки создания стоимости, активизирует экономическую и цифровую интеграцию, являющуюся главным «мотором» глобализации, но одновременно создаются «проигравшие» регионы, что усиливает локальные протесты, усугубляется сырьевая зависимость, неравномерность развития локальных сообществ, давление санкций.

Социокультурная эволюция детерминирована и сопровождается развитием информационных технологий, цифровизацией, распространением либеральных ценностей, ростом индивидуализма. Отток населения с периферии, старение популяции, внутренняя и внешняя миграция активизируют социокультурный демографический кризис, эрозию социального доверия, вызывая изменение ценностных ориентаций, конфликт с традиционными укладами, что порождает ответную реакцию в виде консолидации вокруг консервативных или религиозных норм и практик.

Социокультурные изменения, такие как трансформация ценностей, миграционные потоки, влияние глобальных информационных платформ и политические разногласия, создают сложное поле для взаимодействия различных групп, акцентируя проблему сохранения и развития традиционных жизненных укладов, вероятность возникновения внешних и внутренних противоречий и конфликтов.

Динамика локальных сообществ России диктуется сложным переплетением разнонаправленных факторов.

1. Социокультурное пространство локальных сообществ, модифицирующееся в ходе взаимодействия традиций и новаций, становится структурообразующим детерминантом, генерирующим функциональные особенности и признаки социокультурной идентичности. В результате преобразований социокультурной среды складываются и институционализируются концептуальные, содержательные, ценностные установки, приоритеты и побуждения, выступая краеугольным камнем в понимании и принятии содержания и смыслов адаптации локальных сообществ в условиях переходного периода. В этом контексте традиционные производственно-экономические и институциональные отношения, социокультурные традиции поддерживают, регулируют стабильное состояние и воспроизводство культуры и социальности, единство и целостность локальных сообществ. В то же время глобальные информационные потоки, «мягкая сила», привносят социокультурные новации, оказывая модифицирующее воздействие на жизнедеятельность социума, создавая адаптационный ресурс, варьирующий социокультурную среду, определяют тенденции, условия и перспективы жизнедеятельности, новые социокультурные реальности формирования гибридной идентичности от анклава к интеграции.

2. Социокультурная адаптация актуализирует проблему конструктивного подхода к соотношению традиций, новаций и архаики в контексте сохранения преемственности, воспроизводства и поддержания традиционной социокульту-

ры в ракурсе столкновения глобальности и локальные сообщества. Во-первых, в локальных сообществах наблюдается олицетворение «самости» социума, об-разное включение в социум, символизирующее принадлежность к определенно-му типу социокультуры как базы личностной идентификации. Во-вторых, в ло-кальных сообществах сохраняются процедуры аутентификации как программы подтверждения принадлежности и сопричастности к традиционным ценностям. В-третьих, социокультурная динамика отражает противоречия, возникающие между потребностью сохранения традиционной социокультуры и релевантно-стью, предопределенностью восприятия новаций глобализации, актуализируя значимость сохранения традиционной социокультуры, социокультурной иден-тичности.

Подчеркнем: социокультурная динамика демонстрирует характер нели-нейности, неустойчивости, заключающийся в пренебрежительном отношении к традициям, обычаям, нормам и ценностям; тем не менее локальные сообщества не представляются «пассивной» периферией, а выступают как активные агенты социокультурного возрождения, социального инновационного экспериментиро-вания и устойчивого развития, выражая стремление занять устойчивую позицию в мировом социокультурном, правовом и духовном пространстве.

Модернизация, форматируя, определяя условия, факторы эволюции жизне-деятельности локальных сообществ, конструирует направления и перспективы жизнедеятельности.

1. Формирующаяся инновационная архитектура социокультуры обуслови-вает методологию и методы организации и функционирования социокультурной среды усваивающей и институтирующей новации, коррелируя, увязывая смы-словые оттенки, противоречия и несоответствия, ассоциируя различия в образе жизни. Традиционные социокультурные практики, технико-технологический по-тенциал локальных сообществ под давлением глобализованного социума претер-певают системные структурные модификации. Столкновение формальных и не-формальных производственно-экономических и социокультурных отношений модифицирует жизненный уклад социума, обновляются институты, перестраи-вающие и регулирующие социокультурный онтогенез, способствуя становлению интегрированных сетей, объединяющих образование, культуру и социальность.

2. В локальных сообществах складываются тенденции для принятия и институционализации инновационных производственно-экономических и со-циокультурных отношений и практик, отторжения традиционных ценностных приоритетов, норм и принципов, порождая процессы поляризации. Изменение нормативных основ жизнедеятельности локальных сообществ оказывает опре-деляющее влияние на модификацию базового социокультурного комплекса, за-давая необходимость решения социокультурных проблем: преодоления межпо-коленческих разрывов, процессов миграции и др. Социокультура формируется из структур и элементов, отражающих свойства традиции, новаций и архаики. Архаизированные конструкции сохраняют определенные социокультурные ценности и установки, объединяющие локальные сообщества на основе языка, традиционных норм, обычаев, идеалов, религии.

3. В социокультурном пространстве моделируются программы развития дезинтеграционных алгоритмов, воспроизводящих процессы амбивалентности, нарушения устойчивости, целостности локального сообщества, демонстрируя дезинтеграционные процессы, представляющие собой угрозу утраты социокультурной идентичности. Проявляющаяся конфликтность локальной и глобальной экономической, политической и социокультурной среды провоцирует деструкцию внутри локального сообщества, способствует ослаблению, разрыву связей, противостоянию формальных и неформальных социокультурных практик, дезинтегрирует социум. Формирующаяся конструкция социокультурной реальности определяет нормы поведения, смыслы и побуждения, отражает процессы модификации социокультурной среды с доминирующим влиянием западных ценностей. Интенсификация социокультурных взаимодействий и взаимовлияний проявляется в становлении гибридных социокультурных форм, вносящих вклад в разрушение социокультурной матрицы.

Матричная модель социокультуры локальных сообществ

Модернизационные процессы внесли изменения в паттерны объяснения и понимания содержания, тенденций социокультурной эволюции локальных сообществ. В Российской Федерации социокультурные процессы кристаллизуются как сопряжение локальных и глобальных систем культуры и социальности, представляющих социокультурные архетипы, устанавливающих и регулирующих смыслы и основания жизни, нормы и правила поведения. Формирующиеся модели социокультуры отображают, генерируют ключевые направления и фундаментальные принципы, цели и интересы локальных сообществ, обозначают задачи, функции, конструкторы и социокультурные маркеры, индуцирующие интеграционный и дезинтеграционный дрейф, формируя паттерны социокультуры. В ходе эволюции складываются инварианты образа жизни, обозначая, фиксируя контрастные сюжеты и мнения, конфликтующие с укоренившимся, традиционным способом жизнедеятельности, оказывающим воздействие на трансформацию социокультурной среды. Деструктурируется жизненный уклад локального сообщества, социокультурная среда под давлением глобализации подвергается стандартизации и унификации, обостряя проблему объяснения и понимания роли социокультуры в жизни сообщества, усложняя задачу внутренней социокультурной регуляции. В этом ракурсе социокультурное пространство характеризуется смешением стилей, норм, принципов, отражающих конфигурацию разнонаправленных социокультурных приоритетов, влияющих на процедуру преобразования локальной социокультуры, отражает дивергентные аксиологические, адаптивно-эвристические и регулятивные установки, формирующие цели, смыслы и жизненные приоритеты. Основопологающим социокультурным фундаментом эволюционирующего локального сообщества становится состояние коммуникации традиционных ценностей, норм и принципов, новационных идей, взглядов, смыслов и архаических представлений, оказывая системообразующее влияние на эволюцию социокультурной среды.

В процессе социокультурной адаптации усложняется взаимодействие и взаимовлияние социокультурных компонентов локальных сообществ и элементов мировой социокультуры, что порождает линии движения к изменчивости, вариативности, определяя нестабильное состояние самоидентифицирования. Социокультурная идентичность служит основным маркером «самости» локальных сообществ, восприятия «своих» и «чужих» ценностей, устанавливающим мотивационные импульсы понимания и восприятия модернизационных процессов. В этом аспекте социокультурная матрица представляет своеобразную концептуальную модель локального сообщества, объединяющую культурные концепты и социокультурные практики в онтологическое единство, исполняет роль модератора, коммуникатора в рамках формирования процессов интеграции с привносимыми новациями.

Социокультурное пространство локальных сообществ кристаллизуется на разных позициях и уровнях, представляя разноплановые, зачастую альтернативные варианты. Формирующиеся модели локальных сообществ содержат признаки изменения правил, регламентов и принципов жизнедеятельности, обособления, отторжения элементов традиционной культуры и социальности, возникновения вариативных подходов к пониманию и объяснению социокультуры, конкурирующих с устоявшимися, традиционными базовыми ценностями и отношениями, определяющими поведенческие мотивы, смыслы и побуждения. Возникающая проблема объяснения и понимания меняющихся отношений в области культуры и социальности формулирует функциональные проблемы, связанные с вопросами аутентичности. С одной стороны, формируется программа, поддерживающая принятие инкорпорированных социокультурных новаций. С другой стороны, прослеживается стремление к сохранению традиционных ценностей, обращенных к прошлому, конфигурируется ситуация с восприятием, осознанием «самости», традиционной, эксклюзивной ментальности как фундамента принятия и осмысления личностной идентификации, самостоятельного поиска самих себя.

Отметим, что адаптация локальных сообществ в ходе социокультурной эволюции производит моделирующее воздействие на модификацию социокультурной идентичности, генерируя аксиологические аспекты идентификации социокультурной среды, что усиливает и стимулирует ее функциональное значение в локальном социокультурном пространстве. В этом смысле формирующаяся модель социокультурной матрицы теоретически представляет универсальную нормативную коммуникационную систему, инструмент анализа социокультурных процессов, определяющую и решающую комплекс задач.

1. Планирование, разработка и регулирование смыслов, условий, правил и норм социокультурной идентичности, выступающих ключевым принципом сохранения традиционной культуры и социальности, маркером процесса установления аутентичности личности. В этом смысле верификация проблемы ценностей в социокультурной динамике свидетельствует о влиянии мотивационного эффекта в жизнедеятельности локальных сообществ в плане определения положительных и отрицательных тенденций эволюции социокультуры.

2. Социокультурная матрица формирует, сохраняет ключевые социокультурные признаки: демографические аспекты жизнедеятельности, ценности, ментальные особенности, поведенческие практики и др., служащие в процессе эволюции социокультуры ключевыми доминантами самоопределения локальных сообществ.

3. В процессе социокультурной эволюции остро встает проблема консолидации локальных сообществ, решения задачи взаимодействия, коммуникации «своих» и «чужих» социокультур, восприятия и конституирования как фрагмента локального сообщества.

4. Функционально социокультурная матрица исполняет координирующие связи и регламенты, определяющие и регулирующие тенденции развития, детерминированные социокультурными практиками, выступая мотиватором, навигатором в рамках процесса эволюции культуры и социальности, регулятором, поддерживающим равновесие локальных сообществ.

5. Ключевой проблемой является сохранение и использование социокультурного наследия как основы устойчивого развития общества, формирующей и сохраняющей комплекс показателей, стандартов жизнедеятельности и оценочных критериев для измерения оптимальности и эффективности принимаемых решений и достигаемых результатов.

В общем смысле социокультурная матрица, концепт локального уровня (в связке глобальные и локальные сообщества), проявляется в цивилизационном измерении, структурно организует и регулирует социокультурное пространство, включая условия, правила, нормы и приоритеты традиции, инновационные идеи и смыслы, социокультурные структуры архаики в единстве противоположностей.

Социокультурную матрицу можно представить как многофакторную функциональную модель, нарративный, объяснительный метод понимания внутреннего мира локальных сообществ для анализа и интерпретации эволюции социокультуры как фундаментальной содержательной картины. Социокультурная матрица обладает константной основой, интегрирующей и институционализирующей привносимые социокультурные инварианты [Шмаков, 2025b, с. 175].

Более того, углубляющаяся дестабилизация, несбалансированность глобального экономического и политического порядка обуславливают формирование проблемы деглобализации и активизации локальных сообществ, локальное сообщество представляется символом местожительства.

Заключение

Складывающийся многополярный мир меняет систему взаимодействия и сотрудничества глобальных и локальных сообществ. Социокультурное пространство, развивающееся в процессе коммуникации традиций, новаций и архаики, отражает аксиологические, адаптивно-эвристические и регулятивные установки, формирует цели и смыслы жизнедеятельности. Деструктивная динамика в производственно-экономической сфере определяет развитие негативных процессов, приводящих к дестабилизации социокультурного пространства, снижению устойчивого, интегрирующего, консолидирующего потенциала традици-

онного жизненного уклада, способствуя возвращению архаичных представлений в области культуры и социальности, что является защитным механизмом локальных сообществ от чужого, нового, неприемлемого, несовместимого с образом жизни.

Диспергирующая глобализация, генерируя неуправляемые миграционные процессы, оказывая давление на изменение жизненных укладов локальных сообществ, порождает практику социокультурных разногласий и конфликтов, возникают мотивационные интересы и установки, обуславливающие необходимость сохранения традиционных социокультурных ценностей. Социокультурная эволюция индуцирует процесс неустойчивости, вариативности, возникает проблема дисбаланса, дисгармонии, разрушения базовых ценностей, лабильность социокультурной матрицы локальных сообществ. Вариабельность социокультурной среды вызывает возрождение структур, обладающих в буквальном смысле принудительной силой традиций, поддерживающих позитивные традиционные активности и тормозящие, сдерживающие, токсичные, пришлые, «чужие». Возвращение архаичных представлений является защитным механизмом локальных сообществ от чужого, нового, неприемлемого, несовместимого с традиционным образом жизни.

На стадии адаптации локальных сообществ не исключается процедура приспособления к последствиям модернизации, попыткой объяснить и принять новые производственно-экономические и социокультурные реальности, обрести способности, представляющиеся более конструктивными для жизни в новых обстоятельствах, кристаллизуется социокультурная среда с выраженным доминированием инновационного слоя в социокультуре.

Адаптационные модели социокультурного развития характеризуются высоким уровнем динамичности, обуславливающие проблемы интеграции и дезинтеграции социокультурной сферы. Модели социокультуры выражают разновекторные линии интеграции и дифференциации, актуализируя проблему сохранения локальной социокультурной самобытности и уникальности, поддержания традиционных социокультурных ценностей.

В формирующейся социокультурной среде локальных сообществ отмечают признаки изменения правил, регламентов и принципов жизнедеятельности, обособления, отторжения элементов традиционной культуры и социальности, возникновение вариативных подходов к восприятию и интерпретации элементов эволюционирующей социокультуры, конкурирующих с устоявшимися, традиционными базовыми ценностями и отношениями.

Модифицируются социокультурные конструкты, объясняющие, легитимирующие инновации, мотивирующие иные цели, идеи и смыслы, благоприятствующие интеграции к меняющему миропорядку, другому видению мира, иному, чем прежде, но упорядоченному и более или менее понятному.

В динамике социокультурной трансформации прослеживается определенная двойственность. Глобализация предопределяет эволюцию социокультурного пространства, углубляя процессы трансформации, расширяет воздействие либеральной социокультуры. Локальность способствует сбережению традиционной культуры и социальности, консолидации социокультурных оснований в целях

минимизации негативных воздействий глобализации, сохранению социокультурных ареалов со сложившейся структурой ценностей.

Социокультурная среда отображает, конструирует ключевые тенденции и фундаментальные принципы, цели и интересы локальных сообществ, индуцирующие интеграционный и дезинтеграционный дрейф, акцептирующий тренды универсализации и локализации социокультурного пространства.

Список литературы

- Аксенова О. В.** Парадоксы территориально-пространственного развития России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6. С. 48–58.
- Данилов А. Н.** Жизненные смыслы и ценностные приоритеты постсоветского общества в Республике Беларусь // Философские науки. 2020. Т. 63. № 10. С. 25–37.
- Евстафьев Д. Г., Цыганова Л. А.** Тенденции социокультурного развития в новом мире после 2020 // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5. № 2. С. 5–27.
- Левицкий В. С.** От универсального модерна к плюрализму глобализации // Век глобализации. 2020. № 4. С. 97–111.
- Леонова О. Г.** Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. № 1. С. 59–66.
- Миронова Н. В.** Культура и цивилизация в условиях глобализации // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 20–26.
- Момджян К. Х.** О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41.
- Попов Е.А.** Цивилизация и культура: «центрация» ценностей // Социодинамика. 2023. № 1. С. 41–51.
- Тишков В. А.** Национальная идея России. М.: АСТ, 2021. 416 с.
- Чумаков А. Н.** Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М.: Проспект, 2016. 496 с.
- Шмаков В. С.** Эволюция социокультурного развития в контексте глобализованной экономики // Сибирский философский журнал. 2025a. Т. 23. № 1. С. 39–51.
- Шмаков В. С.** Матрица социокультурной идентичности локальных сообществ // Respublica Literaria. 2025b. Т. 6. № 2. С. 170–182.
- Basile G., Cavallo A.** Rural Identity, Authenticity, and Sustainability in Italian Inner Areas // Sustainability. 2020. No. 12 (3). e1272.
- Camagni R.** Territorial Capital and Regional Development: Theoretical Insights and Appropriate Policies // Handbook of Regional Growth and Development Theories / Ed. R. Capello, P. Nijkamp. Cheltenham: Elgar Publishing Limited, 2019. P. 124–148.
- Davis G.** Antichrist: The Fulfillment of Globalization: The Ancient Church and the End of History. Kingsley: Uncut Mountain Press, 2022.
- Irani F., Noruzi M.** Globalization and Challenges; What are the Globalization's Contemporary Issues? // International Journal of Humanities and Social Science. 2011. Vol. 1. No. 6. P. 216–218.
- Lawson S.** Regionalism, Sub-regionalism and the Politics of Identity in Oceania // The Pacific Review. 2016. Vol. 29. No 3. P. 387–409.

- Mondal S.** Interrogating Globalization and Culture in Fnthropological Perspective: the Indian Experience // *Journal of Globalization Studies*. 2012. Vol. 3. No. 1. P. 152–160.
- Tomlinson J.** *Cultural Globalization Reconsidered. The Multiple Faces of Globalization.* Madrid: BBVA, 2009.

References

- Aksenova O. V.** Paradoxes of Russia's territorial and spatial development // *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2022. Vol. 11. No 6. P. 48–58. (in Russian)
- Basile G., Cavallo A.** Rural Identity, Authenticity, and Sustainability in Italian Inner Areas // *Sustainability*. 2020. No. 12 (3). e1272.
- Camagni R.** Territorial Capital and Regional Development: Theoretical Insights and Appropriate Policies // *Handbook of Regional Growth and Development Theories* / Ed. R. Capello, P. Nijkamp. Cheltenham: Elgar Publishing Limited, 2019. P. 124–148.
- Chumakov A. N.** *Metafizika globalizacii. Kulturno_civilizacionnii kontekst.* Moscow: Prospekt, 2016. (in Russian)
- Danilov A. N.** Life meanings and value priorities of the post-Soviet society in the Republic of Belarus // *Filosofskie nauki*. 2020. Vol. 63. No 10. P. 25–37. (in Russian)
- Davis G.** *Antichrist: The Fulfillment of Globalization: The Ancient Church and the End of History.* Kingsley: Uncut Mountain Press, 2022.
- Evstafev D. G., Ciganova L. A.** Trends of socio-cultural development in the new world after 2020 // *Kommunikacii. Media. Dizain*. 2020. Vol. 5. No. 2. P. 5–27. (in Russian)
- Irani F., Noruzi M.** Globalization and Challenges; What are the Globalization's Contemporary Issues? // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2011. Vol. 1. No. 6. P. 216–218.
- Lawson S.** Regionalism, Sub-regionalism and the Politics of Identity in Oceania // *The Pacific Review*. 2016. Vol. 29. No. 3. P. 387–409.
- Levickii V. S.** From universal modernity to the pluralism of globalization // *Vek globalizacii*. 2020. No. 4. P. 97–111. (in Russian)
- Leonova O. G.** Global regionalization as a phenomenon of the global world development // *Vek globalizacii*. 2013. No 1. P. 59–66. (in Russian)
- Mironova N. V.** Culture and civilization in the context of globalization // *Gumanitarnii vektor*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 20–26. (in Russian)
- Momdjyan K. H.** On the problem of universal human values // *Voprosi filosofii*. 2020. No. 3. P. 25–41. (in Russian)
- Mondal S.** Interrogating Globalization and Culture in Fnthropological Perspective: the Indian Experience // *Journal of Globalization Studies*. 2012. Vol. 3. No. 1. P. 152–160.
- Popov E. A.** Civilization and culture: the «centralization» of values // *Sociodinamika*. 2023. No 1. P. 41–51. (in Russian)
- Shmakov V. S.** The evolution of socio-cultural development in the context of a globalized economy // *Siberian Journal of Philosophy*. 2025a. Vol. 23. No 1. P. 39–51. (in Russian)

- Shmakov V. S.** The matrix of socio-cultural identity of local communities // Respublica Literaria. 2025b. Vol. 6. No. 2. P. 170–182. (in Russian)
Tishkov V. A. The national idea of Russia. Moscow: AST, 2021. (in Russian)
Tomlinson J. Cultural Globalization Reconsidered. The Multiple Faces of Globalization. Madrid: BBVA, 2009.

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Шмаков, доктор философских наук
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского
отделения Российской академии наук

Information about the Author

Vladimir S. Shmakov, Doctor of Sciences (Philosophy)
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 11.02.2026;
одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 11.02.2026;
approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 20.02.2026*

Научная статья

УДК 091:123.1:159.954:79

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-54-68

Вклад Фредерика Бейтендейка в исследования феномена игры

Евгений Александрович Немоляев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия*

evgenynemolyaev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9572-6595>.

Аннотация

В статье рассматривается вклад голландского физиолога, биолога, психолога, философа Ф. Й. Я. Бейтендейка (1887–1974) в философское и научное исследование феномена игры, его методологические новации и рецепция. Анализируются ключевые аспекты его подхода: приоритет телесности и аффективности как дорефлексивных способов соотнесенности с миром, принцип взаимности между игроком и игровым объектом, а также критика утилитарных и эволюционистских объяснений игры. Представлена краткая биография Бейтендейка. Особенное внимание уделяется раннему периоду его исследований, включая поворот от зоопсихологии к феноменологически ориентированной антропологии под влиянием натурфилософии аристотелевско-томистского типа. Особое внимание уделяется концептам патического модуса бытия, «функционального круга» и образности игрового объекта, позволяющим рассматривать игру как фундаментальный, первичный способ бытия-в-мире живого. Показана связь его идей с последующей теорией игры Й. Хейзинги. Статья призвана расширить представление о Бейтендейке как о междисциплинарном мыслителе и показать значимость его исследований для современного философского понимания игры.

Ключевые слова

Фредерик Бейтендейк, «Сущность и смысл игры», игра, феноменология, образность, интенциональность

Для цитирования

Немоляев Е. А. Вклад Фредерика Бейтендейка в исследования феномена игры // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 54–68. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-54-68

The Contribution of Frederik Buytendijk to the Study of the Phenomenon of Play

Evgeny A. Nemolyaev

*Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

evgenynemolyaev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9572-6595>.

© Немоляев Е. А., 2026

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2026. Том 24. № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2026, vol. 24, no 1

Abstract

The paper examines the contribution of Dutch physiologist, biologist, psychologist, philosopher F. J. J. Buytendijk (1887–1974) to the philosophical and scientific study of play, his methodological innovations, and their reception. Key aspects of his approach are analyzed: the priority of embodiment and affectivity as pre-reflective modes of relatedness to the world; the principle of reciprocity between the player and the play object; and a critique of utilitarian and evolutionist accounts of play. A brief biography of Buytendijk is provided. Special attention is given to the early period of his research, including his turn from zoopsychology to a phenomenologically oriented anthropology under the influence of Aristotelian-Thomistic natural philosophy. Emphasis is placed on the concepts of the pathic mode of being, the 'functional circle', and the image-character (*Bildhaftigkeit*) of the play object, which together allow play to be viewed as a fundamental, primary way of being-in-the-world of the living. The paper demonstrates the connection between his ideas and J. Huizinga's subsequent theory of play. The article seeks to broaden the view of Buytendijk as an interdisciplinary thinker and to show the significance of his research for a contemporary philosophical understanding of play.

Keywords

Frederik Buytendijk, «Wesen und Sinn des Spiels», play, phenomenology, figurability, intentionality

For citation

Nemolyaev E.A. The Contribution of Frederik Buytendijk to the Study of the Phenomenon of Play. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 54–68. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-54-68

Фредерик Якоб Йоханес Бёйтендейк¹ – один из весьма оригинальных и многогранных мыслителей XX в. Физиолог, биолог по образованию, психолог и феноменолог по методу, он систематически соединял экспериментальные практики с философской рефлексией. В отечественной традиции Бёйтендейк чаще упоминается как один из ключевых представителей Утрехтской школы феноменологической психологии [Шпигельберг, 2002, с. 614] либо экзистенциальной психологии [Улановский, 2024, с. 72]; однако его вклад в изучение феномена игры остаётся практически неисследованным. Преобладание в русскоязычном поле культурологических (Й. Хейзинга), социальных (Р. Кайуа) подходов к изучению игры приводит к тому, что феноменологический анализ игры, учитывающий её биологический аспект – телесно-переживаемую, дорефлексивную основу, – остаётся вне поля зрения; отсутствуют и специальные работы о Бёйтендейке. Обращение к ранним работам голландского мыслителя, заложившим основы его теории игры, а также подробное рассмотрение его ключевой работы по игре «Игра человека и животных» (1932), где игра интерпретируется как патический (аффективно-телесный) способ бытия, позволяет восстановить это недостающее звено и уточнить основания позднейших культурных трактовок игры.

Биография Бёйтендейка позволяет утверждать, что он – не «биолог, рассуждающий о философии», а мыслитель, чьи исследования разворачиваются в живом диалоге с ключевыми биологическими, философско-антропологическими

¹ В разных переводах фамилия «Buitendijk» транслитерируется по-разному. Можно встретить варианты «Бютендик» (Г. Шпигельберг «Феноменологическое движение», перевод группы авторов), «Бьютендик» (А.М. Улановский «Феноменологическая психология»), Д.Б. Эльконин в работе «Психология игры» транслитерировал фамилию как «Бойтендайк». Мы склонны принять вариант перевода, предлагаемый Д.В. Сильвестровым в переводе «Homo Ludens» Й. Хейзинги – Бёйтендейк, как наиболее корректный.

и теологическими программами 1920–1930-х гг. Его подход формировался в диалоге с биосемиотикой Я. фон Иксюля, философской антропологией М. Шелера и Х. Плесснера, феноменологической психологией Э. Штраусса и клиническими исследованиями К. Гольдштейна; позднее его идеи оказались созвучны феноменологии тела М. Мерло-Понти. Игра мыслится как телесно переживаемая модальность бытия. В этом отношении позиция Бёйтендейка принципиально расходится и с эстетической линией Ф. Шиллера, и с эволюционно-психологическими теориями (Г. Спенсер, К. Гроос, К. Бюлер и др.), и предлагает иной уровень анализа – феноменологически обоснованное, нередукционистское понимание игры как со-бытия организма и мира, разворачивающегося в функциональном круге «организм-среда». Ключевыми здесь становятся принцип взаимности игрока и предмета, а также образность вещи: игра есть всегда «игра с чем-то», а правила и культурные формы лишь стабилизируют исходную телесную динамику свободы и экспрессии.

Цель данной статьи – реконструировать основные аспекты концепции игры Бёйтендейка на материале работы «Игра человека и животных» (1932), прояснить её основания и следствия для дальнейших исследований в области игры. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) представить краткую биографическую справку, необходимую для более точного понимания контекста развития его идей; 2) вкратце рассмотреть основные темы его исследований психологии и физиологии животных (1920–1932), служащие пролегоменами к его теории игры; 3) на основе работы «Игра человека и животных» выделить основные положения концепции игры Бёйтендейка и показать её внутреннюю логику и самостоятельную ценность, а также значение для последующих исследований, в частности для культурологической теории Й. Хёйзинги.

Краткая биография Ф. Бёйтендейка

Фредерик Якоб Йоханес Бёйтендейк родился 29 апреля 1887 г. в городе Бреда (Нидерланды) в семье профессионального военного, преподавателя математики в Королевской военной академии. Родители принадлежали к Нидерландской реформированной церкви, Бёйтендейк продолжил семейную традицию. Согласно исследователю творческого пути Бёйтендейка Вильгельму Деккерсу, он с ранних лет проявлял интерес к исследованиям природы [Dekkers, 1985, с. 17]. В 1904 г. поступил на медицинский факультет Муниципального университета Амстердама, считался подающим большие надежды студентом. Там же познакомился с физиологом Т. Пласом, который не только ввел его в основы физиологии, но и приобщил к философскому и литературному наследию. Посещал ведущие физиологические центры Западной Европы, работал в исследовательских лабораториях Великобритании, Германии, Франции. В 1911 г. женился; был отцом четверых детей. В 1917 г. возглавил новое физиологическое лабораторное отделение в Гронингенском университете. В 1918 г. защитил докторскую диссертацию «Формирование привычек у животных», основанной на обширном эмпирическом материале. Благодаря книгам «Психология животных» (1920) и «Мудрость муравьёв» (1922) получил международное признание, книги были переведены на несколько евро-

пейских языков, хотя и были подвергнуты критике за теологические мотивы, которых мы коснемся ниже.

В 1925 г. Бёйтендейк занял должность профессора физиологии в Гронингском университете. В этот период его научные интересы вышли за пределы традиционной экспериментальной биологии: он увлекся целостным анализом поведения, обращаясь к зоопсихологии, медицинской антропологии, феноменологии. Фундаментальную роль в формировании мировоззрения Бёйтендейка сыграли его обширные контакты с ведущими европейскими мыслителями и учеными. По свидетельству Деккерса, он поддерживал эпистолярную и личную коммуникацию с философами М. Шелером, Х. Плессером, биологами Г. Дришем, Я. фон Иксюлем, а также с Л. Бинсвангером, К. Гольдштейном и др. [Dekkers, 1985, с. 22]. Впоследствии этот опыт, а также плодотворное взаимодействие с французскими философами (М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр) и католическими мыслителями (Ж. Маритен, Г. Марсель, Р. Гвардини) обусловили переход Бёйтендейка от натуралистического к феноменологическому и экзистенциальному познанию человека, интеграции феноменологического подхода в биологию и психологию поведения.

Начиная с 1930-х гг. труды Бёйтендейка приобрели философско-теоретический характер, хотя и опирались на экспериментальные данные. В это время выходят его работы «Игра человека и животных» (1932), где Бёйтендейк выступал против редукционистских объяснений игры через инстинкты или механистические стимулы и рассматривал игру как способ бытия в мире, свободный от непосредственной утилитарной направленности; «Психология собаки» (1932), в которой описывается «уникальная биологическая и социальная природа собаки как компаньона человека» [Van Manen, Van Manen, 2020, с. 56]; а также «Основные проблемы животной жизни» (1938), «Пути к пониманию животных» (1938). В 1937 г. он перешёл в католицизм.

В годы Второй мировой войны Бёйтендейк оказывал помощь коллегам-учёным еврейского происхождения (в частности, К. Гольдштейну, Х. Плессеру) [Dekkers, 1985, с. 23], принимал активное участие в образовательных инициативах, выступал в поддержку прав личности. Был арестован и интернирован в лагерь в Харене (с июля по конец октября 1942), где основную часть времени посвятил написанию книги «О боли» (1943). Позднее скрывался в Утрехте вплоть до освобождения страны в 1945-м. В этот период написал работу «Общая теория человеческой позы и движения» (1948). Поддерживал тесные контакты с представителем феноменологического подхода к педагогике М.Я. Лангефельдом (подробнее о нём см.: [Кривцова, 2012, с. 45–52]), благодаря содействию которого через несколько лет стал профессором в Утрехте. В послевоенные годы, благодаря широким международным связям, Бёйтендейк занял весомую позицию в голландском научном сообществе. Помимо издания академических трудов в области медицины, психологии, антропологии, он был активно вовлечён в общественную деятельность, с 1948 г. возглавляя Католическую центральную ассоциацию душевного здоровья (см.: [Abma, 2015]).

В 1950-е гг. приобрел известность как автор экзистенциально-феноменологических исследований. Среди наиболее важных – работа «К феноменологии встречи» (1950) и книга «Женщина» (1951), переведённая на множество языков

и выдержавшая восемнадцать изданий (подробнее об оценке вклада Бейтендейка в феминистскую феноменологию см.: [Abma, 2015]). В 1954 г. был одним из инициаторов создания медицинского факультета в Католическом университете Неймегена; его антропологически ориентированные концепции оказали существенное влияние на академическую и клиническую модель подготовки врачей. В 1957 г. Бейтендейк вышел на пенсию, однако вплоть до самой смерти ежегодно читал курс лекций по физиологическим основам психологии. Итогом зрелых исследований стала монография «Пролегомены антропологической физиологии» (1965), представляющая собой попытку синтеза естественнонаучного и гуманитарного подходов к исследованию организма человека. Бейтендейк был членом Королевской Академии наук Нидерландов, Папской академии наук, Немецкого общества психологии, а также членом редакционной коллегии и постоянным сотрудником ряда философских и психологических международных журналов (*Philosophischer Anzeiger*, *Zeitschrift für klinische Psychologie und Psychotherapie* и др.). Умер 21 октября 1974 г. в Неймегене.

Исследования животных как пролегомены к изучению игры

Труды Бейтендейка, посвящённые исследованиям животных, являлись живым ответом на философские дискуссии вокруг понятия *Umwelt* (см.: [Uexküll, 1909, р. 6; Фалёв, 2024, с. 1032–1049; Князева, 2020, с. 30–44]) Я. фон Иксюля, чьи работы он знал и высоко ценил [Stam, van Hezewijk, 2012, р. 791]. В эти дискуссии были вовлечены М. Шелер (см.: [Шелер, 1994]), Х. Плесснер [см.: Плесснер, 1988], а также М. Хайдеггер, который в курсе лекций «Основные понятия метафизики» опирается на исследования биолога Г. Дриша, Иксюля, Бейтендейка [Хайдеггер, 2013, с. 392] и др. Подробное рассмотрение этих дискуссий увело бы нас в сторону от основного предмета интереса, поэтому здесь мы ограничимся лишь указанием их как общего интеллектуального контекста, в которых протекала исследовательская деятельность Бейтендейка.

Опубликованные им в 1920–1930-х гг. работы, посвящённые психологии животных, можно рассматривать, на наш взгляд, как пролегомены к его анализу феномена игры. В работе «Психология животных» (1920) он сосредоточивает внимание на принципах внутренней организации животного как целостного, живого существа. Так, Деккерс приводит шесть характеристик органического по Бейтендейку [Dekkers, 1985, с. 70–72]: 1) живое хоть и состоит из разрозненных частей, но всё же представляет собой единое целое; 2) органическая форма может изменяться бесконечно многими способами, но каждый раз мы узнаем её в многообразии проявлений; 3) целостность частей образует единство, только существуя непрерывно во времени, пространстве, силе и цели между частями; 4) органическое обладает чёткой, замкнутой и динамической границей по отношению к окружающей среде; 5) демонстративная ценность бытия в противопоставлении «функциональной ценности», т.е. организм в первую очередь просто существует, его цель содержится в нем самом; 6) органическое как носитель демонстративной ценности бытия обладает богатством, изобилием и чрезмерностью.

Своей задачей Бейтендейк видел описание живого не с позиций традиционного механистического или редукционистского подхода, а как особого рода

целостности, где поведение и форма служат выражением глубинной внутренней организации, несводимой к сумме функций или к причинно-следственным схемам. Такая установка противопоставляется как механистическому монизму, так и функционализму Ч. Дарвина, в логике которого все свойства организма либо целесообразны, либо представляют собой рудименты целесообразности. В этом отношении в ранний период творчества Бейттендейк склонялся скорее к классической дуалистической позиции, понимая материальное и духовное в качестве принципиально противоположных и в каком-то смысле мистически несводимых друг к другу начал.

Существенный поворот в эволюции взглядов Бейттендейка, по мнению Деккера, связан с его обращением к аристотелевско-томистской натурфилософии. Аристотель определял душу как «энтелехию естественного тела, обладающего в возможности жизнью» («О душе» 412a20), то есть как внутреннюю форму, придающую материи организованность и жизнь. Фома Аквинский развил это понимание, подчёркивая неразрывную связь души и тела: «Само мышление человеческой души нуждается в способностях, которые обеспечиваются деятельностью соответствующих телесных органов, – в ощущении и воображении. Одно это уже показывает, что душа естественно соединена с телом и лишь вместе они составляют полноценный вид – “человек”» (*Summa contra Gentiles*, II, 68). Томистская натурфилософия, таким образом, рассматривает живое существо как единую целостность, где материя и форма (душа – как принцип жизни) неразделимы, а природа наделена внутренней целью (телосом), выходящей за рамки чисто механистических или функциональных объяснений. В XX в. такие неотомисты как Ж. Маритен, Э. Жильсон переосмыслили томистское наследие в контексте достижений естественных наук, стремясь реабилитировать идею природы как «книги бытия» и представляя взаимодействие души и природы не только как не противоречащие друг другу, но и взаимодополняющие. Маритен, например, пишет: «Упраздните натурфилософию – и вы лишитесь метафизики как умозрительного познания наивысших тайн бытия, естественным путём доступных нашему разуму... метафизика может существовать, только допуская натурфилософию в качестве своей материальной базы. Этого требует сама природа нашего разума» [Маритен, 2004, с. 154], что было весьма созвучно взглядам Бейттендейка.

Как отмечает Деккерс, в переиздании 1932 года «Психологии животных» Бейттендейк, опираясь на тот же эмпирический материал, что и в первом издании, приходит к существенно иным выводам: в живом существе он теперь видит единую целостную структуру, в которой материя и «душа» (форма, принцип жизни) неразрывно связаны. Взгляд Бейттендейка на природу становится более телеологичным: не только функции, но и «избыточность», «роскошь» жизни приобретают смысл как проявления внутренней полноты природы. Для Бейттендейка живой организм – это не автомат, реагирующий на стимулы, а активный субъект, «встречающийся» с миром и наделяющий его значением в рамках своего окружающего мира. В этом контексте эксперименты и наблюдения над поведением животных становятся для Бейттендейка не столько средством объективного контроля (как в бихевиоризме), сколько методом интерпретации (герменевтика живого), феноменологического описания структур, лежащих в основании в том числе таких яв-

лений, как игра. Последняя представлялась Бёйтендейку парадигматическим примером органической активности, не сводящейся к утилитарности или к простым реакциям, но выражающей избыточное богатство, вариативность, творческую спонтанность живого.

«Игра человека и животных как проявление жизненных влечений»

Многолетние экспериментальные исследования Бёйтендейка легли в основу его работы «Игра человека и животных как проявление жизненных влечений» [*Het spel van mensch en dier als openbaring van levensdriften*], 1932; известной в русскоязычной традиции под немецким названием «Сущность и смысл игры» (*Wesen und Sinn des Spiels*), 1933), более доступной в испанском переводе «Игра и её смысл» (*El juego y su significado*), 1935)]. Бёйтендейк рассматривает игру как фундаментальное явление жизненного опыта, в котором проявляются спонтанность, творчество и свобода. Он подвергает критике доминирующие в его время теории игры Г. Спенсера (игра как следствие избытка энергии), К. Прооса (игра как инстинкт упражнений для будущей взрослой жизни), З. Фрейда (о нём скажем ниже). Такие подходы, по мнению Бёйтендейка, видят в игре скорее симптом или инструмент процессов, лежащих в её основе (биологических, энергетических, психических). Общий недостаток этих подходов, по мнению Бёйтендейка, заключается в применении к игре методологии естественных наук: это приводит к расчленению целостного феномена на составляющие, тем самым разрушая то, что, по мнению Бёйтендейка, и составляет его суть, – переживаемый изнутри смысл.

Утверждая, что «игра возникает из самой жизни» [Buytendijk, 1935, p. 11], Бёйтендейк предлагает принципиально иной путь: воздержаться от вопросов о причинах и функциях игры и обратиться к тому, как игра является сознанию самого играющего, то есть к её имманентному смыслу. Он определяет её как спонтанную и свободную активность, свойственную молодым организмам, и выделяет четыре ключевые характеристики игрового юношеского динамизма, которые противопоставляются целенаправленному, «взрослому» поведению [Ibid., p. 26–27].

1. Ненаправленность. Бёйтендейк отмечает, что движение в игре постоянно возобновляется, не будучи направленным на достижение внешней, практической цели; это движение ради движения.

2. Нелинейность и отсутствие прогресса. Движение лишено черт прямолинейности или осмысленного изменения направления. Оно «не сигнализирует о прогрессе или развитии», то есть не подчинено логике эффективности и оптимизации, характерной для инструментального действия.

3. Спонтанная изменчивость (готовность к смене направления). Внутренняя «безразличность» к любому конкретному моменту порождает, по мнению Бёйтендейка, постоянную готовность мгновенно изменить направление движения как по внешним, так и по внутренним причинам, что делает динамику непредсказуемой и импульсивной.

4. Экспрессивность (выражение вместо приспособления). Тело в игре, полагает Бёйтендейк, не столько приспосабливается к внешним обстоятельствам,

сколько активно выражает внутреннее состояние и избыток витальности, жизненных сил.

Й. Хёйзинга во вступлении к «*Homo ludens*» (1938) напрямую опирается на Бёйтендейка, подчеркивая, что игра есть «в первую очередь свободное действие (курсив Хёйзинги)» [Хёйзинга, 2011, с. 31], отвергая сведение игры лишь к инстинкту и тренировке способностей, и утверждая, что «ребёнок или животное играют, ибо черпают в игре удовольствие, и в этом как раз и состоит их свобода» [Там же, с. 32]. На наш взгляд, описание игры, которое мы находим в «*Homo ludens*», во многом опирается на вышеперечисленные характеристики игры. Хёйзинга пишет: «Мы можем назвать игру с точки зрения формы некоей свободной деятельностью, которая осознается как ненастоящая, не связанная с обыденной жизнью и тем не менее могущая полностью захватить играющего; которая не обуславливается никакими ближайшими материальными интересами или доставляемой пользой; которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами и вызывает к жизни общественные объединения, стремящиеся окружать себя тайной или подчеркивать свою инаковость по отношению к обычному миру своеобразной одеждой и обликом» [Там же, с. 39]. Конечно, характеристики игрового поведения, рассмотренные выше, и это определение Хёйзинги исходят из двух совершенно разных ракурсов: Бёйтендейк смотрит на игру «изнутри» играющего, его интересует, каково это телесное переживание спонтанности, экспрессии, движения ради движения. Игра животных и детей тем и ценна для него, что она менее культурно обусловлена. Хёйзинга же смотрит на игру «извне», его интересует, как она структурирована в пространстве и времени, какую роль играет в создании культуры. Он отмечает: «Игра становится, оборачивается культурой, но скорее так, что культура в ее изначальных фазах имеет характер игры, осуществляется в формах игры и проникнута ее настроением» [Там же, с. 80]. В то же время мы хотели бы подчеркнуть несколько важнейших черт игры, которые разделяются и Бёйтендейком, и Хёйзингой: игра неутилитарна, свободна (не обусловлена внешней необходимостью), отграничена от обыденности, которая у Бёйтендейка выражается, как мы увидим ниже, в иной логике восприятия телесности, а у Хёйзинги – через указание на особые пространственно-временные рамки и правила, фактически, на наш взгляд, дополняя друг друга, раскрывая, как биологический жизненный импульс облекается в сложные культурные формы.

Для описания фундаментальных отношений между организмом и миром Бёйтендейк заимствует у немецко-американского философа Э. Штрауса, сторонника феноменологической психологии, различение двух модусов отношения организма к миру – патического (*das Pathische*) и гностического (*das Gnostische*). Штраус полагал, что «мир ощущения является миром со-бытия, вовлекающим как субъекта, так и предмет – субъекта в его собственном бытии и предмет как развитие событий мира». Согласно этому различению «патическое заключается в том, чтобы “быть захваченным”, а гностическое – “захватывать”» [Buytendijk, 1935, p. 30]. Патическое отношение – это эмоционально-чувственное, допонятийное восприятие, при котором организм пассивно переживает и эмоционально откликается на мир, будучи «тронутым» и «движимым» им. Оно ориентировано не на объект,

а на само «как» переживания, на аффективную связь с пространством, переживание «сентиментальной общности» с миром, характерного для молодых организмов. Напротив, гностическое отношение – это объективирующее, познающее восприятие, которое ориентировано на объекты, их свойства и объективное существование, на «что» воспринимаемого явления. Это рациональное, не-эмоциональное отношение, целью которого является получение знания и ориентация в мире как в пространстве задачи и ответственности.

Игра, по Бёйтендейку, есть чистое выражение патического способа бытия – непосредственной, дорефлексивной коммуникации с миром, где способом переживания этой связи является движение. Чтобы описать его механизм, он обращается к концепции «функционального круга восприятия» [Ibid., p. 72] – понятие, которое приобретает особое значение у Бёйтендейка под влиянием идей Я. фон Икскюля. Живое существо не просто пассивно реагирует на внешний мир, а активно соотносится с ним на основе внутренней структуры своего тела, потребностей и аффектов. Таким образом, восприятие, движение, аффекты и действия образуют замкнутый (круговой) процесс, в котором окружающая среда и организм вовлечены в непрерывный обмен.

В этом контексте тезис Бёйтендейка «игра есть всегда игра с чем-то» [Buytendijk, 1935, p. 46] удобно рассматривать в феноменологической перспективе. Это «что-то» – не просто внешний объект, а феномен, конституируемый в акте интенционального сознания игрока. Чтобы прояснить этот тезис, обратимся к гуссерлевскому понятию «функционирующей интенциональности» («Кризис европейских наук», 1936): это не отдельные акты сознания, а пассивный, дорефлексивный фон, конструирующий жизненный мир. Это уровень, на котором «работа интенциональности, по словам самого Гуссерля, происходит бессознательно и анонимно, которая обеспечивает конструирование мира как горизонта – условия возможности явления любых объектов, пред-данной “почвы” всякого опыта» [Фролов, 2013, с. 39]. Хотя Бёйтендейк не пользуется этим термином, его анализ игры опирается на близкую мысль: телесная соотнесенность с миром заранее структурирует поле значений, в котором движение уже является осмысленным жестом. Отсюда «игра с чем-то» – это не отношение к «вещи вообще», а к явлению, интенционально данному как многообещающее, образное и притягивающее. Наделение смыслом происходит допредикативно, в самой моторной и аффективной сопряженности с миром, а не на уровне рефлексивного мышления.

Этот процесс разворачивается не только в «функциональном круге восприятия», но и в движении, которое проявляется в чередовании нерегламентированных игровых действий [Buytendijk, 1935, с. 71–74]. Движение ребёнка с мячом – это не движение механического тела по отношению к внешнему предмету. Это единый кинестетический ансамбль, «телесная схема», в которой тело и мир становятся частями единого игрового поля. Мяч притягивает, «заманивает» движение, а тело «знает», как ответить, – это и есть патическое отношение, которое описывает через Штрауса Бёйтендейк и которое созвучно феноменологии тела М. Мерло-Понти.

Игра позволяет простым объектам оказывать сильное патическое воздействие, раскрывая скрытые возможности и провоцируя игру, которая в таком

случае становится символическим выражением, где смысл рождается в самой непосредственной встрече с миром. Эта идея Бёйтендейка вполне созвучна тому, что Гуссерль пишет в «Логических исследованиях»: «Шахматные фигуры задействованы в игре не как вещи из слоновой кости, дерева и т.п., так-то и так-то оформленные и окрашенные... Шахматными фигурами, т.е. фишками рассматриваемой игры, они становятся скорее благодаря правилам игры, которые задают им фиксированное значение в игре... знаки заменяются теми же знаками, но взятыми в операциональном, или игровом, значении» [Гуссерль, 2001, с. 74; также подробнее о различии фантазии и сознания образа у Гуссерля см. Детистова, 2011, с. 31–41]. Позже О. Финк будет определять игру как «дом фантазии» [Финк, 2017, с. 338], «колеблющееся в элементе “нереального” активное и импульсивное общение с воображаемым, туманным царством возможностей» [Там же, с. 379]. Все видимые элементы игры подвергаются радикальной трансформации: они утрачивают свою утилитарную функцию и становятся знаками, отсылающими к реальности, существующей только в рамках игрового соглашения.

Этот символический и фантазийный аспект игры становится возможным благодаря ключевому понятию в теории Бёйтендейка – образности (*die Bildhaftigkeit*), под которой подразумевается образный потенциал объекта, его игровая выразительность. Бёйтендейк утверждает: «Животные и люди играют с фигурами или образами всё время: объект является игровым объектом лишь в той мере, в какой он обладает образностью... Сфера игры – это сфера образов, и, тем самым, сфера возможностей, фантазии» [Buytendijk, 1935, p. 136]. Это не его физические свойства, а его динамический, провоцирующий образ, его «как», а не «что». Объект, характеризующийся высокой образностью – это не интеллектуально познанная и известная вещь, а загадочное явление, полное скрытых возможностей. Оно одновременно и знакомо, и незнакомо, что вызывает амбивалентную реакцию влечения и отталкивания. Эта двойственность, напряжение между известным и неизвестным обуславливает динамический характер игры. Все настоящие игры и их символические представления, отмечает Бёйтендейк, имеют нечто общее: «Это всегда непредсказуемое изменение, то есть то, что ему предшествует, никогда не является причиной для достаточного понимания того, что следует далее... именно поэтому в динамике игры всегда заключен элемент “сюрприза”, “авантюры”, “спонтанного происшествия”» [Buytendijk, 1935, p. 118]. Как только объект теряет свою образность, игра угасает: «С известным не играют» [Ibid., p. 153]. Мотив «сюрприза» здесь естественно перекликается с хёйзинговским «напряжением» и агональным характером игры [Хёйзинга, 2011, с. 84]. И там, и там игра удерживает участника на границе неопределённости: она требует решимости и приводит к опыту риска, но тем самым и раскрывает свободу как способность выдерживать контингентность и творить новый порядок в пределах игры.

Прямым следствием патического, интенционального отношения к миру, опосредованного функциональным кругом и направленного на объекты, наделённые образностью, является рассматриваемый Бёйтендейком принцип взаимности. Игра – это не одностороннее действие субъекта над пассивным объектом, а живой диалог: «Играют только с тем, что “играет” самим игроком» [Buytendijk, 1935,

р. 120]. Движение, исходящее от игрока, сообщается с объектом и, следовательно, возвращается к самому игроку. В этом заключается то, что бразильский исследователь К.А. де Фрейтас да Сильва называет пластическим ритмом [De Freitas da Silva, 2021, p. 19] «ухода» и «возвращения», динамику напряжения-разрешения, типичной для игры, и, по мнению Бёйтендейка, лежащую в её основе [Buytendijk, 1935, p. 145].

Для того чтобы четко очертить границы и специфику собственного феноменологического метода, Бёйтендейк рассматривает крайне влиятельную в то время позицию З. Фрейда. Он признаёт [Buytendijk, 1935, p. 92] новаторство Фрейда, усмотревшего в игре ключ к бессознательному и область символического выражения глубинных импульсов. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд приводит наблюдения за игрой своего полутраторагодовалого внука, который компенсировал болезненное отсутствие матери, разматывая катушку на нитке так, чтобы она исчезла, и притягивая, возвращая её обратно, сопровождая это действие словами Fort (там) и Da (здесь/вот). Фрейд связывает эту игру «с большим культурным достижением ребенка – с осуществленным им самим отказом от влечения» [Фрейд, 2006, с. 239], а также отмечает: «Мы видим, что дети повторяют в игре все, что произвело на них большое впечатление в жизни, что при этом они могут отреагировать это сильное впечатление и, так сказать, стать хозяевами положения. Но, с другой стороны, достаточно ясно, что вся их игра находится под влиянием желания, доминирующего в этом возрасте: быть большими и вести себя как взрослые» [Фрейд, 2006, с. 241]. Бёйтендейк поддерживает усматриваемую Фрейдом динамику Fort/Da, напряжения-разрешения, характерной для игры [Buytendijk, 1935, p. 98–99], описывает её как ритм патического со-бытийствования с миром, где функциональный круг восприятия и движения непрерывно наделяет происходящее значением. Отечественный психолог Д.Б. Эльконин указывал на три исходных влечения у Бёйтендейка, приводящих к игре [Buytendijk, 1935, p. 115]: 1) влечение к индивидуальной автономии, свободе, под которой подразумевается освобождение от исходящих от среды ограничений; 2) противоположное первому влечение к общности с окружающим; 3) тенденция к повторению, связанную с отношениями напряжения-разрешения [Эльконин, 2025, с. 100]. Однако если Фрейд искал причину игры в прошлом, то Бёйтендейк настаивает на имманентности игрового смысла, который переживается здесь и сейчас в акте патического контакта.

Выводы

Бёйтендейк прошел путь от экспериментальной физиологии и зоопсихологии к феноменологически ориентированной антропологии. Его ранний интерес к исследованиям животных разворачивался на фоне дискуссий вокруг биосемиотики, феноменологии, философской антропологии, а также под влиянием работ биологов виталистского круга. Существенный поворот в мысли Бёйтендейка произошел под влиянием аристотелевско-томистской натурфилософии: вместо дуализма души и тела утверждается целостный организм с внутренним телосом и «избыточностью» жизни. Этот переход задает методологическую рамку его по-

ниманию игры: вместо объяснений в терминах причинности и пользы Бёйтендейк обращается к описанию переживаемого смысла движения живого и к пониманию организма как активного центра соотнесённости с миром.

Материал зоопсихологии позволил Бёйтендейку сформулировать принципы, заложившие основу его теории игры: целостность и самоидентичность органического; динамическая граница со средой; имманентная целесообразность, не исчерпываемая утилитарностью; демонстративная «ценность бытия» (само-явленность формы как ценность, не выводимая из полезности) и изобилие жизненных проявлений. Важнейшим инструментом стало понятие функционального круга: восприятие, аффект и движение образуют замкнутую динамику со-вовлеченности, где животное не реагирует на стимулы, а встречается с миром. Отсюда следует критика механистических и эволюционистских теорий игры: игра не «симптом» избытка энергии и не «тренировка» полезных функций, а выразительный, ненацеленный, вариативный способ жизни, который обнаруживается уже в поведении животных и детей. Эти пролегомены подводят к феноменологии игры: понимать её нужно «изнутри» переживания, а не «снаружи» причин и выгоды.

В работе «Игра человека и животных» Бёйтендейк описывает игру как патетический модус отношения к миру – дорефлексивный, аффективно-телесный диалог, где смысл возникает в самом движении. Динамика игры отмечена четырьмя свойствами: ненаправленностью, нелинейностью, спонтанной изменчивостью и экспрессивностью. Ключ к механизму игры – синтез функционального круга и гуссерлевской «функционирующей интенциональности», из которого следует, что движение изначально насыщено смыслом и «ответно» миру. Отсюда следует основная формула Бёйтендейка «играть – значит играть с чем-то», то есть игровой объект конституируется не физическими признаками, а в акте осмысленного телесного контакта. Основными условиями такого контакта оказываются образность предмета как источника скрытых возможностей и принцип взаимности («играют только с тем, что играет самим игроком»). В этой взаимности неизбежно присутствуют «сюрприз», риск и ритм напряжения-разрешения.

В интерпретации теории игры Хёйзинги через призму взглядов Бёйтендейка культурные формы *Homo ludens* обретают свой феноменологический и антропологический фундамент. Правило у Хёйзинги предстает как оформление и закрепление той самой обособленности и внутренней напряженности, которые Бёйтендейк описывает как сущностные черты игрового отношения к миру. Особым пространственно-временным структурам игры («игровому полю», «магическому кругу») соответствует ненаправленность и выделенность игры из потока обычной жизни. Теория игры Бёйтендейка раскрывает внутреннее, аффективно-телесное измерение тех игровых практик, которые Хёйзинга анализирует как историко-культурные феномены. Этот синтез позволяет увидеть не оппозицию «природы» и «культуры», а их изначальную взаимосвязь: культурные формы вырастают из фундаментальных способов человеческого существования, а те, в свою очередь, всегда уже несут в себе культурный смысл.

В заключение отметим, что помимо исторической значимости для реконструкции дискуссий вокруг игры в первой половине XX в. концепция Бёй-

тендейка, на наш взгляд, может оказаться продуктивной в современном диалоге с энактивизмом: трактуя игру как модус воплощённого сознания, в котором значение складывается в самом действии, она может рассматриваться как основа для дальнейших феноменологических, нейрофеноменологических и когнитивно-научных исследований.

Список литературы

- Гуссерль Э.** Логические исследования // Собрание сочинений. М.: Гнозис, 2001. Т. 3 (1). 472 с.
- Детистова А. С.** Фантазия и сознание образа у Э. Гуссерля // Философия. Язык. Культура. Вып. 2 / Отв. ред. Ю. В. Горбатова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 31–41.
- Князева Е. Н.** Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 30–44.
- Кривцова С. В.** Современная практическая психология образования: взгляд феноменолога // Образовательная политика. 2012. Т. 58. № 2. С. 45–52.
- Маритен Ж.** Натурфилософия // Избранное: Величие и нищета метафизики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 145–170.
- Плесснер Х.** Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии / Сост. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
- Улановский А. М.** Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2024. 264 с.
- Фалёв Е. В.** «Эпистемологически различные миры»: от Я. Иксюля до Г. Вакариу // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 1032–1049.
- Финк Е.** Основные феномены человеческого бытия. М.: Канон+, 2017. 432 с.
- Фрейд З.** По ту сторону удовольствия // Психология бессознательного. Собр. соч. в 10 т. М.: СТД, 2006. Т. 3. С. 227–290.
- Фролов А. В.** Интенциональность и объективность: эволюция понятия интенциональности в феноменологии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2013. №1. С. 33–44.
- Хайдеггер М.** Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.
- Хейзинга Й.** Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
- Шелер М.** Положение человека в космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 129–194.
- Шпигельберг Г.** Феноменологическое движение. Историческое введение. М.: Логос, 2002. 680 с.
- Эльконин Д. Б.** Психология игры. М.: Сов. учебники, 2025. 384 с.
- Abma R.** Maak buigzaam wat verstard is. Buytendijk en de Katholieke Centrale Vereniging voor Geestelijke Volksgezondheid. Tilburg: KSGV, 2015.
- Buytendijk F.** El juego y su significado. El juego en los hombres y en los animales como manifestacion de impulsos vitales. Madrid: Revista de Occidente, 1935.

- De Freitas da Silva C.** The Figurability of the Play: Essence and Sense of the Ludic in F. J. J. Buytendijk // *Phenomenology, Humanities and Sciences*. 2021. Vol. 2 No. 1. P. 12–21.
- Dekkers J.** Het Bezielde Lichaam. Het ontwerp van een antropologische fysiologie en geneeskunde volgens F.J.J. Buytendijk. Zeist: Kerckebosch BV, 1985.
- Stam H., Van Hezewijk R.** Phenomenological Psychology in the Netherlands // *Encyclopedia of the History of Psychological Theories* / Ed. R. Rieber. Springer, 2012. P. 789–795.
- Uexküll J. von.** Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909.
- Van Manen M., Van Manen M.** Frederik J.J. Buytendijk // *Classic Writings for a Phenomenology of Practice* / Ed. M. Van Manen, M. Van Manen. Routledge, 2020. P. 53–59.

References

- Abma R.** Maak buigzaam wat verstand is. Buytendijk en de Katholieke Centrale Vereniging voor Geestelijke Volksgezondheid. Tilburg: KSGV, 2015.
- Banchetti-Robino M.** F.J.J. Buytendijk on Woman: a Phenomenological Critique // *Feminist Phenomenology* / Ed. L. Fisher, L. Embree. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 83–101.
- Buytendijk F.** El juego y su significado. El juego en los hombres y en los animales como manifestacion de impulsos vitales. Madrid: Revista de Occidente, 1935.
- De Freitas da Silva C.** The Figurability of the Play: Essence and Sense of the Ludic in F. J. J. Buytendijk // *Phenomenology, Humanities and Sciences*. 2021. Vol. 2 No. 1. P. 12–21.
- Dekkers J.** Het Bezielde Lichaam. Het ontwerp van een antropologische fysiologie en geneeskunde volgens F.J.J. Buytendijk. Zeist: Kerckebosch BV, 1985.
- Detistova A.** Fantasy and Image Consciousness by E. Husserl // *Philosophy. Language. Culture*. Vol. 2. / Ed. Yu. V. Gorbatoва. Saint Petersburg: Aletheia, 2011. P. 31–41. (in Russian).
- Elkonin D.** The Psychology of Play. Moscow: Sovetskie Uchebniki, 2025. (in Russian).
- Falev E.** «Epistemologically Different Worlds»: From J. von Uexküll to G. Vacariu // *RUDN Journal of Philosophy*. 2024. Vol. 28. No. 4. P. 1032–1049. (in Russian).
- Fink E.** Basic Phenomena of Human Existence. Moscow: Kanon+, 2017. (in Russian).
- Freud S.** Beyond the Pleasure Principle // *Psychology of the Unconscious. Collected Works: in 10 vols.* Moscow: STD, 2006. Vol. 3. P. 227–290. (in Russian).
- Frolov A. V.** Intentionality and Objectivity: The Evolution of the Concept of Intentionality in Phenomenology // *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2013. No. 1. P. 33–44. (in Russian).
- Heidegger M.** The Fundamental Concepts of Metaphysics: World, Finitude, Solitude. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2013. (in Russian).
- Huizinga J.** Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture. Saint. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2011. (in Russian).
- Husserl E.** Logical Investigations // *Collected Works*. Moscow: Gnosis, 2001. Vol. 3 (1). (in Russian).

- Knyazeva E. N.** The Concept of «Umwelt» by Jakob von Uexküll and Its Significance for Modern Epistemology // *Voprosy Filosofii*. 2020. No. 5. P. 30–44. (in Russian).
- Krivtsova S. V.** Modern Practical Psychology of Education: A Phenomenologist's View // *Obrazovatel'naya Politika*. 2012. Vol. 58. No. 2. P. 45–52. (in Russian).
- Maritain J.** Philosophy of Nature // *Selected Works: The Grandeur and Misery of Metaphysics*. Moscow: ROSSPEN, 2004. P. 145–170. (in Russian).
- Plessner H.** The Levels of the Organic and Man: An Introduction to Philosophical Anthropology // *The Problem of Man in Western Philosophy* / Ed. P. S. Gurevich. Moscow: Progress, 1988. P. 96–151. (in Russian).
- Scheler M.** The Human Place in the Cosmos // *Selected Works*. Moscow: Gnosis, 1994. P. 129–194. (in Russian).
- Spiegelberg H.** The Phenomenological Movement: A Historical Introduction. Moscow: Logos, 2002. (in Russian).
- Stam H., Van Hezewijk R.** Phenomenological Psychology in the Netherlands // *Encyclopedia of the History of Psychological Theories* / Ed. R. Rieber. Springer, 2012. P. 789–795.
- Uexküll J. von.** *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909.
- Ulanovskiy A.** Phenomenological Psychology: Qualitative Research and Work with Experience. Moscow: Smysl, 2024. (in Russian).
- Van Manen M., Van Manen M.** Frederik J.J. Buytendijk // *Classic Writings for a Phenomenology of Practice* / Ed. M. Van Manen, M. Van Manen. Routledge, 2020. P. 53–59.

Информация об авторе

Евгений Александрович Немоляев

соискатель, кафедра зарубежной философии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Information about the Author

Evgeny A. Nemolyaev

PhD student, Department of Foreign Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

*Статья поступила в редколлегию 28.10.2025;
одобрана после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 22.12.2025*

Научная статья

УДК 165.12:7.01

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-69-82

Театральная гносеология: разрешение перформативного парадокса через событийную модель познания

Александр Викторович Марков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия*

markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Оксана Александровна Штайн

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Аннотация

Статья представляет собой развернутое обоснование проекта Театральной гносеологии (ТГ) – новой эпистемологической модели, разработанной в ответ на фундаментальный перформативный парадокс классической теории познания, выявленный через аналогию с парадоксом «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна. Парадокс состоит в невозможности легитимации критериев познания средствами самого познавательного аппарата без выхода за декларируемые этими критериями границы. Мы показали, что исторические (И. Кастен) и современные (Х.-Т. Леман, К. Барад, Б. Латур, Д. Харауэй) концепции перформативности позволяют не элиминировать данный парадокс, а признать его симптомом событийной природы познания. В рамках ТГ познание переосмысливается как постдраматическое событие (epistemic event), разворачивающееся в гетерогенной сети человеческих и нечеловеческих акторов. Ключевые принципы ТГ – отказ от репрезентации в пользу перформативности, распределенная субъектность, многоканальность и процессуальность – получают как философское обоснование через синтез аналитической и континентальной традиций, так и частичную формализацию с применением аппарата теории графов и теории игр. В итоге знание определяется не как отражение реальности, а как устойчивая конфигурация координации внутри динамической сети акторов, а истина – как равновесное состояние этой сети. На практическом примере «Климатического знания как перформанса» показана эвристическая сила ТГ для анализа современных сложных эпистемических практик.

Ключевые слова

театральная гносеология, перформативный парадокс, Витгенштейн, постдраматический театр, акторно-сетевая теория, агентивный реализм, перформативность, событийность, теория графов, постгуманизм

© Марков А. В., Штайн О. А., 2026

Для цитирования

Марков А. В., Штайн О. А. Театральная гносеология: разрешение перформативного парадокса через событийную модель познания // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 69–82. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-69-82

Theatrical Gnoseology: Resolving the Performative Paradox through an Event-Based Model of Cognition

Alexander V. Markov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation*

markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Oksana A. Shtayn

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation*

shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Abstract

The article provides a comprehensive justification for the project of Theatrical Gnoseology (TG) – a new epistemological model developed in response to the fundamental performative paradox of classical theory of cognition, identified through an analogy with the paradox of L. Wittgenstein's «Tractatus Logico-Philosophicus». The paradox lies in the impossibility of legitimising the criteria of cognition using the cognitive apparatus itself without transcending the very boundaries declared by these criteria. We show that historical (I. Kasten) and contemporary (H.-T. Lehman, K. Barad, B. Latour, D. Haraway) concepts of performativity allow not for eliminating this paradox, but for recognizing it as a symptom of the event-based nature of cognition. Within TG, cognition is reimagined as a post-dramatic event (epistemic event), unfolding within a heterogeneous network of human and non-human actors. The key principles of TG – the rejection of representation in favor of performativity, distributed subjectivity, multimodality, and processuality – receive both philosophical grounding through a synthesis of analytical and continental traditions, and partial formalisation using the apparatus of graph theory and game theory. Consequently, knowledge is defined not as a reflection of reality, but as a stable configuration of coordination within a dynamic network of actors, and truth – as an equilibrium state of this network. The heuristic power of TG for analyzing modern complex epistemic practices is demonstrated through the practical example of «Climatic Knowledge as Performance».

Keywords

theatrical gnoseology, performative paradox, Wittgenstein, post-dramatic theatre, actor-network theory, agential realism, performativity, eventness, graph theory, posthumanism

For citation

Markov A.V., Shtayn O.A. Theatrical Gnoseology: Resolving the Performative Paradox through an Event-Based Model of Cognition. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 69–82. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-69-82

Лестница Витгенштейна и гносеологический тупик репрезентации

Философская судьба «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна определилась его заключительным парадоксом, метафорически выраженным в образе лестницы, которую необходимо отбросить после восхождения: «6.54. Мои

суждения уточняются следующим образом: тот, кто понимает меня, в конце концов признает их бессмысленными, когда проберется сквозь них, по ним, над ними. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу после того, как взобрался по ней.)» [Витгенштейн, 2018, с. 130]. Интенсивная полемика между «метафизическим» (П. Хакер) и «решительным» (Дж. Конант, К. Даймонд) прочтениями этого текста выявила не просто экзегетическую проблему, но фундаментальную апорию самого философского дискурса о своих основаниях [Хромченко, 2024]. Метафизическое прочтение, усматривающее в Трактате теорию репрезентации, неизбежно наталкивается на самоопровержение: утверждения этой теории, согласно ее же критериям, оказываются бессмысленными. Решительное прочтение, пытаясь спасти последовательность Витгенштейна через трактовку Трактата как чисто терапевтического жеста, сталкивается с вопросом: как чистая бессмыслица (nonsense) может вести к прояснению? Оба прочтения, в своих радикальных версиях, заходят в тупик, указывая на неразрешимость в рамках классической парадигмы: любая попытка установить пределы или критерии осмысленного высказывания вынуждена сама занимать позицию по ту сторону этих пределов, используя язык не-дескриптивно, а перформативно.

Этот перформативный парадокс выходит далеко за рамки философии языка и является центральной проблемой теории познания. Классическая эпистемология, в ее доминирующей с XVII по XX век версии, фундированной картезианским дуализмом и ньютоновской картиной мира, тяготела к модели репрезентации: знание понималось как корректное отражение (репрезентация) независимой реальности в сознании или языке познающего субъекта. Однако рефлексия над этой моделью – попытка сформулировать, что есть «корректное отражение», – немедленно воспроизводит витгенштейновский парадигмальный сдвиг. Любая эпистемологическая теория, провозглашающая критерии истинности и осмысленности, в момент своего провозглашения действует как перформатив: она не столько описывает универсальные законы познания, сколько учреждает определенный режим познавательной практики, формирует сообщество, задает правила игры. Она не зеркало, а сценическое действие. Таким образом, перформативный парадокс – это не случайная логическая трудность, а симптом фундаментального несоответствия между репрезентативной моделью познания и его практической, событийной природой. «Таким образом, театральное событие делает явным саму природу процесса, которая ему свойственна, включая и имплицитно заложенную в нем непредсказуемость» [Леман, 2013, с. 94]. Заметим, в переводе Н.С. Исаевой несогласование, не *делает явной*, а *делает явным* – то есть сама природа стала уже процессуальной, прежде чем мы ее заметили: как всегда бывает у философов-переводчиков, за мнимой ошибкой стоит целая концепция мира.

Цель данной статьи – предложить вариант позитивного решения этого парадокса через построение новой эпистемологической модели – Театральной гносеологии (ТГ). Мы предполагаем, что парадокс преодолевается не через поиск более изощренной репрезентативной схемы, а через радикальную смену парадигмы: переход от метафоры зеркала к метафоре сцены, от познания-созерцания к познанию-соучастию в событии. Критику репрезентационистской модели, разумеется, нельзя считать новшеством ТГ; она ведется с разных позиций как минимум

со времен Гегеля, Ницше, американского прагматизма и феноменологии. Однако ТГ предлагает не просто критику, а систематическую альтернативу, строящуюся на ином наборе онтологических предпосылок – не стабильности и отделенности, а процессуальности и взаимопроникновения. Наш проект опирается на тройное основание: 1) историко-философский анализ, показывающий глубокие корни перформативной эпистемологии (И. Кастен); 2) синтез ключевых концепций современной мысли, от постдраматического театра до акторно-сетевой теории и агентивного реализма; 3) стремление к аналитической строгости, выражающееся в попытке формализации ключевых понятий ТГ с помощью аппарата теории графов и теории игр. ТГ претендует не на упразднение традиционных эпистемологических вопросов, а на их переформулировку в рамках более адекватной онтологии становления, материальности и распределенной агентности.

Важно отграничить обсуждаемый нами перформативный парадокс от близких, но не тождественных логических и философских проблем. Парадокс лжеца или теорема Тарского о невыразимости истины касаются семантической замкнутости языковых систем. Проблема критериев и рефлексивности теории, поднятая, например, в работах П. Фейерабенда [Фейерабэнд, 1986], относится к методологическому самообоснованию науки. Перформативный парадокс, как мы его понимаем, носит более фундаментальный, онтолого-практический характер. Он указывает не на логическое противоречие в описании познания, а на принципиальную невозможность адекватно описать событийную, процессуальную, материально-практическую природу познавательного акта средствами статической, репрезентативной модели. Этот парадокс проявляется в момент, когда теория познания, пытаясь дать отчет о собственных условиях возможности, вынуждена действовать как практика, а не как описание. Именно этот разрыв между порядком описания (дескрипции) и порядком действия (перформанса) и становится предметом анализа ТГ. Наш проект, таким образом, не ставит целью *разрешить* этот парадокс в классическом смысле, сняв логическое противоречие, а предлагает *принять его как симптом*, требующий перехода к иной, событийной онтологии познания.

В работах С. Данько парадокс лестницы Витгенштейна раскрывается в своей полной эпистемологической значимости: он демонстрирует неразрешимое напряжение между дискурсивной формой философского высказывания и его мистически-ценностным содержанием [Данько, 2013; 2018]. Согласно ее прочтению, Витгенштейн не просто констатирует бессмысленность метафизических предложений, но совершает тщательно выверенный перформативный жест. Цель этого жеста – не передать знание, а произвести трансформацию в самом читателе: привести его к прямому, внедискурсивному «чувствованию мира как целого», к экзистенциальному переживанию «чуда существования», которое принципиально нередуцируемо к совокупности фактов или логических конструкций [Данько, 2014, с. 16–17]. В этом радикальном жесте философская теория (лестница) сознательно используется для того, чтобы самоуничтожиться, уступив место невыразимому, но предельно реальному опыту. Однако, как убедительно показывает Данько, это самоуничтожение не является простым отрицанием философии. Напротив, оно реабилитирует ее в новом качестве – как практику трансформации восприятия,

как деятельность, указывающую на «слепое пятно» рационального мышления: на ту область смысла и ценности, которая, будучи конститутивным условием понимания мира, сама не может быть адекватно артикулирована в рамках логической структуры языка [Данько, 2017, с. 74–75].

Этот витгенштейнианский ход, блестяще проанализированный Данько, имеет прямое и фундаментальное значение для проекта Театральной гносеологии. Мы видим в нем не просто экзегетический казус, а прототип эпистемического события в том смысле, в каком его понимает ТГ. Перформативный жест «Трактата» – это классический пример того, как познание осуществляется не через накопление репрезентативного содержания, а через организованное событие, изменяющее конфигурацию отношений между агентом (читателем) и его миром. Лестница предложений работает не как описание реальности, а как сценический реквизит, как материальный агент в драматургическом действии, разворачивающемся между текстом и сознанием читателя. Ее «отбрасывание» знаменует момент завершения перформанса, когда внешний инструмент становится ненужным, ибо его цель – изменение внутренней оптики – достигнута. Таким образом, Витгенштейн у Данько предстает не только философом языка, но и скрытым режиссером эпистемологических перформансов, чья работа превосходит ключевой принцип постдраматического театра: ценность заключается не в тексте-инструкции, а в уникальном событии понимания, которое этот текст провоцирует, но не может содержать.

Мы отличаем проект ТГ от театрификации как способа интерпретации самого Витгенштейна или же использования Витгенштейна как рамки интерпретации новейшего театра, что осуществлено во множестве работ [Puchner, 2015; Bennett, 2024; Twitchin, 2024]. Мы руководствуемся важнейшим объяснением В. В. Бибихиным парадокса Витгенштейна: «Экспликация имплицитного небезобидна. Ее легко начать, но что она когда-то кончится, доказать трудно. Художника спрашивают, почему он назвал хаотическое на первый взгляд нагромождение нечетких геометрических фигур женщиной. Художник послушно начинает объясняться. Вскоре ему становится скверно на душе. Эксплицируя, он переживает не создавшее картину имплицитное, а что-то другое. Техническая отчетливость приставок им- и экс- обманывает. Перевода из дословесного в словесное не получается. Художник недоволен собственным объяснением. Он нервничает: нет, я не то хотел сказать. Он говорит длинно, потом невразумительно, наконец бросает попытку и предлагает: давайте я лучше нарисую то же или лучше другое. Статус невысказанных предпосылок его работы другой, чем можно высказать. Или, в хорошем случае, то, что он предлагает в качестве экспликации имплицитного, останется по-своему опять же тайным» [Бибихин, 2005, с. 342]. Здесь поведение художника, то пытающегося объяснить свой замысел, то переделывающего его, оказывается предельно свернутым постдраматическим театром, где экспликация неотделима от поиска форм соучастия. Только если Бибихин говорит о ситуации, в которой существует граница между мастерской и публичным представлением, мы исходим из изначальной публичности постдраматического театра.

1. Методологические основания: от кризиса репрезентации к перформативному повороту

Исходным пунктом Театральной гносеологии является последовательная критика «зеркальной» парадигмы познания, доминировавшей в западной философии. Эта критика разворачивается по трем взаимосвязанным векторам, задающим новые методологические координаты.

Во-первых, это отказ от репрезентации как основной функции знания. Заимствуя концептуальный аппарат постдраматического театра Ханса-Тиса Лемана [Леман, 2013], мы переносим его критику репрезентации в эпистемологию. Подобно тому как постдраматический театр отказывается от изображения готового нарратива, иллюзии «четвертой стены» и фиксированных персонажей в пользу чистого присутствия, процессуальности и события (event), ТГ отказывается видеть в познании спектакль с заранее написанными ролями (субъект, объект, истина). Познание – не инсценировка мира по готовому сценарию, а импровизационный, материально обусловленный процесс, результат которого непредсказан. Это радикально меняет онтологический статус познающего: он не зритель перед картиной мира, но участник, «вброшенный» в продолжающееся событие, ход которого он одновременно и раскрывает, и определяет своими действиями.

Во-вторых, это пересмотр агентности познания под влиянием постгуманизма. Классический субъект познания – суверенный, рациональный, изолированный индивид – рассеивается в сетях распределенной агентности. Теории Б. Латура [Латур, 2014] и К. Барад [Barad, 2007] предоставляют ключевые инструменты для этого пересмотра. Акторно-сетевая теория Б. Латура уравнивает в правах человеческих и нечеловеческих актантов (лабораторное оборудование, образцы, тексты, институции), рассматривая научный факт как результат переговоров внутри гетерогенной сети. *Агентивный реализм* Барад идет дальше, утверждая, что не акторы взаимодействуют, а сама материя обладает перформативной способностью к внутри-действию (intra-action), в процессе которого конституируются как сами «агенты», так и наблюдаемые явления. В ТГ «актерами» познавательного события становятся не только люди, но и технологии (алгоритмы, датчики), природные силы (климат, биологические процессы), символические системы (математический формализм, художественный образ), участвующие в совместном производстве смысла. Познающий – это всегда гибридная ассамблея, временный узел в динамической сети.

В-третьих, это утверждение перформативности как основы познавательного акта. Идя вслед за Дж. Остином и поздним Л. Витгенштейном [Смирнов, 2023], но радикализируя их идеи в онтологическом ключе (как у К. Барад, Э. Пикеринга [Pickering, 1995; 2010] или А. Ноэ [Noë, 2004]), ТГ утверждает: знание не описывает мир, а совершает действия в мире, конструирует реальность в процессе своего осуществления. Научный эксперимент, художественное исследование, социальная диагностика – все это не пассивное наблюдение, а активное вмешательство, которое изменяет конфигурацию изучаемой ситуации и производит новые онтологические реалии. Перформативность здесь понимается не в узколингвистическом, а в расширенном, материально-практическом смысле: познание есть «практика как перформанс», где схемы, инструменты и дисциплинарные жесты

материально переплетаются для создания явлений, которые затем принимаются за «данные» или «открытия». Таким образом, ТГ находится в прямой преемственности с такими современными направлениями, как энактивизм в философии сознания (А. Ноз [Noë, 2004], Ф. Варела [Матурана, Варела, 2001; Варела, Томпсон, Рош, 2023]), подчеркивающий, что восприятие есть вид осмысленного действия, а также с коммуницирующими интерпретациями позднего Л. Витгенштейна (Д. Блур [Bloor, 2004]), рассматривающими значение как функцию от укорененных практик. Однако наша ТГ делает шаг дальше, переводя эти интуиции из сферы философии языка и сознания в плоскость онтологии познавательного события как такового, привлекая для его описания аппарат, разработанный в исследованиях науки и технологий (STS) и постдраматической теории.

2. Историческое измерение и ключевые принципы: от средневекового ритуала к постдраматическому событию

Развитие ТГ требует ответа на возможное обвинение в произвольном «модернистском» конструировании. Ответом служит обращение к историческим исследованиям, в частности, к работам медиевиста И. Кастен по перформативности в средневековой культуре. Кастен убедительно показывает, что в дописьменную и раннеписьменную эпохи ключевые социальные и эпистемические акты – установление статуса, заключение союза, передача власти – осуществлялись не через дескриптивные высказывания, а через ритуальные перформансы: клятвы, обеты, инвеституру, жестовые коды [Kasten, 2011]. Знание здесь (например, знание о том, что некто является рыцарем или вассалом) не предшествовало акту, а рождалось в и через акт, требовало свидетелей, материальных артефактов (меч, пергамент) и определенной пространственно-временной рамки. Это позволяет утверждать, что ТГ является не разрывом с традицией, а реактивацией глубокого, долатонического слоя европейской эпистемической культуры, где познание было неотделимо от драматического, телесного и коммунального действия. Парадокс лестницы оказывается не уникальным изобретением модерна, а постоянным спутником любой рефлексии, пытающейся схватить в сети понятий то, что по своей природе является событием.

На этом историческом фундаменте мы формулируем ключевые принципы Театральной гносеологии, которые систематически противопоставляют ее классической эпистемологии.

Познание как сценическое событие. Центральный принцип ТГ гласит: познание есть событие, а не репрезентация. Подобно постдраматическому спектаклю, эпистемическое событие (Epistemic Event, EE) акцентирует здесь и сейчас своей процессуальности. Истина не открывается как готовый вывод, а происходит как разворачивающийся процесс, ход которого определяется импровизацией, материальными условиями и непредсказуемыми взаимодействиями между агентами. Это смещает фокус с вопроса «Что есть истина?» на вопрос «Как происходит истинное событие?».

Многоканальность и синестезия. Если классическая эпистемология привилегировала текст, логику и визуальную репрезентацию, то ТГ, вслед за пост-

драматическим театром, признает множественные медиа равноправными носителями смысла и инструментами познания. Звук, движение, тактильность, пространственное расположение, цифровые потоки данных – все это не вспомогательные, а конститутивные элементы «эпистемического события» (epistemic event). Климатические данные, преобразованные в звуковую партитуру, или математическая формула, воплощенная в танце, являются не иллюстрациями, а формами «познавательного акта» (engagement), открывающими измерение реальности, недоступное чистому дискурсу.

Распределенная субъектность. ТГ окончательно отказывается от идеи автономного познающего субъекта. Субъектность в познании распределена между всеми элементами гибридной ассамблеи. В духе идей Д. Харауэй [Haraway, 1988] о ситуативном знании познание всегда является видом «откуда-то» и «из чего-то», оно воплощено и партикулярно. Однако ТГ расширяет эту идею: воплощен не только человеческий наблюдатель, но и весь аппарат наблюдения. Телескоп, нейросеть, обрабатывающая его данные, и теоретическая модель – все они являются когнитивными партнерами, актантами в совместном производстве астрономического знания. Познающий – это не «я мыслю», а «мы-с-этим-мыслим».

Отсутствие финальной интерпретации и эфемерность. Как в постдраматическом театре смысл не задан автором, а рождается в момент восприятия и участия, так и в ТГ знание ускользает от окончательной фиксации и архивации. Оно оставляет после себя не доктрину, а след, изменение в конфигурации сети агентов. Акцент смещается с вопроса «Что это значит?» на вопрос «Что оно делает?» – какие новые связи, практики, способы восприятия оно порождает. Знание ситуативно и эфемерно, как перформанс, который нельзя адекватно свести к видеозаписи или текстуальному протоколу.

3. Формализация проекта: познание как координация в сети агентов

Чтобы придать проекту ТГ аналитическую строгость и сделать его открытым для междисциплинарного диалога, мы предлагаем его частичную формализацию, используя аппарат теории графов и теории игр. Эта формализация служит не заменой философского описания, а его уточнением и операционализацией.

Определение 1. Эпистемическое событие (Epistemic Event, EE) как гиперграф. Пусть конкретное эпистемическое событие EE моделируется как ориентированный гиперграф $G = (V, E, t)$, где:

$V = \{v_i\}$ – множество вершин-акторов. Каждая вершина представляет собой агента (человеческого или нечеловеческого), вовлеченного в событие: исследователь, теоретический концепт (например, «черная дыра»), прибор, база данных, материал, финансирующая организация и т.д.;

$E = \{e_j\}$ – множество гиперребер-интеракций. Каждое гиперребро e_j связывает подмножество вершин $V_j \subseteq V$, участвующих в конкретном акте коммуникации, воздействия или совместного производства смысла (например, акт измерения, проведение вычисления, написание статьи, обсуждение на семинаре);

t – параметр времени, указывающий на динамический, процессуальный характер графа: V и E изменяются во времени по мере развертывания события.

Определение 2. Знание как перформативная устойчивость (координационное равновесие). В рамках ТГ знание не является свойством отдельного утверждения или субъекта. Мы определяем знание как состояние перформативной устойчивости конфигурации гиперграфа G в момент t . Эта устойчивость интерпретируется как решение задачи координации в сигнальной игре (signaling game, важнейший термин Б. Скирмса), неявно разыгрываемой агентами-вершинами сети [Skyrms, 2010]. В такой игре агенты вырабатывают общие условные правила (conventions) интерпретации сигналов и действий, которые максимизируют взаимную полезность от кооперации внутри сети.

Следовательно, истина в рамках ТГ – это не соответствие утверждения реальности, а координационное равновесие по Нэшу в сети взаимодействий G . Утверждение или практика признаются «истинными» или «обоснованными», когда они становятся устойчивым узлом, вокруг которого координируются действия множества других агентов (как человеческих, так и нечеловеческих), обеспечивая предсказуемость и эффективность их совместной деятельности.

Пример: научное открытие. Открытие гравитационных волн можно представить как достижение новой, перформативно устойчивой конфигурации в глобальной научной сети. Вершины V включают: детекторы LIGO, алгоритмы обработки данных, теории Эйнштейна, научные группы, рецензируемые журналы, финансирующие агентства. Гиперребра E – акты измерений, анализа, публикаций, цитирований. Первоначальный сигнал был неустойчив (шум, ошибка?). Знанием он стал, когда через серию взаимодействий (перепроверок, независимых анализов, публикаций) сеть достигла нового равновесия: подавляющее большинство релевантных агентов стало координировать свои дальнейшие действия (новые эксперименты, теоретические работы) исходя из реальности гравитационных волн. Истинность здесь – это свойство состояния всей сети, а не корреспонденция сигнала с некоей внесетевой «реальностью».

4. Эвристическая сила ТГ: пример анализа климатического знания

Принципы ТГ обладают значительной эвристической силой для анализа современных комплексных эпистемических практик, парадигматическим примером которых является производство и коммуникация климатического знания. Традиционная модель («дефицитная»), представляющая знание как набор фактов, которые необходимо донести до невежественной публики, здесь явно не работает. Вместо этого ТГ предлагает рассматривать «климатическое знание» не как статичный корпус данных, а как динамическое событие, разворачивающееся в гетерогенной сети. В этом событии участвуют: климатические модели (алгоритмические акторы), сети датчиков (материальные акторы), визуализации данных (медиа-акторы), научные консенсусы (социально-институциональные акторы), политические дискурсы, индивидуальный опыт погодных аномалий и т.д. Знание о климате с точки зрения ТГ – это не отражение «объективной ситуации», а текущее, неустойчивое и постоянно пересобираемое состояние координации между этими разнородными акторами. Такой взгляд позволяет, во-первых, понять провалы коммуникации не как следствие непонимания, а как результат конфликта

или рассогласования перформативных режимов разных сетей (научной, политической, повседневной). Во-вторых, он смещает фокус с вопроса об «истинности» отдельных утверждений на вопрос о процессе достижения (или недостижения) временного «координационного равновесия» в масштабной социотехнической системе. Это равновесие и есть то, что в конкретный исторический момент признается «обоснованным климатическим знанием». Анализ в терминах ТГ показывает, что борьба за это знание есть по сути борьба за право выступать ключевым координатором в сети, задающим правила ее перформативной сборки.

5. Разрешение перформативного парадокса в рамках ТГ

Возвращаясь к исходному парадоксу, сформулированному через призму Витгенштейна, мы можем теперь предложить его решение в терминах Театральной гносеологии.

Парадокс (строгая формулировка): Пусть Т – эпистемологическая теория, утверждающая критерий С для различения осмысленного/истинного знания. Чтобы быть последовательной, Т должна сама удовлетворять критерию С. Однако Т, как мета-утверждение об условиях осмысленности, не может быть верифицировано в рамках С, ибо онтологически принадлежит иному порядку – порядку установления правил, а не их применения. Следовательно, Т либо нарушает собственный критерий (и ложно), либо не может быть оценено в его рамках (и его статус неопределим).

Решение (в рамках ТГ): Теория Т является не мета-описью, а стратегическим перформативным ходом внутри определенного эпистемического события. Ее цель – не описать универсальный критерий С, а выступить актором, изменяющим конфигурацию эпистемической сети. Выдвигая Т, философ или научное сообщество предлагают новый протокол координации для сети агентов. «Истинность» или «успешность» Т измеряется не ее соответствием трансцендентному критерию, а ее перформативной эффективностью: способностью стать устойчивым узлом-координатором, вокруг которого перестраиваются практики, формируются союзы, производятся новые гибридные ассамблеи и достигается новое, более сложное равновесие в сети.

Таким образом, витгенштейновская «лестница» – это и есть такой перформативный ход. Предложения Трактата – это не «скрытые метафизические истины» и не «простая бессмыслица», а материальные агенты в событии философского прояснения. Их функция – реконфигурировать эпистемическую сеть читателя, привести ее в новое состояние равновесия («правильно увидеть мир»). После достижения этой новой конфигурации сами предложения-агенты теряют свою актуальность, они «отбрасываются», но не потому, что бессмысленны, а потому, что их перформативная работа завершена. Парадокс снимается, поскольку сама теория познания понимается как перформативная практика, встроенная в более широкий событийный поток, а не как его вневременной судья.

Заключение

Развитый в статье проект Театральной гносеологии представляет собой попытку предложения альтернативной модели по отношению к репрезентационизму через радикальный перформативно-событийный поворот. Отталкиваясь от точной аналитической диагностики перформативного парадокса, унаследованного от Витгенштейна, мы предлагаем не отступать от него, а принять как отправную точку для переформулировки вопросов построения новой эпистемологии.

Эта эпистемология находит свои корни в исторических практиках (И. Кастен) и объединяет наиболее продуктивные направления современной мысли: онтологический поворот (Х.-Т. Леман, К. Барад), постгуманистическую деконструкцию субъекта (Б. Латур, Д. Харауэй) и прагматистский акцент на практике (Э. Пикеринг, А. Ноэ). Формализация ключевых понятий с помощью теории сетей и теории игр призвана обеспечить ТГ аналитическую четкость, сделав более строгим проект научной перформативности на основе STS [Столярова, 2018] и развив способность к междисциплинарному диалогу с когнитивными науками, STS и цифровыми гуманитарными исследованиями.

В итоге ТГ предлагает переформулировать основные вопросы теории познания. Вместо «Что есть истина?» – «Как происходит истинное событие?». Вместо «Как субъект представляет объект?» – «Как конфигурируется сеть взаимодействующих агентов, производящая феномен, воспринимаемый как знание?». Истина оказывается не соответствием, а равновесным состоянием кооперативной системы, а знание – не владением репрезентацией, а компетенцией участия и координации внутри гетерогенных ассамблей.

Перформативный парадокс, таким образом, теряет свой разрушительный характер, становясь ключом к пониманию динамической, материальной и коллективной природы познавательного процесса. Театральная гносеология намечает путь к эпистемологии, адекватной сложности, процессуальности и распределенной агентности познания в мире постгуманизма, антропоцена и цифровых культур.

Список литературы

- Бибихин В. В.** Витгенштейн: смена аспекта. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 566 с.
- Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э.** Воплощенный разум: Когнитивная наука и человеческий опыт. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. 336 с.
- Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018. 160 с.
- Данько С. В.** Отменил ли Витгенштейн философию? // Vox. Философский журнал. 2013. № 15. С. 171–190.
- Данько С. В.** Кролик, шляпа и мистическое // Артикульт. 2014. № 4. С. 14–20.
- Данько С. В.** Логика, смысл и ценность в перформативном измерении «Логико-философского Трактата» Людвиг Витгенштейна // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 71–86.
- Данько С. В.** Парадоксы «Лекции об этике» Л. Витгенштейна // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 186–196.

- Латур Б.** Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 384 с.
- Леман Х.-Т.** Постдраматический театр. М.: ABCdesign, 2013. 312 с.
- Матурана У., Варела Ф.** Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Смирнов М. А.** Онтология сущностей и онтология фактов: возвращаясь к сравнению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27, № 2. С. 345–360.
- Столярова О. Е.** Научный активизм и идея перформативности // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 42–48.
- Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
- Хромченко А. А.** Парадокс «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 27–38.
- Barad K.** Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham, NC: Duke University Press, 2007.
- Bennett M. Y.** Philosophy, Analytic Aesthetics, and Theater. Routledge, 2024.
- Bloor D.** Institutions and Rule-Scepticism: A Reply to Martin Kusch // Social Studies of Science. 2004. Vol. 34, No. 4. P. 593–601.
- Haraway D.** Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14, No. 3. P. 575–599.
- Kasten I.** Performativität und Medialität in mittelalterlicher Literatur und Kultur // Performativität und Medialität / Hrsg. von I. Kasten. Berlin: De Gruyter, 2011. S. 1–22.
- Noë A.** Action in Perception. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004.
- Pickering A.** The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science. University of Chicago Press, 1995.
- Pickering A.** The Cybernetic Brain: Sketches of Another Future. University of Chicago Press, 2010.
- Puchner M.** Wittgenstein's Language Plays // Philosophy and Literature. 2015. Vol. 39, No. 1. P. 107–127.
- Skyrms B.** Signals: Evolution, Learning, and Information. Oxford University Press, 2010.
- Twitchin M.** Wittgenstein and Performance. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2024.

References

- Barad K.** Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham, NC: Duke University Press, 2007.
- Bennett M. Y.** Philosophy, Analytic Aesthetics, and Theater. Routledge, 2024.
- Bibikhin V. V.** Wittgenstein: A Change of Aspect. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2005. (in Russian)
- Bloor D.** Institutions and Rule-Scepticism: A Reply to Martin Kusch // Social Studies of Science. 2004. Vol. 34, No. 4. P. 593–601.
- Danko S. V.** Did Wittgenstein Abolish Philosophy? // Vox. Philosophical Journal. 2013. No. 15. P. 171–190. (in Russian)
- Danko S. V.** A Rabbit, a Hat and the Mystical // Artikult. 2014. No. 4. P. 14–20. (in Russian)

- Danko S. V.** Logic, Meaning, and Value in the Performative Dimension of Ludwig Wittgenstein's «Tractatus Logico-Philosophicus» // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Vol. 52, No. 2. P. 71–86. (in Russian)
- Danko S. V.** Paradoxes of Wittgenstein's «Lecture on Ethics» // Voprosy Filosofii. 2018. No. 9. P. 186–196. (in Russian)
- Feyerabend P.** Selected Works on Scientific Methods. Moscow: Progress, 1986. (in Russian)
- Haraway D.** Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14, No. 3. P. 575–599.
- Kasten I.** Performativität und Medialität in mittelalterlicher Literatur und Kultur // Performativität und Medialität / Hrsg. von I. Kasten. Berlin: De Gruyter, 2011. P. 1–22.
- Khromchenko A. A.** The Paradox of Wittgenstein's «Tractatus Logico-Philosophicus» // Siberian Journal of Philosophy. 2024. Vol. 22, No. 1. P. 27–38. (in Russian)
- Latour B.** Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. (in Russian)
- Lehman H.-T.** Postdramatic Theatre. Moscow: ABCdesign, 2013. (in Russian)
- Maturana U., Varela F.** The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding. Moscow: Progress-Traditsiia, 2001. (in Russian)
- Noë A.** Action in Perception. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004.
- Pickering A.** The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science. University of Chicago Press, 1995.
- Pickering A.** The Cybernetic Brain: Sketches of Another Future. University of Chicago Press, 2010.
- Puchner M.** Wittgenstein's Language Plays // Philosophy and Literature. 2015. Vol. 39, No. 1. P. 107–127.
- Skyrms B.** Signals: Evolution, Learning, and Information. Oxford University Press, 2010.
- Smirnov M. A.** Ontology of Entities and Ontology of Facts: Revisiting the Comparison // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofii. 2023. Vol. 27, No. 2. P. 345–360. (in Russian)
- Stoliarova O. E.** Scientific Activism and the Idea of Performativity // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Vol. 55, No. 2. P. 42–48. (in Russian)
- Twitchin M.** Wittgenstein and Performance. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2024.
- Varela F., Thompson E., Rosch E.** The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Moscow: Fond «Sokhranim Tibet», 2023. (in Russian)
- Wittgenstein L.** Tractatus Logico-Philosophicus. Moscow: AST, 2018. (in Russian)

Информация об авторах

Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет

Оксана Александровна Штайн, кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Information about the authors

Alexander V. Markov, Doctor of Sciences (Philology), professor
Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University
for the Humanities

Oksana A. Shtayn, Candidate of Sciences (Philosophy), docent
Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University

*Статья поступила в редколлегию 24.12.2025;
одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 20.02.2026*

*The article was submitted 24.12.2026;
approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 20.02.2026*

Научная статья

УДК 101.1:316; 316.722

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-83-96

Карнавализация музейного пространства: провинциальные музеи Китая как площадка диалога культур

Вэй Цзин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

9920608307@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-3953-7286>

Аннотация

В статье рассматривается роль провинциальных музеев Китая как фактора активной трансляции культуры в контексте теории диалога М. М. Бахтина. Современный музей анализируется не как монологический институт, а как открытое диалогическое пространство, где куратор («автор»), экспонаты («текст») и посетитель («читатель») вступают в равноправное взаимодействие, порождая новые смыслы. На примере Музея провинции Ганьсу показано, как международные выставочные проекты и развитие креативной индустрии на основе культурных реликвий реализуют диалогический потенциал музея. Эти практики позволяют преодолевать временные и географические границы, превращая локальное культурное наследие в доступный глобальной аудитории нарратив. Провинциальные музеи, являясь хранителями локальной идентичности, эволюционируют в полифоническое взаимодействие, где происходит диалог между традицией и современностью, между Китаем и другими странами, способствующий взаимопониманию на границе с другой культурой.

Ключевые слова

музей, диалог культур, музей провинции Ганьсу, карнавализация, музейная креативная индустрия

Для цитирования

Вэй Цзин. Карнавализация музейного пространства: провинциальные музеи Китая как площадка диалога культур // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 83–96. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-83-96

© Вэй Цзин, 2026

Museum as a Factor of Cultural Dialogue: The Case of Chinese Provincial Museums

Wei Jing

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

9920608307@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-3953-7286>

Abstract

The paper examines the role of provincial museums in China as active cultural broadcasters through the lens of M. M. Bakhtin's dialogue theory. The contemporary museum is analyzed not as a monological institution but as an open dialogical space, where the curator («author»), exhibits («text»), and visitor («reader») engage in equal interaction, generating new meanings. Using the Gansu Provincial Museum as a case study, the article demonstrates how international exhibition projects and creative industries based on cultural relics unlock the museum's dialogical potential. These practices overcome temporal and geographic boundaries, transforming local heritage into a narrative accessible to a global audience. As custodians of local identity, provincial museums evolve into polyphonic interaction, fostering dialogue between tradition and modernity, China and other countries, promoting mutual understanding at the frontiers of other cultures.

Keywords

museum, dialogue of cultures, Gansu Provincial Museum, carnivalization, museum creative industry

For citation

Wei Jing. Museum as a Factor of Cultural Dialogue: The Case of Chinese Provincial Museums. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 83–96. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-83-96

Музей – это не только исторически сложившийся динамичный социокультурный институт, но и одна из универсальных форм культуры. Как отмечает в рабочих документах Российского комитета Международного совета музеев: «Музей – это особая социальная институция, которая актуализирует и интерпретирует материальное и нематериальное наследие человечества и окружающей его среды посредством его коллекционирования, сохранения, документирования, изучения и экспонирования. Она открыта для публики, доступна и способствует сохранению многообразия культур и устойчивому развитию общества, осуществляя свою деятельность и коммуникацию при участии сообщества, предлагая разнообразный опыт в целях образования, организации досуга, рефлексии и обмена знаниями. Это пространства инклюзии и полифонии мнений, созданные для критического осмысления и обсуждения прошлого и будущего. Изучая текущие конфликты и вызовы времени, музеи сохраняют для общества эталонные артефакты и предметы искусства, оберегают и передают следующим поколениям историческую память и обеспечивают для всех людей равные права и равный доступ к культурному наследию» [Сундиева и др., 2023, с. 88]. И в этом смысле мы не только можем говорить о музеологии как о междисциплинарной области знания, изучающей процессы сохранения и передачи социально значимой информации специфическими музейными средствами, которая работает на стыке истории, истории культуры, наук, определяющих профиль музея, и музейной практики, которая сама по себе может быть очень разнообразной, но и о специ-

фическом разделе философии культуры, занимающемся анализом музея как полифункционального института в системе культуры и сопряженной динамики его социальных функций (см., например, [Коренева, 2017, с. 7–9]). Естественно, одной из наиболее значимых таких функций является музейная коммуникация. В этом контексте музейная аудитория и общество в целом не должны рассматриваться пассивным и односторонним получателем знаний. Музей не должен рассматривать аудиторию как внешнюю, объективную сущность, а видеть в ней равноправного партнера для диалога по обмену информацией.

Музейная экспозиция представляет собой сложный конструкт, который создается по замыслу сотрудника музея (куратора) и воспринимается посетителями. Если рассматривать музей как совокупность текстов, то выставки и экспонаты – это тексты, состоящие из объектов, пространств, изображений и слов. Куратор – это автор, который посредством отбора, расстановки и организации экспонатов выражает определённые идеи. Посетитель – это читатель, в свою очередь, через просмотр выставки формирует собственное понимание и интерпретацию. Наша идея заключается в том, что такой подход к представлению музейной коммуникации может позволить напрямую применять теорию диалога М. М. Бахтина к музейному пространству, рассматривая его как поле диалогических отношений между автором (сотрудником музея), героями (экспонатами, историческими персонажами) и читателем (посетителем). Теория диалога М. М. Бахтина подчеркивает открытость текста и активное участие читателя, утверждая, что смысл рождается в процессе непрерывного диалога и интерпретации. Диалог осуществляется в речи, но происходит он также и между культурами. Являясь инклюзивным и открытым социальным культурным институтом, современный музей предоставляет площадку для диалога с публикой, что перекликается с сутью теории диалога М. М. Бахтина. В качестве иллюстрации этого тезиса мы рассмотрим один из примеров практики реализации такого диалога на примере Музея провинции Ганьсу в Ланчжоу (甘肅省博物館). Провинциальные музеи в Китае являются хранителями локальной идентичности, они вынуждены эволюционировать в полифоническом пространстве, где происходит диалог между традицией и современностью, между Китаем и другими странами, способствующий взаимопониманию на границе с другой культурой, преодолевая временные и географические границы, превращая локальное культурное наследие в доступный глобальной аудитории нарратив.

Объект экспозиции и коммуникация

Прежде чем перейти к анализу практики музейной коммуникации в том виде, как она реализуется в Музее провинции Ганьсу, и аллюзиям на теорию диалога М. М. Бахтина, обратимся к анализу таких значимых понятий, как объект экспозиции, экспозиция и коммуникация. Это поможет более четко представить наш тезис, а также послужит еще одной иллюстрацией уникальности философского и культурологического анализа музейной коммуникации.

В первом приближении сам по себе объект экспозиции не является формой реальности, он является продуктом, результатом или эквивалентом. Это

то, что помещается или выдвигается субъектом, который рассматривает объект как отличное от себя. Тем самым объект отличается от вещи, которая связана с субъектом как продолжение или инструмент (например, инструмент как продолжение руки – это вещь, а не объект). Музейный объект (*musealia*) – это нечто, что помещено в музей, который является не только местом, где хранятся объекты, но и местом, главная миссия которого – превращать вещи в объекты. Как пишет Ж. Бодрийяр: «Объект ни в коем случае не является чем-то необработанным, реальным или просто заданным предметом, который достаточно было бы собрать, например, для музейной коллекции, подобно тому как собирают ракушки на берегу. Это онтологический статус, который в данных обстоятельствах принимает конкретная вещь, при условии, что в других обстоятельствах эта вещь не считалась бы объектом. Объект – это всегда то, что субъект кладет перед собой, отдельно от себя; таким образом, это то, что обращено к нему и отличается. В этом смысле объект абстрактен и мертв, замкнут сам в себе, о чем свидетельствует та серия объектов, которая представляет собой коллекцию» [Бодрийяр, 2001, с. 96]. Благодаря своей работе по приобретению, исследованию и сохранению «культурных образцов» музеи можно представить как пространство «производства» объектов. В этом случае музейный объект или музейная коллекция не обладает какой-либо внутренней реальностью, отличной от тех смыслов, которые в них вкладывают сотрудники музея.

Как отмечают А. Десвалле и Ф. Маиресе: «Музейный объект предназначен для наблюдения со всей его совокупностью скрытых коннотаций, потому что мы можем выставлять его, чтобы пробудить эмоции, развлечь или обучить. Это действие демонстрации настолько важно, что именно оно превращает вещь в объект, создавая дистанцию. Натуралисты, этнологи, а также музеологи, как правило, отбирают вещи, которые они уже называют объектами, в соответствии с их потенциалом служить в качестве информации, которую они могут предоставить для отражения экосистем или культур, которые они хотят сохранить. В результате систематического превращения вещей в объекты их можно изучать гораздо лучше, чем если бы они оставались в своем первоначальном контексте: ритуальная маска, церемониальный костюм, молитвенный инструмент и т. д. быстро меняют свой статус, попадая в музей. Мы больше не в реальном мире, а в воображаемом мире музея. Например, посетителю не разрешается сидеть на стуле в музее декоративно-прикладного искусства, что предполагает установленное различие между функциональным стулом и стулом-предметом. Их функция утрачена, она деконтекстуализирована, вырвана из контекста. Это означает, что отныне экспонаты больше не будут служить своему первоначальному назначению, а войдут в символический порядок, который придает им новое значение, что побудило Кшиштофа Помяна назвать такие объекты “семиофорами” (носителями значения) и приписать им новую ценность – прежде всего чисто музейную, в которой они становятся священными (освященными) свидетельствами культуры» [Desvallees, Mairesse, 2010, p. 63]. Естественно, выставка или экспозиция отражает выбор, сделанный куратором. В музейном контексте, особенно в областях археологии и этнологии, специалисты привыкли наделять объект смыслом, который они выработали в ходе собственных исследований. Однако это может привести

к целому ряду проблем. Во-первых, объекты меняют свое значение в своей первоначальной среде по прихоти каждого поколения. Во-вторых, каждый посетитель волен интерпретировать их в соответствии со своей собственной культурой. Результатом является релятивизм, который можно обозначить уже ставшей знаменитой фразой Ж. Эйнарда: «Объект не является истиной чего-либо. Во-первых, он полифункционален, во-вторых, полисемичен, – он приобретает смысл только тогда, когда помещается в контекст» (цит. по: [Dias, 2022, p. 14]).

Для семиологов, занимающихся семиотикой, таких как Ж. Давалон, «музеи можно рассматривать не столько как вещи (с точки зрения их физической реальности), сколько как языковые существа (они определены, признаны достойными сохранения и демонстрации) и как опоры социальных практик (они собираются, каталогизируются, выставляются и т.д.)» [Davallon, 1992, p. 112]. Объекты могут использоваться как знаки, подобно словам в речи, когда они используются на выставке. Но объекты – это не просто знаки, поскольку одним своим присутствием они могут быть непосредственно восприняты нашими чувствами. По этой причине термин «реальная вещь» часто используется для обозначения музейного экспоната, выставленного благодаря его силе «подлинного присутствия», то есть «реальными вещами в музейном языке являются те вещи, которые мы представляем такими, какие они есть, а не как модели, изображения или представления чего-то другого» [Cameron, 1968, p. 34]. В этом смысле термин «экспозиция» относится к результату действия по демонстрации чего-либо, а также ко всему тому, что демонстрируется, и к месту, где это демонстрируется. «Этот термин – наряду с его сокращенным термином “экспонат” – означает (1) акт демонстрации вещей публике, (2) сами демонстрируемые объекты (экспонаты) и (3) место, где эта демонстрация происходит» [Davallon, 2006, p. 55].

Экспозиция, понимаемая как место, где демонстрируются экспонаты (подобно музею, который можно рассматривать и как функциональный объект, и, например, как здание), характеризуется не архитектурой этого пространства, а самим местом. Она может быть организована в закрытом пространстве, а также на открытом воздухе (в парке или на улице) или на месте, то есть без перемещения объектов с их первоначальных мест – природных, исторических или археологических. Может быть организована музеем, а может быть организована коммерческой организацией (магазином, художественной галереей). С этой точки зрения выставочные пространства определяются не только содержанием, но и пользователями – посетителями и музейными работниками, то есть людьми, которые входят в это конкретное пространство и разделяют общий опыт других посетителей экспозиции. Место экспозиции – это особое место социального взаимодействия, результаты которого можно оценить. Это место демонстрации. Экспозиции являются фундаментальной особенностью музеев, поскольку они доказывают свою ценность как места для чувственного восприятия, представляя объекты для просмотра (то есть визуализацию), демонстрацию (акт демонстрации), представление (например, демонстрация священных предметов). Посетитель находится в присутствии конкретных элементов, которые могут быть представлены как сами по себе (картины, реликвии), так и для того, чтобы вызвать ассоциации или ментальные конструкции (пресуществление). Если музей в целом можно определить

как место музейного представления и визуализации, то экспозиция предстает как «объяснительная визуализация отсутствующих фактов посредством объектов и методов, используемых для их демонстрации, применяемых в качестве знаков. Витрины и рамы картин – это искусственные средства, которые служат для разделения реального мира и воображаемого мира музеев. Они не выполняют никакой другой роли, кроме как подчеркивать объективность, гарантировать дистанцию (создавая “дистанцирование”, как говорил Б. Брехт о театре) и давать нам понять, что мы находимся в другом мире, мире искусственного, воображаемого» [Scharer, 2003, s. 8].

Экспозиция, если понимать ее как совокупность всех представленных объектов, включают в себя музейные экспонаты, музейные предметы или «реальные вещи», а также их заменители (слепки, копии, фотографии), демонстрационные материалы (инструменты для демонстрации, такие как витрины, перегородки или экраны), информационные средства (такие как тексты, фильмы или другие мультимедийные материалы) и т.д. С этой точки зрения выставка функционирует как специфическая система коммуникации, основанная на «реальных вещах» и сопровождаемая другими артефактами, которые позволяют посетителю лучше понять их значение. В этом контексте каждый из элементов, присутствующих на выставке (музейные предметы, заменители, тексты и т.д.), может быть определен как экспонат. В такой ситуации речь идет не о воссоздании реальности, которую нельзя перенести в музей («реальная вещь» в музее уже является заменой реальности, а выставка может предложить только изображения, аналогичные этой реальности). Экспозиция передает реальность посредством этого механизма. Экспонаты на выставке выступают в роли знаков, а сама выставка представлена как коммуникационный процесс, который чаще всего является односторонним, неполным и может быть интерпретирован по-разному. В то же время Д. Кэмерон отмечает: «Термин “выставка” отличается от термина “презентация”, поскольку первый соответствует если не дискурсу, физическому и дидактическому, то, по крайней мере, большому комплексу предметов, выставленных на всеобщее обозрение, тогда как второй вызывает в памяти демонстрацию товаров на рынке или в универмаге, которая может быть пассивной, хотя в обоих случаях для достижения желаемого уровня качества необходим специалист (дизайнер экспозиции, дизайнер выставок). Эти два уровня – презентация и выставка – объясняют разницу между дизайном выставки и оформлением экспозиции. В первом случае дизайнер начинает с пространства и использует экспонаты для его обустройства, тогда как во втором он начинает с экспонатов и стремится найти наилучший способ их выражения, наилучший язык, чтобы заставить экспонаты “говорить”. Эти различия в способах выражения менялись в разные периоды времени в зависимости от вкусов и стилей, а также от относительной важности людей, занимавшихся оформлением пространства (декораторы, дизайнеры выставок, дизайнеры экспозиций, сценографы), но и способы проведения выставок также различались в зависимости от дисциплины и цели выставки» [Cameron, 1968, p. 38]. И все это естественным образом подводит нас к проблеме коммуникации.

В музейном контексте коммуникация проявляется как в представлении результатов исследований, проведенных в отношении коллекций (каталоги, статьи,

конференции, выставки), так и в предоставлении информации об объектах в коллекциях (постоянная экспозиция и связанная с ней информация). Такая интерпретация рассматривает выставку как элемент более общей системы коммуникации. В то же время стоит отметить, что применение самого термина «коммуникация» к музеям было очевидным не всегда. Конечно, музей «приобретает, сохраняет, исследует, передает и выставляет материальное и нематериальное наследие человечества и его окружающей среды», однако есть много оснований полагать, что вплоть до второй половины XX века основная функция музея заключалась в сохранении накопленных культурных или природных сокровищ и, возможно, в их демонстрации, без явного выражения намерения коммуникативно, то есть в передаче сообщения или информации принимающей публике. Как отмечает Э. Хупер-Гринхилл: «Специфику коммуникации, практикуемой музеями, можно определить по двум пунктам: (1) она чаще всего односторонняя, то есть без возможности ответа со стороны принимающей публики, пассивная. Это не означает, что посетитель не вовлечен лично (интерактивно или нет) в этот свой особенный тип коммуникации; (2) она не является по сути вербальной и не может быть в полной мере сравнена с чтением текста, но работает посредством чувственного восприятия экспонатов. Музей как система коммуникации, таким образом, зависит от невербального языка объектов и наблюдаемых явлений. Это прежде всего визуальный язык, а иногда и слуховой или тактильный. Его коммуникативная сила настолько велика, что этическая ответственность за его использование должна быть первостепенной задачей музейного работника» [Hooper-Greenhill, 1994, p. 15]. Таким образом коммуникация постепенно стала движущей силой деятельности музеев. Это означает, что музеи общаются особым образом (используя собственные методы), а также применяя все другие коммуникационные техники, возможно, рискуя при этом меньше инвестировать в то, что наиболее важно для их работы. Многие современные музеи – самые крупные – имеют отдел по связям с общественностью или «отдел общественно значимых программ», который разрабатывает мероприятия, направленные на общение с различными целевыми группами и вовлечение их посредством традиционных или инновационных мероприятий. Это не только встречи, конференции и другие «внеклассные» мероприятия. В этом контексте очень большое значение имеют вложение музея в свои интернет-сайты, которые сейчас по определению являются значительной частью коммуникационной логики музея. Следствием этого являются многочисленные цифровые выставки, онлайн-каталоги и дискуссионные форумы, организуемые в социальных сетях¹.

¹ Естественно, обсуждение методов коммуникации, используемых музеем, поднимает вопрос о передаче знаний. Отсутствие интерактивности в традиционной музейной коммуникации заставляет задуматься о том, как сделать посетителя более активным, разрешить ему участвовать в экспозиции. В качестве примеров можно привести «Город науки и промышленности» в Париже (cite-sciences.fr), «Научный музей» в Лондоне (sciencemuseum.org.uk) или «Эксплораториум» в Сан-Франциско (exploratorium.edu), которые больше напоминают парки развлечений с аттракционами, чем обычный музей. См. также: [Слепуков, Силантьева, 2025]. Тем не менее, кажется, что реальная задача музея ближе к передаче знаний, понимаемой как односторонняя коммуникация во времени, позволяющая каждому человеку усвоить культурные знания, которые подтверждают его человечность и помещают его в общество.

Теоретически, представленная реконструкция базовых понятий – «объект экспозиции», «экспозиция» и «коммуникация» – может и не требовать дополнительного их помещения в какую-то другую парадигму. Музеология и связанные с ней вопросы философии культуры давно получили свои устойчивые коннотации (см., например: [Desvallees, Mairesse, 2010]). Но вернемся к определению М. Шерера: «Экспозиция – это объяснительная визуализация отсутствующих фактов посредством объектов и методов, используемых для их демонстрации, применяемых в качестве знаков. Они не выполняют никакой другой роли, кроме как подчеркивать объективность, гарантировать дистанцию (создавая “дистанцирование”, как говорил Б. Брехт о театре) и давать нам понять, что мы находимся в другом мире, мире искусственного, воображаемого» [Scharer, 2003, S. 8]. На наш взгляд, в данном случае у нас есть все основания начать говорить здесь как минимум о концепции карнавала М. М. Бахтина. Посещение музея никогда не является обыденным событием. В определенном смысле мы можем использовать здесь термин «праздник». Как отмечает В. Н. Топоров: «Праздник – это временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как некое институционализированное действо» [Топоров, 1982, с. 329]. «Институционализированное» – подготовленное и требующее особого места действо, «связью со сферой сакрального», требование «максимальной причастности». Все это элементы, которые мы могли бы отнести к посещению музея. И, конечно, особое значение для этого «действия» имеет коммуникация именно в смысле представления музея как «системы коммуникации, зависящей от невербального языка объектов и наблюдаемых явлений».

Музей и отчуждение интеллектуальной деятельности предков

Диалог у М. М. Бахтина выходит далеко за рамки простого разговора двух людей. В узком смысле диалог представляет собой непосредственную личную устную речевую коммуникацию, но в широком смысле диалог включает в себя общение, преодолевающее пределы времени и пространства благодаря технологическому развитию, выходя за рамки физического присутствия и одновременности. Так, например, с точки зрения С. М. Богуславской, диалог по М. М. Бахтину, должен характеризоваться следующим: «Во-первых, “вненаходимость”, т. е. уникальность, неповторимость личностных позиций участников диалога, их обусловленность конкретным социокультурным контекстом. Во-вторых, это отсутствие границ у культурных явлений. “Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает”. В-третьих, это “не-алиби в бытии”, т. е. сознательное ответственное действие-по-

ступок в каждой диалогической позиции. В отношении культур как квазиличностей диалога это будет позиция неустанного интереса, вопрошания друг друга» [Богуславская, 2011, с. 18]. Вот что пишет М. М. Бахтин: «Стенограмма гуманитарного мышления (в смысле гуманитарных наук – наук о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении) – это всегда стенограмма диалога особого вида: сложное взаимоотношение текста (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрошающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» [Бахтин, 1979, с. 301]. На наш взгляд, музей как раз и является таким пространством для диалога, преодолевающим временные, пространственные, культурные, все другие различия благодаря особой природе музейной экспозиции и предмета музея.

Как показывает Г. В. Сорина, музейная коллекция может пониматься как результат отчужденной интеллектуальной деятельности предков. «Для Гегеля важно, что “отдельные продукты физического и духовного умения” могут быть отчуждены кому-то другому. В этой позиции представлены и разные стороны индивидуально личностного бытия человека в мире, и вопросы его социального бытия. В частности, такое отчуждение происходит по результатам деятельности человека как в области искусства, так и в процессе производства ремесленной продукции. Гегель фактически ставит вопрос об особенностях интеллектуального отчуждения и об отчуждении интеллектуальной собственности. ...Что же это за пространство, которое позволяет производить когнитивное присвоение? Это может оказаться, условно говоря, пространство Библиотеки Борхеса, *в которой не бывает двух одинаковых книг*» [Сорина, 2020, с. 92–93]. Артефакты, будучи отделенными от своих создателей и исходного историко-культурного контекста, существуют в музее как объективированные формы культуры, ожидающие нового присвоения – уже со стороны современной аудитории. В этом смысле развитие креативной индустрии музеев демонстрирует практическое применение и условного «отчуждения интеллектуальной деятельности предков», и теории диалога М. М. Бахтина в музейной деятельности. Практика музеев, организующих разнообразные проекты на основе демонстрации культурных реликвий, соответствует этому пониманию. В этой рамке экспонаты выставки помещены в различные социальные, исторические и культурные контексты и преобразованы в текст, который аудитория будет интерпретировать в соответствии со своим текущим мировоззрением. Например, стилизованные реплики древних бронзовых изделий или керамических узоров, интегрированные в повседневные предметы, превращают абстрактное историческое наследие в осязаемую часть современной жизни. Сегодня древние узоры с ритуальных сосудов обретают новую жизнь – они больше не пылятся за витринами, а появляются на современных чашках, блокнотах или шарфах. Культурное значение, заложенное в древних артефактах, переосмысливается и возрождается в новых формах, охватывая более широкую аудиторию и создавая условия для карнавала, для преодоления временных и пространственных границ. Это и есть ключевой момент «карнавализации» (в том виде, как мы видим возможность рецепции концепции М. М. Бахтина), – преодоление границ разных

видов и форм. Временных границ: узор двухтысячелетней давности становится частью нашего сегодняшнего дня. Социальных границ: вы не просто студент или турист, вы – со-творец смысла, переводчик древнего языка в современный. Пространственных границ: сувенир из Ганьсу, уезжая с вами в другую страну, становится послем диалога, запускает новый виток интерпретаций. В этом процессе посетитель совершает карнавальнй жест – присваивает часть культурного кода, делает его своим, переосмысливает. Следуя Г. В. Сориной, такое присвоение следует понимать не как физическое обладание предметом, а как сложный акт «когнитивного присвоения», при котором субъект (посетитель) делает чужие мысли, смыслы и знания «своими». «Представляется важным отметить, что даже в том случае, если рассматриваемый процесс и результат присвоения относятся отнюдь не к интеллектуальной деятельности, то и тогда интеллектуальная составляющая в этих процессах все равно присутствует. Всякое присвоение в конечном счете оказывается результатом выбора, решения, принятого в сфере интеллектуальной деятельности. Лишь после этого осуществленный выбор может быть реализован как непосредственно в интеллектуальной, так и в практической сферах деятельности» [Там же, с. 87]. Музейный сувенир выступает здесь медиатором, позволяющим преодолеть отчужденность древнего артефакта. Через игровой, карнавальнй жест покупки и повседневного использования сувенира посетитель возвращает древний смысл к современной жизни. Прошлое и настоящее вступают в оживленный, почти осязаемый диалог прямо здесь и сейчас.

Покажем на примере Музея провинции Ганьсу, как развитие креативной индустрии на основе культурных реликвий реализует диалогический потенциал музея. Провинция в Китае – это административно-территориальная единица верхнего уровня, состоящая из нескольких городов. Провинциальные музеи являются ключевым звеном музейной системы Китая, и большинство из них работают на бесплатной основе. Такие музеи, как правило, представляют собой главные комплексные музеи этой провинции, где хранятся и экспонируются ценные культурные реликвии, отражающие историю и культуру данного региона. Провинциальные музеи представляют собой визитную карточку провинции и формируют первое впечатление. Они не только обладают богатым историческим и культурным наследием, но и служат ключевой платформой для демонстрации местных особенностей и продвижения культурных инноваций. Ганьсу – провинция на севере центральной части Китая, при этом экспонаты Музея провинции Ганьсу (甘肅省博物館) выставлялись в США, Франции, Италии, Японии, Сингапуре и других странах. Это создает возможность для диалога и взаимодействия между культурной провинции Ганьсу и остальным миром, продемонстрирует культуру китайской нации и древнюю цивилизацию Ганьсу². Музей становится

² По информации на официальном сайте музея <http://www.gansumuseum.com/> всего в коллекции Музея провинции Ганьсу находится более 350 тысяч экспонатов, которые охватывают всю историю региона. Ланьчжоу – столица провинции Ганьсу имеет тысячелетнюю историю. Город тесно связан с рекой Хуанхэ – Желтой рекой, а регион вокруг нее считается истоком китайской цивилизации. Жемчужина коллекции музея – «Летающая лошадь». Бронзовая статуэтка лошади размером 45 × 10 × 34,5 см была найдена в 1969 году под храмом Лэйтай в округе Увэй провинции Ганьсу в захоронении, которое датируется периодом Восточная Хань, относится к 25–220 гг. нашей эры (см.: Flying Horse of Gansu (ed. 16 September 2025). *Wikipedia. The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Flying_Horse_of_

пространством для культурных обменов между Китаем и другими странами. Экспонаты выставки специально помещаются в различные социальные, исторические и культурные контексты – преобразуются в текст, который аудитория будет интерпретировать в соответствии со своим текущим мировоззрением.

Особая роль отводится развитию креативной музейной индустрии – созданию сувениров на основе культурных реликвий, разработке и производству тематической продукции. Точки продаж размещаются в самих музеях, популярных туристических местах, на вокзалах и в аэропортах. Создание производных продуктов на основе музейных коллекций – это не просто коммерциализация культурного наследия, а важный шаг к установлению эмоциональной связи с аудиторией. Процесс продажи сувениров превращается в интерактивный перформанс³. Особую известность получила серия плюшевых игрушек «麻辣烫» (Маланьтан) – традиционное гастрономическое блюдо провинции. В специально организованном пространстве музея посетители самостоятельно выбирают плюшевые «ингредиенты» (овощи, мясные шарики), после чего сотрудник музея в игровой форме «готовит» их в плюшевом котле, спрашивая у «покупателя»: «Как долго варить? Какую остроту предпочитаете?». Завершается действие вручением номерка и упаковкой «готового блюда». Эта практика превращает акт потребления в карнавальное действо, где границы между продавцом и покупателем, музеем и посетителем, древностью и современностью временно стираются. Через такие сувениры люди смогут почувствовать, что музей может быть очень молодым, очень живым и очень расслабляющим. Такая интерактивная практика реализует карнавализацию. Сувениры, изготовленные на основе культурных реликвий, превращают абстрактное историческое наследие в осязаемую часть современной жизни. Когда посетители уносят с собой такие сувениры, они фактически становятся участниками непрерывного диалога между прошлым и настоящим. Эти практики позволяют преодолевать временные и географические границы, локальное культурное наследие через диалог с аудиторией обретает новые смыслы. Важно подчеркнуть, что диалог не ограничивается моментом продажи, но включает механизмы обратной связи, которые музей активно использует при создании новых продуктов. Музеи создают аккаунты в социальных сетях, публикуя видеосюжеты, связанные с культурными реликвиями. Посетители могут взаимодей-

Gansu/ дата обращения: 02.02.2026). Считается, что китайская расписная керамика зародилась в провинции Ганьсу. Самые древние экземпляры относятся к эпохе неолита – более 6 тысяч лет до нашей эры. Всего выставка керамики охватывает период в 8 тысяч лет, здесь можно увидеть глиняную посуду самых разных форм, цветов и техники исполнения. Самые древние экспонаты музея представлены в отделе палеонтологии: окаменелые образцы растений, кости динозавров, отпечатки с контурами животных и листьев на камнях, дошедшие до нас из палеолита, мезолита и кайнозойской эры. Также в музее есть отдел антропологии, занимающийся первобытными людьми, населявшими область реки Хуанхэ десятки тысяч лет назад. Особо стоит отметить зал «Великий Шелковый путь» (см.: Silk Route Museum (ed. 6 April 2024). *Wikipedia. The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Silk_Route_Museum/ дата обращения: 02.02.2026), в котором представлено более 420 экспонатов, относящихся к средневековым торговым отношениям Китая с западными странами. Именно Ланьчжоу считается одной из стартовых точек, по которым китайский шелк отправлялся в Европу.

³ См.: Jiang X., Jiang J. Why Museum Cultural and Creative Products Captivate Young People: «Creative» and «Social» Approaches. October 11, 2024. *China Youth Daily*. URL: http://big5.china.com.cn/gate/big5/cul.china.com.cn/2024-10/11/content_42933560.htm (дата обращения: 02.02.2026).

ствовать на этих платформах, предлагая музею идеи по дизайну выставок, созданию сувениров и другим аспектам. Этот процесс отражает суть полифонического взаимодействия. Музей как «автор» предлагает интерпретации, а посетители как «читатели» активно переосмысливают их через призму личного опыта. Это незавершённый, открытый цикл диалога. Таким образом, креативная индустрия становится мостом, соединяющим традицию и современность, укрепляя роль музея как живого органичного пространства культурного диалога

Практика музея провинции Ганьсу убедительно демонстрирует, что креативная индустрия может быть не монологом, а полноценным диалогом, если музей выстраивает многоуровневую коммуникацию: через интерактивный ритуал покупки, через чуткое восприятие обратной связи в социальных сетях и через поддержку горизонтальных связей между самими посетителями, которые становятся коллекционерами, интерпретаторами и трансляторами культурных смыслов. В этой модели музей перестает быть только «говорящим» и начинает «слушать», что и составляет суть подлинного диалога, по М. М. Бахтину. Музей – это не хранилище для сохранения прошлого. Предметы и воспоминания, хранящиеся в нем, полны человеческой истории, приобретут новую ценность благодаря диалогу с меняющимся обществом и меняющейся аудиторией.

Список литературы

- Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Богуславская С. М.** Диалог в трудах М.М. Бахтина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7. С. 17–23.
- Бодрийяр Ж.** Система вещей. М.: Рудомино, 2001.
- Коренева А. Ю.** Музей как глобальный гуманитарный проект: социально-философский анализ: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11. М.: МГУ, 2017.
- Слепокуров В. С., Силантьева А. А.** Международные музейные проекты как фактор диалога культур (на примере выставки «Париж–Москва» в центре Помпиду) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 3. С. 103–111.
- Сорина Г. В.** Интеллектуальная деятельность: присвоение, отчуждение, способы хранения // Ценности и смыслы. 2020. № 4. С. 85–103.
- Сундиева А. А., Стефко М. С., Черкаева О. Е.** Новое определение понятия «музей»: опыт обсуждения в рабочей группе ИКОМ России // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 4. С. 87–92.
- Топоров В. Н.** Праздник // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 томах / Ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 329–331.
- Cameron D.** A viewpoint: The Museum as a communication system and implications for museum education // Curator. 1968. No. 11. P. 33–40.
- Davallon J.** Le musée est-il vraiment un média? // Public & Musées. 1992. No. 2. P. 99–123.
- Davallon J.** Le don du patrimoine. Une approche communicationnelle de la patrimonialisation. Paris: Lavoisier, 2006.
- Desvallées A., Mairesse F.** Key Concepts of Museology. Paris: Armand Colin, 2010.

- Dias N.** Objects of Less, Objects of More // *L'Homme*. 2022. No. 242. P. 13–22.
- Hooper-Greenhill E.** The Educational Role of the Museum. London: Routledge, 1994.
- Scharer M.** Die Ausstellung: Theorie und Exempel. München: Müller-Straten, 2003.

References

- Bakhtin M. M.** The Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. (in Russian)
- Baudrillard J.** The System of Objects. Moscow: Rudomino, 2001. (in Russian)
- Boguslavskaya S. M.** Dialogue in the works of M. M. Bakhtina // *Bulletin of Orenburg state University*. 2011. No7. P. 17–23. (in Russian)
- Cameron D.** A viewpoint: The Museum as a communication system and implications for museum education // *Curator*. 1968. No. 11. P. 33–40.
- Davallon J.** Le musée est-il vraiment un média? // *Public & Musées*. 1992. No. 2. P. 99–123.
- Davallon J.** Le don du patrimoine. Une approche communicationnelle de la patrimonialisation. Paris: Lavoisier, 2006.
- Desvallées A., Mairesse F.** Key Concepts of Museology. Paris: Armand Colin, 2010.
- Dias N.** Objects of Less, Objects of More // *L'Homme*. 2022. No. 242. P. 13–22.
- Hooper-Greenhill E.** The Educational Role of the Museum. London: Routledge, 1994.
- Koreneva A. Yu.** Museum as a global humanitarian project: social and philosophical analysis. Dissertation. Cand. of Sci. (Philosophy). Moscow State University, 2017. (in Russian)
- Scharer M.** Die Ausstellung: Theorie und Exempel. München: Müller-Straten, 2003.
- Slepokurov V. S., Silantjeva A. A.** International Museum Projects as a Factor in the Dialogue of Cultures (Based on the Paris-Moscow Exhibition at the Pompidou Center) // *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2025. No. 3. P. 103–111. (in Russian)
- Sorina G. V.** Intellectual Activity: Acquisition, alienation, forms of storage // *Values and Meanings*. 2020. No. 4. P. 85–103. (in Russian)
- Sundieva A. A., Stefko M. S., Cherkaeva O. E.** New definition of the concept “museum”: experience of discussion in the ICOM Russia working group // *Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture*. 2023. No. 4. P. 87–92. (in Russian)
- Toporov V. N.** Holiday // *Myths of the People of the World: Encyclopedia: in 2 vols / Ed. S.A. Tokarev*. Moscow: Sovetskaya Entsyclopediya, 1982. Vol. 2. P. 329–331. (in Russian)

Информация об авторе

Вэй Цзин

аспирант, кафедра философии языка и коммуникации философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Information about the Author**Wei Jing**

PhD student, Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty
of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

*Статья поступила в редколлегию 04.02.2026;
одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 20.02.2026*

*The article was submitted 04.02.2026;
approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 20.02.2026*

Научная статья

УДК 101.1:316; 316.722

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-97-103

Карнавализация как метаязык современной визуальной коммуникации

Никита Константинович Узков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

nikolas301hrum@gmail.com

Аннотация

Статья исследует карнавализацию как метаязык современной визуальной коммуникации через призму концепции М. М. Бахтина и методологии логико-культурной доминанты. Анализируется трансформация карнавальных кодов в цифровую эпоху, где визуальные образы функционируют как система знаков, комментирующая процесс коммуникации. Рассматриваются проявления карнавализации в рекламе, кинотрейлерах и интернет-мемах. Показано, как карнавальное пространство разрушает традиционные иерархии, создавая полифоническую среду для метадialogа между культурными кодами. Исследование демонстрирует превращение карнавала из временного явления в постоянное состояние цифровой культуры.

Ключевые слова

карнавализация, карнавальное пространство, визуальная коммуникация, метаязык, цифровая культура, М. М. Бахтин, мемы, реклама, культурные коды

Для цитирования

Узков Н. К. Карнавализация как метаязык современной визуальной коммуникации // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 97–103. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-97-103

Carnivalization as a metalanguage of modern visual communication

Nikita K. Uzkov

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

nikolas301hrum@gmail.com

© Узков Н. К., 2026

Abstract

The article examines carnivalization as a metalanguage of contemporary visual communication through M. M. Bakhtin's concept and logical-cultural dominance methodology. The transformation of carnival codes in the digital era is analyzed, where visual images function as a sign system commenting on the communication process. Manifestations of carnivalization in advertising, movie trailers, and internet memes are examined. The study shows how carnival space destroys traditional hierarchies, creating a polyphonic environment for meta-dialogue between cultural codes. The research demonstrates the transformation of carnival from a temporary phenomenon into a permanent state of digital culture.

Keywords

carnivalization, carnival space, visual communication, metalanguage, digital culture, M.M. Bakhtin, memes, advertising, cultural codes

For citation

Uzkov N. K. Carnivalization as a metalanguage of modern visual communication. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p.97–103. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-97–103

Современная визуальная коммуникация представляет собой сложную экосистему, где образы не просто передают информацию, а активно формируют новые смыслы и создают пространства для метадialogа. На наш взгляд, сейчас визуальные образы не просто дополняют общее представление картины окружающей среды, а скорее перенасыщают ее. И для более точного осмысления текущего влияния визуализации на нашу современность особую актуальность приобретает концепция карнавального пространства, разработанная М. М. Бахтиным. Эта теория позволяет понять, как визуальные образы функционируют в качестве метаязыка, способного временно разрушать привычные иерархии и создавать условия для подлинного диалога между различными культурными кодами (см.: [Бахтин, 1984, с. 10–15]).

Карнавал как культурное явление преобразился в современном цифровом пространстве, создавая новые формы визуальной коммуникации и самовыражения. И, действительно, современная визуальная культура пропитана карнавальными элементами: от пародийных мемов до публичных заявлений в социальных сетях. Однако в отличие от традиционного карнавала, визуальный метаязык цифровой эпохи не имеет временных ограничений и постоянно эволюционирует. В данной статье мы рассмотрим, каким образом карнавализация проникает в различные формы визуальной коммуникации, формируя особый метаязык, который одновременно разрушает устоявшиеся границы и создает новые культурные коды.

Карнавальное пространство: философия и когнитивные основы

Теоретические представления о карнавале были сформулированы Михаилом Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (см.: [Бахтин, 1984, с. 20–35]). Суть карнавала, по Бахтину, заключается в «инверсии двоичных противопоставлений» – когда король становится шутом, епископом объявляется сквернослов, а верх меняется местами с низом [Там же, с. 28]. На карнавале человек попадает в «антимир» с изнаночными ха-

рактическими, где все человеческое доводится до предела, до абсурда [Бахтин, 1984, с. 15]. Такие работы, как исследования Н. В. Зайцевой, показывают, что визуализация в процессе мышления и доказательства – это не просто вспомогательный инструмент, а интегральная часть когнитивного процесса, объединяющая интуитивное и рефлексивное мышление (теория дуального процесса) [Зайцева, 2023, с. 285]. Можно сказать, что визуальные образы служат связующим звеном между быстрым, автоматическим восприятием и более медленным, осознанным анализом, что усиливает эффективность коммуникации. Кроме того, карнавальные коды активизируются в кризисные периоды развития общества и культуры [Бахтин, 1984, с. 14]. Следовательно, карнавал можно рассматривать как своеобразный социальный клапан, позволяющий сбросить общественное напряжение через временную отмену иерархий.

Важное дополнение к философско-культурному осмыслению карнавала в визуальной коммуникации предоставляет методология логико-культурной доминанты (ЛКД), разработанная Г. В. Сориной. Согласно этой концепции, ЛКД отражает значимые культурные и логические тренды, оказывающие доминантное влияние на структуру социокультурного бытия и мышления. В рамках ЛКД осуществляется оппозиция психологизма и антипсихологизма – двух подходов к пониманию человеческой природы, мышления и культуры¹. В этом контексте визуализация выступает не просто как средство передачи информации или иллюстрация, а как сложный когнитивно-культурный феномен, который служит посредником между этими противоположными тенденциями. Она объединяет интуитивное восприятие и рефлексивный анализ, позволяя одновременно воспринимать и осмысливать культурные объекты. Таким образом, визуализация выходит за рамки простого изображения и становится метаязыком – системой знаков, которая не только передает содержание, но и комментирует сам процесс коммуникации, отражая и формируя доминирующие культурно-логические структуры.

Метаязыковая функция карнавала

На наш взгляд, карнавализация в визуальной коммуникации функционирует как метаязык – система знаков, которая не только передает информацию, но и комментирует сам процесс коммуникации. Этот метаязык позволяет участникам визуального диалога одновременно находиться внутри культурного кода и критически его осмысливать с размытием иерархий (см.: [Бахтин, 1984, с. 15]). Мы будем понимать метаязык в первую очередь исходя из этимологии данного слова (от греч. μετά – после, за; буквально – некоторый язык о языке). В то же время понятие метаязык в самом общем смысле, по В. Н. Садовскому, – это любой естественный или искусственный язык (язык «второго уровня»), на котором описывается другой язык (язык «первого уровня»), служащий для описания предметов, свойств и ситуации окружающего мира либо тех или иных его областей

¹ См.: Сориная Г. В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект // Пространство и Время: Альманах (электронное научное издание). 2013. Т. 3. Вып. 2. URL: http://www.j-spacetime.com/actual_content/t3v2/3204.php (дата обращения 04.02.2026). С. 3–10.

или сфер [Садовский, 2001, с. 550]. В контексте проблем визуализации метаязык обретает особое значение: визуальные образы выступают не только как средство передачи информации, но и как система знаков, которая осмысляет и переосмысливает культурные коды, создаёт новые смыслы и организует диалог между различными уровнями восприятия.

Идея мета в условиях современности проявляется по-разному в различных исследованиях. Так, в современном концептуальном аппарате, ориентированном на проблемы ИИ, появляется новое понятие метавселенная. Г. В. Сорокина и Ф. Н. Гуров подчеркивают важность данного понятия в контексте современной визуальной коммуникации. Оно позволяет расширить наше понимание визуального диалога как динамичного и многослойного процесса [Сорокина, Гуров, 2022, с. 19]. Метавселенная объединяет виртуальные и дополненные реальности, создавая сложные многомерные визуальные пространства, в которых пересекаются различные уровни реальности и символики.

На наш взгляд, именно междисциплинарный подход, объединяющий философию, когнитивные науки и культурологию, позволяет наиболее полно раскрыть потенциал карнавала как метаязыка. Стоит отметить, что карнавализация проявляется в различных видах искусства и коммуникации. Музыкальные произведения Сергея Рахманинова, где народные мотивы переплетаются с классикой, создают эффект карнавальности, где возвышенное соседствует с гротескным, что расширяет восприятие слушателя. В литературе Франсуа Рабле карнавальность выражается через столкновение разных речевых стилей и культурных кодов, создавая своеобразный «мир наизнанку», где читатель вовлечен в активное конструирование смысла текста [Бахтин, 1984, с. 236–238]. Это пример того, как карнавальное пространство становится не просто темой, а принципом организации художественного мира.

В изобразительном искусстве импрессионисты, особенно Клод Моне, через размытые контуры и игру света создают визуальную полифонию, где каждый образ равноправен и самоценен. Серии картин, например «Собор в Руане», можно воспринимать как карнавальную игру с восприятием, демонстрирующую множественность взглядов при визуальном анализе. Исследование Л. Г. Окрошидзе о становлении портрета в средневековой Европе демонстрирует, как визуальное представление личности постепенно приобретает индивидуальные черты, отражая социальные и культурные изменения [Окрошидзе, 2024, с. 10–15]. Этот процесс можно рассматривать как визуализацию личности в карнавальном пространстве, где нормы и иерархии трансформируются, а личность получает «лицо» и голос.

В соответствии с методологией Г. В. Сориной можно сказать, что через призму логико-культурной доминанты карнавализация современной культуры отражает не только художественные, но и глубинные онтологические изменения в бытии и познании, переход от психологизма к более комплексному пониманию человеческого субъекта в культуре ². Карнавальное пространство служит отражением этих изменений: оно предоставляет интерфейс для интеграции противо-

² См.: Сорокина Г. В. Методология логико-культурной доминанты. С. 25.

речивых культурных парадигм и усиливает способность среды к саморефлексии посредством постоянной игры смыслов и переворотов традиционных структур.

Визуализация как когнитивный и культурный феномен: современные примеры карнавализации

Современные течения в визуальной культуре создают особое пространство для пересмотра устоявшихся канонов и смысловых конструкций при анализе наглядных образов. Это особенно заметно в эпоху цифровых медиа, где традиционные иерархии и линейные структуры уступают место множественности и полифоничности. В цифровом искусстве интерактивность становится ключевой технической особенностью, благодаря которой произведения активно взаимодействуют со зрителями. При этом зрители-пользователи получают возможность влиять на контент и взаимодействовать друг с другом, что приводит к существенному размыванию роли автора. Зритель фактически превращается в соавтора произведения, вступая с ним в живое взаимодействие.

Феномен карнавализации проник во все сферы визуального искусства XXI века, превратив медиапространство в постоянное карнавальное действо. Современная массовая культура активно использует карнавальные коды, поскольку карнавал является массовым действием, традиционно противопоставляющим себя официальной культуре [Бахтин, 1984, с. 23]. Эта тенденция находит наиболее яркое выражение в трех визуальных жанрах: рекламе, кинотрейлерах и интернет-мемах. Например, юмор в рекламе выступает мощным инструментом привлечения внимания, выделяя бренды на фоне серьезных скучных объявлений (см.: [Довганина, 2024, с. 156–157]).

Пародийные стратегии в рекламе выполняют несколько ключевых функций:

- создают эмоциональную связь между брендом и потребителем;
- помогают упростить сложные сообщения;
- повышают запоминаемость рекламного сообщения.

Бренды, которые создают нестандартный подход в распространении своего контента, получают большую лояльность, поскольку аудитория ассоциирует эмоции от полученного просмотра с продуктом.

Классическим примером карнавализации в рекламе являются ролики «Old Spice», которые с узнаваемым юмористическим кодом «излишне брутального мужчины» не только вызвали множество обсуждений, но и создали образ современного, веселого и уверенного в себе мужчины через гротеск. Таким образом, карнавальность в рекламе превращается в маркетинговый инструмент, который позволяет брендам говорить с аудиторией на языке неформального общения [Там же, с. 158].

Помимо этого, современный кинотрейлер также выступает логичным продолжением «карнавальной культуры». Для современного массового искусства характерной чертой является ориентированность на яркую театральность и красочную зрелищность, что свойственно карнавальной культуре (см.: [Бахтин, 1984, с. 25–28]). Массовое искусство, становясь полностью карнавализованным, создает вокруг себя пространство карнавализации. В кинотрейлерах это проявляется

через смысловые фигуры и вербальное/невербальное, где зрителю будет понятна суть фильма через «недосказанные» фразы, слова, обрывки кадра и т. д., поскольку они имеют массовый характер [Глазова, Савельева, 2017, с. 82]. Именно потребность в трансляции смыслового подтекста оформила феномен трейлера как логичное продолжение карнавальной традиции.

Конечно, интернет-мемы, с моей точки зрения, также представляют собой новейшую форму карнавальной культуры и занимают особую нишу в цифровом пространстве. Комическое противоречие в мемах подхватывается, тиражируется и парадоксально переосмысливается [Гурова, Ломыкина, 2020, с. 325–326]. В целом в современных социальных медиа карнавальные процессы проявляются особенно ярко. Уход от формальной подачи информации в сторону неформальной, превращение всех участников «действия» в полноправных «актеров», наличие особого языка коммуникации, «смеховой фон» – все эти элементы современного карнавала находят отражение в социальных медиа (см.: [Там же, с. 327]).

Общение в интернете превратилось в «виртуальное карнавальное шествие со всей его атрибутикой» [Там же, с. 327–330], где карнавальность и виртуальность открывают человеку те пути самореализации, которые недоступны в привычной социальной реальности.

Заключение

Карнавальность, развиваясь от концепции Бахтина и дополняясь методологией логико-культурной доминанты, в цифровой эпохе превратилась в особый метаязык визуальной коммуникации – систему знаков, которая не просто транслирует смыслы, но и рефлексировывает над самим процессом культурного взаимодействия. Это уникальный культурный код, сквозь который можно прочесть множество социальных и художественных процессов современности. Карнавализация визуальной коммуникации разрушила классические представления об иерархии образов и текстов, создав полифоническую среду, где смыслы постоянно перерождаются и трансформируются.

Каждая из рассмотренных современных форм визуального искусства – реклама, кинотрейлеры, интернет-мемы – воплощает дух карнавала: свободу, временное разрушение иерархий, переосмысление норм. Карнавал перестал быть временным явлением, став постоянным состоянием цифровой культуры и своего рода метаязыком современной коммуникации. Он не просто отражает динамику современной культуры, но активно формирует её, превращая хаос карнавальной игры в упорядоченную полифонию смыслов.

Список литературы

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Наука, 1984. 548 с.
- Глазова М. С., Савельева О. О. Трейлер: экранная реклама или минифильм? // Наука телевидения. 2017. Т. 13, № 2. С. 78–92.
- Гурова Е. К., Ломыкина Н. Ю. Карнавал в Сети: как формула протеста побывала мемом // Медиалингвистика. 2020. Т. 7, № 3. С. 318–331.
- Довганина В. И. Преимущества использования юмора в маркетинге для удержания аудитории // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 6. С. 155–161.

- Зайцева Н. В.** Увидеть доказательство // Философия. Журн. Высш. шк. экономики. 2023. Т. 7, № 2. С. 284–301.
- Садовский В. Н.** Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Науч. ред. В.С. Степин. М.: Мысль, 2001. Том 2. 636 с.
- Окрошидзе Л. Г.** Портрет и его прообразы в западноевропейском искусстве XIV века: Дисс. канд. искусств. М.: МГУ, 2024.
- Сорина Г. В., Гуров Ф. Н.** Метавселенная и проблемы современного образования // Вестник Московского университета. Серия 20: Пед. образование. 2022. Т. 20, № 3. С. 9–23.

References

- Bakhtin M. M.** The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Nauka, 1984. (in Russian)
- Glazova M. S., Saveliyeva O. O.** Trailer: on-screen advertising or a minifilm? // Science of Television. 2017. Vol. 13, No. 2. P. 78–92. (in Russian)
- Gurova E. K., Lomykina N. Y.** Carnival on the Web: how the protest formula became a meme // Media linguistics. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 318–331. (in Russian)
- Dovganina V. I.** Advantages of using humor in marketing to retain an audience // Bulletin of Science. 2024. Vol. 3, No. 6. P. 155–161. (in Russian)
- Zaitseva N. V.** To see the proof // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2023. Vol. 7, No. 2. P. 284–301. (in Russian)
- Sadovsky V. N.** The New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes / Ed. V.S. Stepin. Moscow: Mysl, 2001. Vol. 2. (in Russian)
- Okroshidze L. G.** Portrait and its prototypes in Western European art of the 14th century. Dissertation. Cand. of Sciences (Art Studies). Moscow State University, 2024. (in Russian)
- Sorina G. V., Gurov F. N.** The metaverse and the problems of modern education // Bulletin of the Moscow University. Series 20: Teacher Education. 2022. Vol. 20, No. 3. P. 9–23. (in Russian)

Информация об авторе

Никита Константинович Узков

аспирант, кафедра философии языка и коммуникации философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Information about the author

Nikita K. Uzkov

PhD student, Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

*Статья поступила в редколлегию 16.02.2026;
одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 20.02.2026*
*The article was submitted 16.02.2026;
approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 20.02.2026*

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-104-116

Проблема свободы в «Этике» Спинозы

Дмитрий Олегович Селютин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

dimaselyutin14@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье поднимается проблема демаркации божественной – абсолютной свободы и человеческой свободы в философии Б. Спинозы. Исследование ограничивается материалом «Этики» и ведется по линии сравнения Божественного и человеческого ума. Утверждается, что в свете теории адекватных идей и адекватных причин интеллект Бога удовлетворяет 1) требованию содержательной адекватности идей, 2) требованию каузальной репрезентации идей, 3) требованию эпистемической активности. Для человека же, коль скоро его свобода понимается как рациональность и самодетерминация, эти пункты оказываются невозможны, как невозможной оказывается его свобода, если мы сохраняем за концептом адекватности его изначальный, не допускающий градации смысл. В том же случае, если мы надеемся отстоять человеческую свободу, то на эпистемическом уровне нам следовало бы снизить планку и употреблять терминологию адекватности в ослабленном, эквивокальном смысле.

Ключевые слова

Б. Спиноза, адекватная идея, адекватная причина, философия Нового времени, свобода

Для цитирования

Селютин Д. О. Проблема свободы в «Этике» Спинозы // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 104–116. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-104-116

The problem of freedom in Spinoza's «Ethics»

Dmitry O. Selyutin

*Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

dimaselyutin14@gmail.com

© Селютин Д. О., 2026

Abstract

This article addresses the issue of demarcating divine–absolute freedom and human freedom in Spinoza's philosophy. The study is limited to the material from the «Ethics» and is conducted through a comparison of divine and human intellect. It is argued that in light of the theory of adequate ideas and adequate causes, God's intellect meets 1) the requirement of substantive adequacy of ideas, 2) the requirement of causal representation of ideas, and 3) the requirement of epistemic activity. For humans, however, since their freedom is understood as rationality and self-determination, these points become impossible, just as their freedom becomes impossible if we maintain the original, non-gradational meaning of the concept of adequacy. In the case that we wish to defend human freedom, at the epistemic level, we would need to lower the bar and use the terminology of adequacy in a weakened, equivocal sense.

Keywords

Spinoza, adequate idea, adequate cause, philosophy of the New Age, freedom

For citation

Selyutin D.O. The problem of freedom in Spinoza's «Ethics». *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 104–116. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-104-116

Свобода Бога и свобода человека

Свобода человека составляет своеобразную ось философии Спинозы, связующую как отдельные биографические моменты философа, так и его метафизические размышления (ведь цель «Этики» заявлена как научение свободной жизни) с политической философией. Свобода – есть одновременно и «вход», и «выход» из его системы, позволяющий по-новому осмыслить как теологию, так и психологию Спинозы. Поэтому изучение концептуализации свободы, как и в целом антропологический фокус спинозизма – есть одна из основных задач современных исследователей его наследия. Тем не менее в настоящей статье мы остановимся только на одном аспекте проблемы свободы, рассмотрев её в фокусе основных гносеологических понятий Спинозы: адекватной идеи и адекватной причины, как они объяснены им в «Этике». Для этого мы подробно разберем основные признаки адекватных идей, а именно содержательный смысл адекватности, требование каузальной репрезентации и требование «эпистемической активности». В данной статье мы попытаемся доказать, что, хотя за определением свободы и стоит очевидное противоречие, разносящие человека и Бога на совершенно различные уровни, но всё же человек может быть свободен, обретая *mutatis mutandis* адекватные идеи (помимо тех, что подразумеваются в ч. 2, т. 38). Однако их адекватность должна пониматься не в том же смысле, что и адекватность идей Бога, необходимо несколько «снизить планку», ведь в противном случае свобода человека окажется совершенно вынесена за рамки этой теоцентричной системы.

О свободе говорится уже в самом начале трактата (ч. 1, оп. 7): «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. Необходимой же или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу» [Спиноза, 1999, с. 253].

Это определение имплицитно содержит в себе многое, во-первых, то, что вещи возникают и действуют необходимо и по причине (внутренней или внешней), во-вторых, что эта причинная связь понимается вполне физическим образом

и, в-третьих, оно вызывает оторопь по мере углубления в текст «Этики». Ведь, с одной стороны, весь этический пафос книги состоит в научении свободе, а с другой, нам с самого начала предложена схема, исключаящая именно человеческую свободу. Предполагается, что в первом ясном смысле свободен только Бог ¹, он существует по собственной необходимости – именно об этом Спиноза сообщает дальше.

Добавим к этому известный пример с камнем, который Спиноза приводит в 58 письме к Г. Шуллеру: «Этот камень, так как он сознает только свое собственное стремление и так как он отнюдь не индифферентен, будет думать, что он в высшей степени свободен и продолжает движение не по какой иной причине, кроме той, что он этого желает. Такова же та человеческая свобода, обладанием которой все хвалятся и которая состоит только в том, что люди сознают свое желание, но не знают причин, коими они детерминируются» [Спиноза, 1932, с. 189].

Содержание двух приведенных цитат достаточно для того, чтобы усомниться в возможности человеческой свободы в указанном смысле. Трудность, встреченная нами с самого начала, заставляет спросить, не противоречит ли себе Спиноза в том случае, если приведенное определение свободы единственно возможное. Здесь мнения исследователей расходятся. Часть сообщества выступает с заявлениями в пользу унивокального понимания свободы, т. е. способного подойти как человеку, так и Богу: главным образом это Д. Гарретт [Garrett, 1996, p. 286] и Дж. Беннетт [Bennett, 1984, p. 316–317]. Несколько иного взгляда придерживаются Ю. Маршалл [Marshall, 2014, p. 143] и М. Киснер [Kisner, 2019, p. 138], полагающие, что мы вправе говорить о множестве свобод в зависимости от того в каком регистре мы оперируем (то ли в *sub specie aeternitatis*, то ли в *communis naturae ordo*). Перед тем как идти далее, необходимо сказать, что в данной работе мы будем в большей степени принимать сторону последней группы учёных.

Итак, свобода в указанном выше смысле становится исключительной прерогативой Бога, но это отнюдь не значит, что сам Бог вынесен за скобки принципа каузации. Он, как и все вещи, связан узами необходимости и не в состоянии действовать спонтанно, по собственному произволу (именно акцент на этом нюансе позволял Гарретту [Garrett, 1996] проводить мысль об унивокальности свободы). Но ситуация Бога уникальна, ведь он, следуя принципу необходимости, не подчиняется ничему внешнему, поскольку такового просто нет. Получается, что компатибилизм в известном смысле оказывается необходим Спинозе, поскольку признать отсутствие свободы в мире причинных связей означало бы отнять свободу и у Бога [Kisner, 2011, p. 19].

Второй, столь же широкоупотребимый, как и первый, смысл свободы касается человека и его способности к рациональному поведению или укрощению эмоций. Можно было бы допустить, что, максимизируя свою рациональную часть, человек уподобляется Богу в том смысле, что начинает действовать по своей сущностной природе – в таком случае нам было бы легко следовать по стопам Гарретта и Беннета. Но при всём этом даже мудрейший из людей остаётся лишь зве-

¹ Майкл Делла Рокка, к примеру, полагает, что метафизический и эпистемологический примат Бога в системе Спинозы ответствен за большую часть коллизий относительно человеческой свободы [Della Rocca, 2019, p. 31].

ном в цепи каузальной репрезентации как на уровне вещей, так и на уровне идей. Обладать адекватными идеями (за исключением тех, которые указываются в ч. 2, т. 38), как и «быть адекватной причиной» чего-либо, для человека невозможно, подробнее об этом мы скажем ниже. Можно даже утверждать, что между первым и вторым типом свободы существуют не отношения дополнения, а противоречия. Для Бога нет никакого иного состояния, нежели состояние свободы, а для человека, чьё происхождение обусловлено совокупностью естественных факторов, а не прямого творения, она недостижима. Есть лишь некая вариация, зависящая от добродетельности человека. Иными словами, свобода в первом смысле – абсолютная величина, а во втором – скалярная (т.е. ступенчатая), что говорит об их несовместимости.

Чтобы разница между двумя этими видами свободы стала ещё более очевидна, нам потребуется обозреть главные компоненты различия Божественного разума и человеческого.

«Адекватная идея» и «адекватная причина»

Согласно одной из главных онтологических посылок «Этики», «порядок природы» изометричен «порядку идей» (ч. 2, т. 7). Было бы ошибкой просто принять это как факт взаимно-однозначного соответствия элементов двух множеств: атрибута протяжённости и атрибута мышления. В реальности всё несколько сложнее, и обнаружить это можно из введённого различия между истинными и адекватными идеями – здесь мы вступаем, по словам Майкла Делла Рокка, на почву «одной из самых существенных проблем эпистемологии Спинозы» [Della Rocca, 2003, p. 205]. Сам принцип «адекватности» и то, как он употребляется Спинозой, симметричен тому, как употребляется концепт свободы (как мы увидим в дальнейшем) и потому исследование, направленное на понимание проблемы свободы, должно начинаться с гносеологии.

Если истинные идеи, как это сказано в шестой аксиоме первой части, и правда характеризуются тем, что их содержание верно репрезентирует объект, то адекватные идеи, хоть и разделяют с истинными это верное содержание, но не исчерпываются этим. Вообще же идеи составляют содержание как человеческого, так и Божественного ума только с той разницей, что всякая идея Бога содержательно связана с какой-либо модификацией Божественной субстанции и, поскольку кроме неё нет ничего, то все идеи Бога истинны и адекватны. Предваряя всё дальнейшее рассуждение об уме в целом и об адекватности в частности, важно несколько детальнее сказать о том, что Ю. Маршалл называет «содержательным смыслом адекватности» [Marshall, 2008, с. 57–58].

Вообще всё, что Спиноза говорит относительно идей, может быть переформулировано в терминах часть – целое, как он это делает в ч. 2, т. 11. Уже сказано, что все идеи целиком содержатся в Божественном уме, и мы сами, взятые в ментальном аспекте, пребываем там же. Так вот, коль скоро одна идея *X* Бога целиком вмещается в другую «комплексную» идею *Y*, конституирующую наш ум, постольку *X* адекватно по *Y* (и наоборот, если *Y* содержит часть *X*, то последняя

неадекватна). Продemonстрировать это можно и графически при помощи кругов Эйлера (рис. 1).

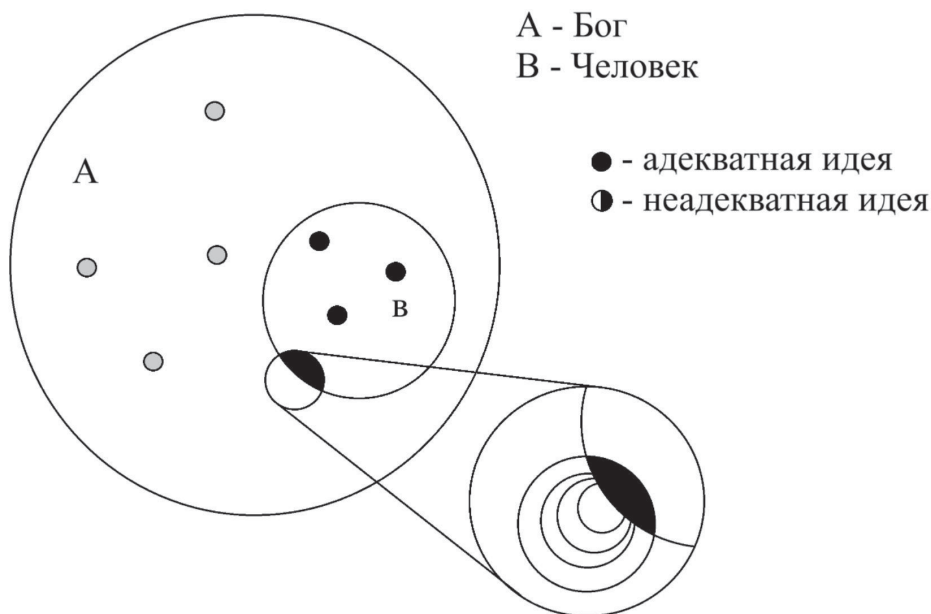

Рис. 1. Ум Бога и ум человека
Pic. 1. The mind of God and the mind of man

На рис. 1 множество A – универсальное множество, т. е. это совокупность всех идей вообще или Бог, взятый в ментальном аспекте. Множество B – это совокупность человеческих идей. Как следует из схемы, $B \subseteq A$, но не верно, что всё содержимое $B \in A$ (говоря точнее, это было бы верно только для ситуации *sub spec. Aet.*), ведь в таком случае все наши идеи были бы адекватны, так как все они есть у Бога. Дело, однако, в том, что идеи, следуя этой логике, *сами есть множества, в которых отношения включения репрезентируют отношения причинности в мире вещей по принципу параллелизма*² (именно поэтому на рис. 1 мы сочли нужным показать «луковичную» структуру неадекватных идей). Более того, поскольку отношения причинности бесконечно сложны и «оплетают» мир вещей паутиной взаимовлияний, – такая же картина должна наблюдаться в мире идей. Это значит, что у идеи есть части – другие идеи, а у этих других – другие, и т. д. Именно поэтому чёрным обозначены те идеи, которые полностью включены в ум человека (адекватные), а те, что закрашены только наполовину, включены не полностью (неадекватные). Серые «кружки» – идеи, которых у нас нет.

Из схемы следует, что по крайней мере те из идей, которые мы имеем относительно внешних вещей (в том числе и своего тела), вынужденно должны быть неадекватны. Вообще весь периметр круга B есть символ человеческой телесно-

²Эту мысль мы детальнее иллюстрируем на рис. 2.

сти, и тем вернее слова о том, что «имеющий тело, способное к весьма многим действиям, имеет душу, наибольшая часть которой вечна» (ч. 5, т. 40) [Спиноза, 1999, с. 474].

Так вот, первое (i) главное отличие состоит в том, что *идеи Бога не привнесены извне, они внутренне статичны, в отличие от человеческих идей, постоянно прибывающих от внешних причин и посредством тела, составляющих наш ум* (ч. 2, т. 13). И поскольку *отношения между божественным умом и нашим могут быть представлены как отношение включения двух множеств идей* (мы можем назвать это отличием i'), постольку адекватные идеи – есть множества, целиком принадлежащие как божественному уму, так и нашему.

Далее, если бы мы знали, скажем, что у нас есть не только рука и не только кости, сухожилия и артерии, но если бы у нас имелись идеи о каждой клетке и каждой молекуле по отдельности – в таком случае мы бы приблизились к наличию адекватных идей ³. В полной же степени мы бы стали обладать ими, если бы помимо этого знания мы бы удовлетворили следующему принципу каузальной репрезентации:

(1) Адекватная идея *I* объекта *J* снабжает нас некоторым знанием.

(2) Знание состоит в знании причин.

(3) Идея *I* должна заключать в себе адекватную идею *I'*, репрезентирующую причину *J – J'*.

Нетрудно понять, что такого рода идея включает в себя знание обо всех причинах J и обо всех причинах причин и т. д. Человеческий разум не способен иметь знание обо всех антецедентах каждой частицы нашего тела и об антецедентах их антецедентов. Как можно легко догадаться, наличие одной адекватной идеи с необходимостью влечёт наличие бесконечного числа адекватных идей – чтобы полностью знать что-то, нам нужно знать всё (как в известном стихотворении Теннисона – познав один цветок целиком, мы бы познали и Бога ⁴, и человека). В этом ходе мысли проявляется тот абсолютный, не допускающий градации порядок вещей, который мы уже констатировали относительно свободы. *Человеческий разум бессилен перед требованием каузальной репрезентации* – в этом состоит второе (ii) главное отличие Божественного ума и человеческого ⁵.

Но, быть может, у человека все же есть шанс обладания адекватной идеей – для этого ему бы потребовалось лишь исключить бесконечную цепь причин и самому стать единственной причиной предмета *J*. Но что вообще значит стать единственной причиной предмета? В первом определении третьей части Спиноза объясняет смысл адекватной причины через концепт познания, а именно как ту, «чей эффект может быть познан ясно и отчётливо через неё саму». Если

³ Этот аргумент можно использовать и по-другому, сказав, что всё несознаваемое нами (вроде волос или ногтей) не принадлежит нашему телу, к тому же Спиноза сам даёт повод к таким утверждениям в ч. 2, т. 12: «Если объектом идеи, составляющей человеческую душу, служит тело, то в этом теле не может быть ничего, что не воспринималось бы душой» [Спиноза, 1999, с. 289]. Но и в таком случае мы затруднимся сказать, о чём именно мы имеем адекватную идею.

⁴ Риторически этот пример удачен, но по сути – нерелевантен для Спинозы, поскольку как раз Бога мы познать можем адекватно, в отличие от цветка.

⁵ Этот пункт широко обозревается в исследовательской литературе, например [Della Rocca, 1996, p. 70].

учесть связь между познанием и причинностью, о которой уже сказано выше (т. е. если A познаваемо через B , то B – причина A), то можно переформулировать «адекватную причину» как единственную причину данной вещи, поскольку отчётливо мы можем познать лишь то, что не растворяется во множественности каузальных связей. Далее можно рассуждать так: предположим, у меня есть адекватная идея I , репрезентирующая предмет J (и содержащая идеи всех причин J , как уже доказано выше). Вещь J – это консеквент адекватной (единственной) причины J' . А поскольку «порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей», то адекватная идея I' адекватной причины J' – есть в то же время и адекватная причина исходной идеи I (точно также как J' – адекватная причина J , т. е. строго параллельно). Иными словами, адекватная идея адекватной причины сама есть причина той идеи, репрезентировавшей консеквент исходной адекватной причины. Для ясности см. рис. 2.

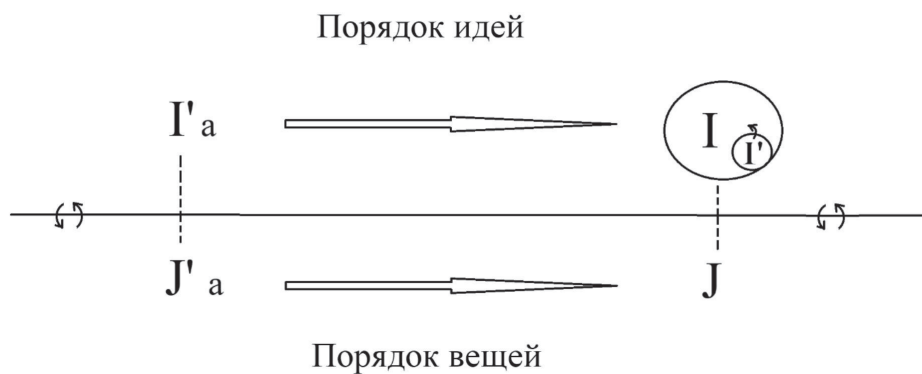

Рис. 2. Порядок идей и порядок вещей
Pic. 2. The order of ideas and the order of things

Это рассуждение может показаться излишне сложным, но из него следует важное обстоятельство. Наша душа, воображение и интеллект есть комплексная идея? И коль скоро это так, то оказывается, что содержание адекватной идеи в нашем уме обусловлено самим же этим умом (т. е. мы сами есть адекватная причина нашей адекватной идеи). И только в этом смысле мы можем реализовать ту эпистемическую активность, о которой Спиноза говорит как о неотъемлемой характеристике ума, содержащего адекватные идеи (ч. 3, п. 1). *Это требование эпистемической активности* (т. е. бытие адекватной причиной собственных адекватных идей) *составляет финальное третье (iii) отличие Божественного ума от человеческого*, подробнее об этом скажем ниже.

Как видим, (i) во многом перекликается с пунктом (iii), главным образом в том, что как в одном случае все идеи – внутренне присущи Богу, так и в третьем – адекватные идеи есть заслуга самого познавательного субъекта, причинены им самим.

Но главное, что мы ещё не сказали по поводу (iii), так это то, что если внимательно проследить за ходом мысли, то станет ясно, что адекватная идея I' является

адекватной причиной другой адекватной идеи, содержащей в себе I , а значит адекватная идея I – есть причина самой себя и тот, в чьем уме она пребывает, на ментальном уровне также является причиной самого себя, т. е. свободен абсолютно (ч. 1, оп. 7). По поводу того, кто бы мог стать претендентом на роль причины самого себя, у нас нет сомнений, это субстанция. Получается, что сами концепты адекватной причины и идеи теснейшим образом связаны с самодетерминацией, а значит и со свободой в первом её понимании.

Пока, как мы видим, все очки за пункты I, II и III приходятся на сторону Бога, но, если нам удастся доказать, что человек может иметь в каком-либо смысле адекватные идеи (помимо тех, что подразумеваются в ч. 2, т. 38) или быть адекватной причиной, ситуация улучшится в его пользу.

Что касается адекватных идей, то мы встретили большие сложности, пытаюсь увязать их с ограниченным человеческим разумом, но, может быть, именно в нём мы сможем отыскать основу для поступков, чьей адекватной причиной станем мы сами. Свободен, как уже говорилось в определении, тот, кто действует по своей природе. Наша же природа как людей заключена в рациональности. В самом деле, всякие попытки отрицать это наталкиваются на противоречия. Так, М. Киснер [Kisner, 2011, p. 24] приводит живой пример с пловцами: два пловца видят тонущего ребёнка и оба прыгают спасать его, один – через принуждение своего рассудка, другой – из-за того, что был подвергнут гипнозу. Оба они не могут поступить иначе, но сравнить их ситуации как эквивалентные невозможно. Загипнотизированный пловец явно поступает по принуждению, но тот, что поступает рационально, действует так сам. *Ratio* нельзя разделить с Я, оно эссенциально нам даже более, чем сами наши желания и эмоции.

Так вот, попробуем провести мысленный эксперимент, в котором человек будет поступать рационально, и посмотрим, совместимо ли это с бытием адекватной причиной. Предположим, некто проводит химический опыт, смешивая реагенты в надежде получить источник тепла. Вещества смешаны, ожидаемая реакция получена – спрашивается: будет ли человек адекватной причиной произведённого тепла? Ответ отрицательный, так как в этой причинной цепи человек, хоть и действует рационально, но он не единственная, а значит, и не адекватная причина (сама химическая посуда, стол и т. д. также включены в каузальную цепь). Усложним эксперимент: пусть человек теперь не просто будет смешивать реагенты, но станет их причиной. Он должен сам синтезировать их, используя только то, что сделал сам, буквально с нуля. Но и в таком случае человек не будет адекватной причиной произведённого эффекта, ведь сама суть химического взаимодействия им не обусловлена, как не обусловлены были и исходные элементы, к которым он прибегал для синтеза веществ. Наделим же теперь человека поистине божественной силой творить материю (реактивов) *ex nihilo*: каждый атом вещества, каждая валентная связь, каждое молекулярное свойство будет сотворено только им самим. Так вот, будет ли данный человек адекватной причиной произведённого при химической реакции эффекта? Очевидно, что его роль в данном процессе наивысшая, какую только может приобрести человек, и даже большая. Ответ отрицательный, и причина этого в том, что даже в этом случае сам он есть результат каузального взаимодействия иных ограниченных модусов субстанции,

таких же, как он сам, которые таким образом соотносятся с конечным результатом действий человека. Чтобы устранить это, ему бы потребовалось то, о чём уже сказано – стать причиной самого себя. А человек есть существо сотворенное.

Из всего этого вытекает некоторая закольцованность: чтобы быть адекватной причиной – нужно уже быть адекватной причиной, чтобы иметь адекватную идею – нужно иметь все адекватные идеи, чтобы быть свободным – нужно уже быть таковым.

Эти рассуждения подводят нас к первому рубежу, на котором останавливались многие исследователи, признававшие несовместимость свободы человека с тем смыслом свободы, который присваивался ей в первой части. И мотивированные этим размышлением, – как, например, Дж. Паркинсон, – они разносят обе эти возможности свободы, довольствуясь риторическими соображениями о сфере морали и рациональности, которые бы могли составить прерогативу человека [Parkinson, 1975, p. 23–24]. Это популярный, но, с нашей точки зрения, не вполне удовлетворительный ход.

И главным образом таким он нам кажется из-за одной особенности «Этики», которой мы ещё не коснулись. Эта особенность состоит в том, что вопреки всему тому, что было сказано выше по поводу возможности достижения нами адекватных идей, Спиноза открыто говорит о наличии у нас таковых (ч. 2, т. 38). «То, что обще всем вещам и что одинаково находится как в части, так и в целом, может быть представляемо только адекватно» [Спиноза, 1999, с. 318] – рассмотрим подробнее, что имеется в виду.

В переписке с Г. Г. Шуллером ⁶ Спиноза, отвечая на вопрос своего респондента о том, что может претендовать на роль непосредственно произведённого Богом, говорит, что этому требованию удовлетворяют только две вещи: бесконечный интеллект и движение/покой. Вероятно предположить, что именно идеи этих двух общих законов двух известных нам атрибутов и представляются адекватно, поскольку только они удовлетворяют требованиям, обозначенным выше. Действительно, движение и покой конституируют весь материальный мир, и в том числе наше тело, и потому представление о них неизбежно содержится в каждой нашей идее целиком, а не частично (что, как говорилось выше, составляет критерий содержательной адекватности). Нам не нужно собирать адекватную идею движения/покоя в бесконечности других идей, напротив, мы имеем её в любой идее. Далее, когда речь идёт об атрибутах, мы оказываемся в ситуации, совершенно отличной от мира конечных модусов – первые, как сказано в письме, сотворены непосредственно, исключая бесконечную цепь причинности, и потому требование (II), казавшееся непреодолимым для человека, здесь нерелевантно. И сам Бог также доступен нашему познанию как раз по той причине, что у нас есть представление о самих себе, а коль скоро мы – часть Божественного интеллекта, то и о Боге, беспричинном и пребывающем в каждой идее и вещи.

Но что же мы можем сказать об этом новом смысле адекватных идей в свете свободы, проходит ли идея Бога проверку (III) пунктом? Или, иными словами, насколько мы в подлинном смысле являемся адекватной причиной этих идей, реализуется ли в них наша эпистемическая активность, составляем ли мы в них при-

⁶ Имеются в виду 63-е и ответное 64-е письма [Спиноза, 1932, с. 195–198].

чину самих себя и, наконец, свободны ли мы (всё это вопросы одного порядка)? Насколько можно судить – ответ отрицательный, «адекватность» данных идей не связана с нашей самодетерминацией, мы просто не имеем возможности избежать их. Этот вывод может привести к отчаянию, как, скажем, Беннета, описавшего свои чувства как «невероятно тёмное ч. 2 т. 38 победило меня. И несмотря на то что я его не понимаю, я полагаю, что оно неверно» [Bennett, 1984, § 43]. Но, как показывают последние исследования, у нас есть как минимум две возможности модифицировать взгляд Спинозы таким образом, чтобы его этические цели в области свободы были параллельны метафизическим пропозициям.

Один из путей предложен Ю. Маршаллом и является логическим продолжением ч. 2, т. 38. Согласно его логике, поскольку мы можем адекватно познавать атрибуты и Бога, то в наших же силах познавать и конечные модусы ровно в той мере, в какой они есть следствие этих атрибутов [Marshall, 2008, p. 72]. Тут, безусловно, присутствует некоторая уже ставшая привычной двусмысленность: Маршалл не отрицает всего того, что было сказано выше о возможностях человека, но добавляет к этому, что всё это справедливо только в отношении «обычного порядка вещей», подобно тому как они существуют в *длительности*. Но кроме последнего есть взгляд *sub specie aeternitatis*, и с этой точки зрения мы можем отстраниться от недостижимой бесконечности и рассматривать вещи в их «эссенциальном» разрезе, поскольку их сущность можно свести к адекватному знанию об атрибутах, уже имеющемуся у нас, согласно ч. 2, т. 38. В метафорическом смысле этот переход может быть описан как смена «горизонтальной детерминации» на «вертикальную детерминацию». Чтобы понять специфику последней и то, как атрибут детерминирует сущность вещи, Маршалл предлагает обратиться к геометрии и конкретно к тому, как характерные черты треугольника могут быть дедуцированы из его определения⁷. Такого рода мысли предполагают интерпретацию трёх видов знания в следующем ключе: первый род познания – это взгляд на вещи в их длительности и как следствие ограниченный и ошибочный. Второй род знания – это актуализация присущего нам адекватного знания того, что «обще всем вещам», а третий состоит в «геометрической дедукции» сущности вещей из Божественных атрибутов и переходе на мышление в рамках «вертикальной детерминации». Всё сказанное не отменяет невероятной сложности достижения этого, как говорит Спиноза, интуитивного, третьего рода познания. Но это совершенно меняет ту безнадежную ситуацию для человека, которая была констатирована выше. Теперь человек принципиально, хоть и не вполне ясно каким образом, может конституировать свою «адекватную» рациональность и в конечном итоге быть свободным.

⁷ Похожую мысль Спиноза высказывает в одном месте в письме Виллему ван Блейенбергу: «Так, например, раз мы познали природу Бога, то утверждение существования Бога следует из нашей природы с такой же необходимостью, с какой из природы треугольника следует, что сумма трёх углов его равна двум прямым» [Спиноза, 1932, с. 113].

Заключение

Перед тем как завершить эту статью, хотелось бы сформировать некое компромиссное решение, по возможности максимально удовлетворяющее духу философии Спинозы.

Это решение состоит во введении некой нейтральной системы отсчёта, снимающей большую часть противоречий, возникших в следствие конфликта абсолютной Божественной метрики и скалярной человеческой. Мы можем представить единую шкалу свободы, где нулевой отметкой будут простейшие предметы. Предел шкалы составит абсолютная свобода Бога, а место человека будет как раз между ними. Если было принято, что адекватная идея включает в себя идеи всех своих antecedентов, то применительно к человеку эту планку можно снизить и руководствоваться принципом: чем больше знания о причинах заключено в идее – тем она адекватнее, а её обладатель более разумен и как следствие свободен. Парадоксы словоупотребления термина «адекватность» можно было бы решить, разъяв абсолютную адекватность идеи (такой, к примеру, как Бог или идеи атрибутов (ч. 2, т. 38) т. е. то, что обще всем вещам) и человеческую адекватность. При этом очевидно, что, хотя и всякая идея в Боге абсолютно адекватна, те о которых идёт речь в ч. 2, т. 38, – простые, далее неразложимые идеи. Все же остальные – комплексные идеи, относительно содержания которых (т. е. других идей) мы можем иметь вполне отчётливое представление, хоть и, конечно, не о всех. Это значит, что мы имеем право применить некую градацию к комплексным идеям и считать их адекватными в той или иной степени, а значит, и называть человека в той или иной степени свободным. Беннетт выражает очень похожую мысль, предлагая считать, что свобода в смысле ч. 1, оп. 7 служит скорее ориентиром, неким концептом, аналогичным «идеальному газу», а человек, в свою очередь, пользуется свободой практически по аналогии с божественной [Bennett, 1984, p. 316]. Правда, остаётся неоговорённым ещё один нюанс. На основании сказанного можно предположить, что всякая идея, поскольку она есть у человека, может быть названа адекватной, пусть даже в самой незначительной степени. Подобное утверждение явно размывает саму целесообразность использования концепта «адекватности». Но в ином случае перед нами вырастает классическая апория сорит, не ясно, с какого именно момента считать идею уже вполне адекватной в контексте человеческих возможностей. И если мы попытаемся ввести какие-либо чёткие критерии, то неизбежно придём к логике «двойной диоптрии» [Гаджикурбанов, 2015, с. 107], в которой только мудрец посредством этических и эпистемологических усилий может слиться в мистической интуиции с божественной частью внутри самого себя и познать вещи в атрибутивном качестве. Спиноза немногословен на счёт того, какие критерии бытия адекватной причиной могут быть предоставлены «обычному» человеку. И тем не менее эта проблема не неразрешима, если понимать эти термины в чуть более естественном смысле, зарезервировав формальный смысл адекватности для Бога и мудреца. В этом простом решении мы не находим ничего, чем бы Спиноза мог нам возразить, кроме того, что всякий раз, когда мы говорим об адекватности применительно к человеческому знанию, мы вынуждены добавлять в скобках: насколько это доступно человеку.

Список литературы

- Спиноза Б.** Сочинения: В 2 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. 489 с.
- Спиноза Б.** Переписка. М.: Партийное изд-во, 1932. 275 с.
- Гаджикурбанов А.** Образ мудреца в Этике Спинозы // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 3. С. 101–118.
- Bennett J.** A Study of Spinoza's Ethics. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1984.
- Della Rocca M.** Representation and the Mind – Body Problem in Spinoza. New York: Oxford University Press, 1996.
- Della Rocca M.** The Power of an Idea: Spinoza's Critique of Pure Will // *Nous*. 2003. Vol. 37. No. 2. P. 200–231.
- Della Rocca M.** Steps toward Eleaticism in Spinoza's Philosophy of Action // Freedom, Action, and Motivation in Spinoza's «Ethics» / Ed. N. Naaman-Zauderer. New York: Routledge, 2019. P. 15–36.
- Garrett D.** Cambridge Companion to Spinoza. New York: Cambridge University Press, 1996.
- Kisner M.** Spinoza on Human Freedom. New York: Cambridge University Press, 2011.
- Kisner M.** Spinoza's Activities: Freedom without Independence // Freedom, Action, and Motivation in Spinoza's «Ethics» / Ed. N. Naaman-Zauderer. New York: Routledge, 2019. P. 121–165.
- Marshall E.** Adequacy and Innateness in Spinoza // Oxford Studies in Early Modern Philosophy. Vol. IV / Ed. D. Garber, S. Nadler. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 51–88.
- Marshall E.** The Spiritual Automaton. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Parkinson G.** Spinoza on the Power and Freedom of Man // Spinoza: Essays in Interpretation / Ed. E. Freeman, M. Mandelbaum. LaSalle, Ill: Open Court Publishing, 1975. P. 7–33.

References

- Bennett J.** A Study of Spinoza's Ethics. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1984.
- Della Rocca M.** Representation and the Mind–Body Problem in Spinoza. New York: Oxford University Press, 1996.
- Della Rocca M.** The Power of an Idea: Spinoza's Critique of Pure Will // *Nous*. 2003. Vol. 37. No. 2. P. 200–231.
- Della Rocca M.** Steps toward Eleaticism in Spinoza's Philosophy of Action // Freedom, Action, and Motivation in Spinoza's «Ethics» / Ed. N. Naaman-Zauderer. New York: Routledge, 2019. P. 15–36.
- Gadzhikurbanov A.** The image of the sage in Spinoza's Ethics // Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy. 2015. No. 3. P. 101–118. (in Russian)
- Garrett D.** Cambridge Companion to Spinoza. New York: Cambridge University Press, 1996.
- Kisner M.** Spinoza on Human Freedom. New York: Cambridge University Press, 2011.
- Kisner M.** Spinoza's Activities: Freedom without Independence // Freedom, Action, and Motivation in Spinoza's «Ethics» / Ed. N. Naaman-Zauderer. New York: Routledge, 2019. P. 121–165.

Marshall E. Adequacy and Innateness in Spinoza // Oxford Studies in Early Modern Philosophy. Vol. IV / Ed. D. Garber, S. Nadler. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 51–88.

Marshall E. The Spiritual Automaton. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Parkinson G. Spinoza on the Power and Freedom of Man // Spinoza: Essays in Interpretation / Ed. E. Freeman, M. Mandelbaum. LaSalle, Ill: Open Court Publishing, 1975. P. 7–33.

Spinoza B. Collected works: In 2 vols. Saint Petersburg: Nauka, 1999. Vol. 1. (in Russian)

Spinoza B. Correspondence. Moscow: Partijnoe izdatel'stvo, 1932. (in Russian)

Информация об авторе

Дмитрий Олегович Селютин

аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Information about the Author

Dmitry O. Selyutin

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

*Статья поступила в редколлегию 22.11.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.*

*The article was submitted 22.11.2025;
approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 22.12.2025*

Научная часть

УДК 16 + 378.147

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-117-127

Методика введения в трансцендентальную философию И. Канта и И. Г. Фихте

Александр Валерьевич Нечипоренко

*Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия*

a.v.nechiporenko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-3942-1892>

Аннотация

В статье описана методика организации учебной работы студентов, по которой организуется освоение студентами философского факультета университета узловых понятий, общих для «Критики чистого разума» И. Канта и ранних версий «Наукоучения» И. Г. Фихте. Особенность методики заключается в определенном деятельностном соответствии между содержанием обучения с формой организации учебной работы. Параллельно с чтением «Критики чистого разума» и соответствующими лекциям студенты самостоятельно по группам прорабатывают образцы мысленных экспериментов из истории науки XVIII века и в общем обсуждении осуществляют их рефлексивный анализ в духе философствования И. Канта и И. Г. Фихте. Этим обеспечивается введение в трансцендентальную философию.

Ключевые слова

трансцендентальный, И. Кант, И. Г. Фихте, наука, мысленный эксперимент, философская рефлексия, методика, обучения, деятельностная педагогика

Для цитирования

Нечипоренко А. В. Методика введения в трансцендентальную философию И. Канта и И. Г. Фихте // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 117–127. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-117-127

Methodology of introduction to the transcendental philosophy of I. Kant and I. G. Fichte

Alexander V. Nechiporenko

*Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia*

a.v.nechiporenko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-3942-1892>

© Нечипоренко А. В., 2026

Abstract

This article describes a methodology for organizing student learning activities. It is used to teach students in the philosophy department of the university the key concepts common to I. Kant's Critique of Pure Reason and the early versions of Fichte's Science of Knowledge. A distinctive feature of this methodology is the activity-based correspondence between the content of the curriculum and the organization of the learning activities. In parallel with reading the Critique of Pure Reason and the corresponding lectures, students independently work in groups to explore thought experiments from the history of science in the 18th century, and, in a general discussion, they conduct a reflexive analysis in the spirit of the philosophizing of I. Kant and I. G. Fichte. This provides an introduction to transcendental philosophy.

Keywords

transcendental, Kant, Fichte, science, thought experiment, philosophical reflection, teaching methodology, activity-based pedagogy

For citation

Nechiporenko A. V. Methodology of introduction to the transcendental philosophy of I. Kant and I. G. Fichte. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 117–127. (in Russian). DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-117-127

1

При обучении трансцендентальной философии И. Канта и И. Г. Фихте на философском факультете университета главное содержание усвоения – это трансцендентальный метод как форма мышления о мышлении и деятельности, а ключевая компонента учебного содержания – средства понимания философских текстов И. Канта и И. Г. Фихте. Введение в трансцендентальную философию осуществляется на основе учета того, насколько тесно она связана с естественно-научными знаниями. Эта связь, в частности, рассмотрена и показана Т. Б. Длугач [Длугач, 2010; 2017]. Она пишет: «С одной стороны, немецкая философия явилась “немецкой теорией французской революции”, с другой стороны, она создавалась в ориентации на позитивную науку и в качестве ее рефлексии, в виде различных систем “наукоучения”» [Длугач, 2010, с. 3]. В своих работах Т. Б. Длугач подчеркивает, что специфические черты трансцендентального учения о мышлении – выявление практической основы знания (что наиболее характерно для И. Г. Фихте), ведущая роль конструирования в порождении знаний – основаны на философской рефлексии экспериментального метода: мысленных и натуральных экспериментов. Соглашаясь с этой принципиальной позицией Т. Б. Длугач, автор методики полагает, что при обучении студентов своеобразными пролегоменами должна стать проработка моментов философской рефлексии математики и естествознания. При этом необходимо пополнить знания студентов философского факультета сведениями о специфических формах мысленных экспериментов, выработанных в науке к концу XVIII века.

2

Первым этапом обучения является реконструкция философских проблем. Необходимым условием освоения образцов философского мышления является реконструкция и субъективированное принятие тех философских проблем, для которых учение философа стало определенной версией решения. В проблемном поле условно можно выделить два момента: «внешний» – то, что составляет

предмет споров в философском сообществе в данную эпоху, и «внутренний» – то, что характеризует особенный интеллектуальный бэкграунд философа и его философское устремление. Для «Критики чистого разума» И. Канта таким «внешним» проблемным контекстом была оппозиция между рационалистами и эмпиристами по вопросу источников знания, а также проблематизация самой возможности научных знаний, которые, будучи знаниями о связях, согласно Д. Юму, не могут быть получены ни эмпирически (*a posteriori*), ни чисто мыслительно (*a priori*). «Внутренней» проблемой, к которой И. Кант пришел в своих докритических работах, также была проблематизация возможности научного познания как такового в силу несравнимости (отсутствие отношений соответствия) реальных оснований (реальности, данной в чувственном восприятии) и логических оснований (действительности мышления) [Нечипоренко, 2022]. Для наукоучения И. Г. Фихте «внешней» проблемой была реализация кантовской программы теоретического описания всеобщих и необходимых действий человеческого духа (взаимосвязанных кантовских априори) как органической системы путем дедукции этой системы из единого основания, а «внутренней» – теоретическое описание и личностное практикование (а) единства содержания и формы во всеобщем мышлении, то есть единство мышления и мышления мышления, и (б) свободы как выхождения за пределы универсума мышления и деятельности и переопределения его (т. е. саморазвития универсума мышления и деятельности).

Понимаемые тексты философов в учебной работе будут постоянно соотноситься с рамкой философских проблем.

Пример методики для «Критики чистого разума». На семинаре трем командам студентов даются тексты И. Канта: а) Предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума», б) Введение в «Критику чистого разума» (см.: [Кант, 1964]), в) первые параграфы «Прологоменов ко всякой возможной метафизике» [Кант, 1965]. Задача заключается в том, чтобы вычитать в текстах постановку проблемы. При обсуждении докладов групп возникают и версии формулировок проблем, и вопросы к текстам. Это создает предпосылку для понимания и усвоения тех реконструкций, которые даются на лекциях.

3

Основные блоки содержания «Критики чистого разума» И. Канта и ряда текстов Фихте должны быть поняты как разрешение проблем. Но сами тексты чрезвычайно трудны для понимания, причем не только студентами. Главная сложность состоит в том, что необходимо сменить установку сознания, определяемую предметными знаниями и состоящую в направленности на противоположащий объект, на иную, рефлексивную установку – оборачивание на собственные мышление и деятельность, схватывание способов действия в категориях. Это сложность «трансцендентального поворота» как такового.

Методически введение в действительность трансцендентального метода организуется так. На лекциях, посвященных «Критике чистого разума», разъясняются положения «Трансцендентальной эстетики» (понятия времени и пространства как чистых априорных форм созерцания) и раздела «Трансценденталь-

ная аналитика» (понятие о категориях как чистых априорных формах рассужда), их роли в формировании предмета («предмета для нас»). Однако принципиальным является получение студентами личного практического опыта философской рефлексии, выявляющей трансцендентальные предпосылки. В учебной ситуации этот опыт организуется на материале решения математических задач. Это может быть геометрическая задача, пример решения которой иллюстрирует трансцендентальный метод [Нечипоренко, 2022, с. 71–79]. Или следующая текстовая сюжетная задача: «На полке стояли книги со стихами Пушкина и Лермонтова. Книг со стихами Пушкина было в два раза больше, чем книг со стихами Лермонтова. После того как на полку добавили три книги со стихами указанных поэтов, книг со стихами Пушкина и Лермонтова стало поровну, по пять штук. Какие книги стояли на полке первоначально?». Особенность этой задачи в том, что ее стандартное решение с помощью простого уравнения дает абсурдный ответ. На семинаре организуется ситуация затруднения, когда студенты сталкиваются с абсурдным результатом, а также переживание инсайта при выработке новой идеи и обнаружения новой категориальной рамки. Правильное решение возможно в рамках категорий «род/вид»: книги не подсчитываются, а объединяются в два класса по признаку наличия стихов одного из поэтов. При рефлексии этого опыта обнаруживается, что наше понимание текста задачи и мышление отрабатывает как бы определенные «программы»: стандартное решение осуществлялось, когда понимание и мышление были определены категорией «количество» и категориальной парой «части/целое»; новое решение осуществлено в рамках категории «качество» и категориальной пары «род/вид». Результат обсуждения позволяет ввести графическую схему, изображающую априорную трансцендентальную предпосылку как «программу», развертывающую способ решения задачи (рис. 1).

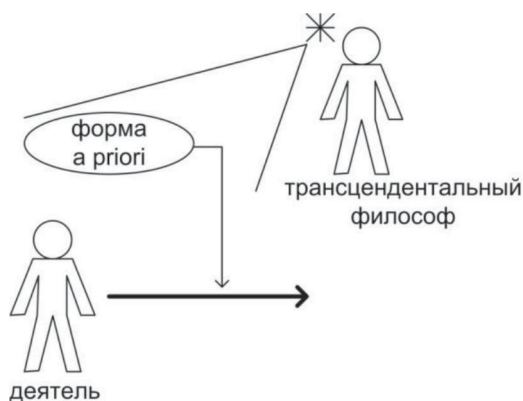

Рис. 1. Априорная форма как предпосылка мыслительного действия и ее рефлексивное выделение философом.

Pic. 1. The a priori form as a premise for cognitive action and its reflective identification by the philosopher.

На схеме фигурками людей изображены две позиции – делателя (решателя задач) и трансцендентального философа, выявляющего рамки и трансцендентальные предпосылки осуществления деятельности, в том числе мыслительной.

Данная схема выполнена в традиции позиционных схем Московского методологического кружка (Г. П. Щедровицкий, Н. Г. Алексеев, О. И. Генисаретский, В. А. Лефевр и др.) [Марача, 2010, с. 21–70; Розин, 2011, с. 275–293]. Историко-философский анализ показывает, что методологические позиционные схемы, разработанные в Московском методологическом кружке, конгениальны философии И. Канта и И. Г. Фихте. Не описывая «позиции» как рефлексивное философское понятие, и И. Кант, и И. Г. Фихте, тем не менее, практически осуществляли позиционное мышление и использовали для его выражения устойчивые речевые обороты [Нечипоренко, 2020]. Это разъясняется студентам при введении языка позиционных схем.

На лекциях студентам разъясняется, что априорные формы И. Канта в зависимости от контекста их выделения и употребления (т. е. модальности их существования) являются либо как трансцендентальные предпосылки и условия мышления и деятельности, либо как способности, либо как средства.

4

Можно указать на еще одну специфическую сложность: тексты и «Критики чистого разума», и различных изложений «Наукоучения» неоднородны по содержанию. Кроме пласта чистого философского мышления они, помимо прочего, содержат также пласты и философской рефлексии научного знания и метафилософской рефлексии. В общей для трансцендентальных философий И. Канта и И. Г. Фихте части, то есть в том, в чем едины концептуальные ядра их философских программ, лежит подход к знанию, резко противостоящий английскому эмпиризму: в качестве меры и эталона принято не знание «здравого смысла», а научное знание, как правило, противоположное обыденному рассудку. Философская рефлексия научного знания, с одной стороны, образует как бы промежуточный слой между предметными знаниями и чистым философским мышлением, а с другой, представляет эталон самого знания, с которым соотносится (по уподоблению или противопоставлению) философ, вырабатывая знания чисто философские. Таким образом, контекст наук (математики и естествознания) существен для понимания «Критики чистого разума» И. Канта и (что менее очевидно) для понимания «Наукоучения», особенно раннего И. Г. Фихте. Студенты философских факультетов не обладают достаточными знаниями о науке (об истории науки в частности), которые бы создавали требуемый для понимания трудов И. Канта и И. Г. Фихте контекст. На преодоление указанной трудности нацелен следующий фрагмент методики.

Методическая форма работы – организация своеобразной «игры» с применением приема «как если бы». Студентам сообщается: термин «игра» применяется И. Кантом в «Критике способности суждения» при описании художественного творчества [Кант, 1966, с. 319], а выражение «als ob» («как если бы») тоже кантовское, из «Критики чистого разума» [Кант, 1964, с. 171, 534 и далее]. Игра задается позиционной схемой на доске (рис. 2).

С одной стороны, схема отражает историко-философскую реконструкцию контекста работы И. Канта и И. Г. Фихте. На схеме показано, что философ, вхо-

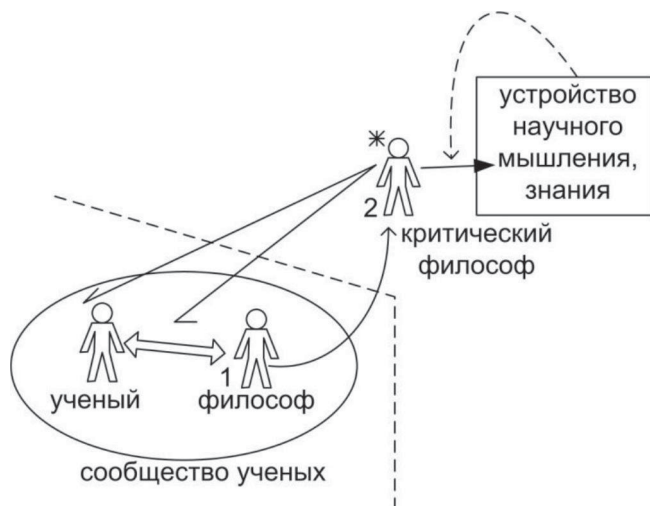

Рис. 2. Позиционная схема «трансцендентальной игры».

Pic. 2. The positional scheme of «transcendental performance».

дящий в определенное сообщество ученых (в том числе университетских преподавателей), находится в прямом общении с учеными – математиками и естествоиспытателями, эта позиция философа обозначена цифрой 1. В философской рефлексии (позиция 2) философ строит свое отношение к образцам научных знаний (именно это делали и И. Кант, и И. Г. Фихте), но также он может оборачивать нормы научного метода и систематизации теоретических научных знаний на построение собственной философской системы (этот момент особенно существен для понимания работ И. Г. Фихте). С другой стороны, схема изображает те «роли», которые предстоит разыграть студентам в своеобразном «трансцендентальном спектакле».

5

Трем группам студентов выдаются тексты с формулировками и решением определенных научных задач. Задание на подготовку к семинару таково: следует разобраться с задачей и ее решением, по возможности прося помощи у студентов естественно-математических факультетов, а затем проанализировать и прокомментировать решения в духе философии И. Канта. На семинаре обсуждаются доклады от групп, кроме того, преподаватель добавляет собственные комментарии к задаче в духе философии И. Г. Фихте.

Первая задача: определить сумму бесконечного ряда $S = 1 + 1 - 1 + 1 \dots$. При решении получаются математически обоснованные различные ответы: 0, 1, ... Эту задачу решали Г. В. Лейбниц, Д. Бернулли и Л. Эйлер ([Эйлер, 1949, с. 474–476; Смирнов, 1959, с. 398–401; Рамис, 2002, с. 11–12, 16–22]). При обсуждении доклада студентов «в духе философии И. Канта» выявляются: а) конституирующая роль априорных форм пространства и времени в конструкции ряда, б) мыслительный перенос на недоступную область бесконечного тех правил, которые использу-

ются на конечном фрагменте ряда, в) ведущая роль категории количества (множественность и целокупность) при самой постановке вопроса об определенной сумме ряда и пр. Результаты решений интерпретируются как антиномичные, что характерно для рассудка, пренебрегающего законные границы опыта. Проведя философский анализ, студенты обнаруживают разрыв между предметной и философской позициями: результаты философской рефлексии не нужны ученому, они бесполезны для него и вряд ли будут им восприняты. Преподаватель, занимающий роль последователя И. Г. Фихте, обращает внимание студентов на особый характер решения Л. Эйлера. В нем переопределяется понятие суммы ряда: суммой называется аналитическое выражение функции, разложение которой при некотором значении переменной дает исследуемый ряд. Л. Эйлер фактически перевернул процедуру решения: вместо суммирования потенциальной бесконечности членов ряда с целью свернуть ее в конечное число он исходно полагает конечное выражение функции, которое разворачивается в бесконечный ряд. Это представление математического объекта можно назвать генетическим; генетическое отношение между некоторыми объектами или знаниями *A* и *B* определяется взаимно обратными процедурами выведения и сведения: из *A* выводится *B*, а *B* сводится к *A*. Переход к генетическому рассмотрению, сделанный Л. Эйлером, позволил преодолеть антиномию.

Вторая задача – это построение Д. Бернулли модели идеального газа, первой в истории физики [Бернулли, 1959, с. 282–288, 531–532.]. На материале этой задачи происходит проработка понятий «явление» (*phaenomenon*) и «сущность» (*noumenon*) в двух существенно различных значениях, которые они имеют в научном употреблении и в критической философии И. Канта. Модель – чисто мыслительная конструкция, которая онтологизируется ученым, проецируется в область, недоступную опыту (чувственному восприятию). Законная ли эта процедура? Какой статус имеет ее результат? За счет обсуждения преподаватель организует углубленное понимание ключевого для «Критики чистого разума» понятия «вещь сама по себе». Это пограничное понятие: граница целокупного опыта человечества сдвигается, в том числе за счет создания особых «органов» – измерительных приборов (о чем писал сам И. Кант), – однако при этом каждый раз полагается принципиальная граница для всякого возможного опыта [Кант, 1964, с. 333]. От лица последователя И. Г. Фихте преподаватель обращает внимание на то, что модель (сущность) также связана с эмпирическими знаниями (явлением) отношениями выведения и сведения. При этом модель сущности по своему внутреннему устройству совершенно неизоморфна ни чувственным явлениям, ни эмпирическим знаниям о газовых законах.

Третья задача – это единое описание многообразия однолетних растений (альтернативное классификации К. Линнея), осуществленное И. В. Гёте за счет особого усмотрения их форм (морфологии) [Гёте, 1957]. В духе философии И. Канта обсуждается роль целевых (конечных) причин при описании органических систем, выход И. В. Гёте за рамки такого способа описания и переход к выделению закономерностей формообразования. В духе философии Фихте обращается внимание на то, что, в отличие от модели Д. Бернулли, И. В. Гёте усматривает сущность не качественно отличную от явления, а как форму и механизм формо-

образования в самой становящейся материи явления. Идеализация И. В. Гёте такова: подобно движущейся точке, прочерчивающей геометрическую линию, единый пра-орган, реплицируясь и видоизменяясь, образует линию роста растения. Пример этой задачи принципиально важен для последующего изучения «Наукоучения» И. Г. Фихте. Можно увидеть аналогию между идеализацией органического роста и тем, как И. Г. Фихте будет описывать в «Наукоучении *nova methodo*» (1796/99) образование линии действия единым реплицирующимся пра-актом: «Каждое мгновение включает в себя как сопротивление, так и действие. Это действие происходит не урывками, а продолжается как единое, постоянное движение. Это остается одним и тем же актом самоаффектации, который распространяется все дальше и дальше посредством созерцания. Когда акт самоаффектации осознается интуитивно, простая точка самоаффектации расширяется до линии» [Fichte, 1992, р. 160]. Идеализация метаморфоза позволит лучше понять научную основу наукоучения: «генетическое в своем принципе, проникающее высшее единство и им проникнутое, поэтому тождественное с ним наукоучение, лишь спускается к многообразному. ...Наша задача состоит в том, чтобы найти это единство С (света) и О (образа) и найти его способом, указанным только что... Модификации и различные повороты этого способа действия основываются на необходимости проникать то проникновением света образом, то наоборот, следовательно, на постоянном колебании точки зрения и перебрасывании от одной к другой... это теперь уже единственное поистине трудное дело в нашей науке... Вторая часть ...имеет задачей вывести просто все возможные модификации являющейся реальности» [Фихте, 2021, с. 140–141].

6

В описанной методике средства деятельностной педагогики применяются при обучении студентов высшей школы [Губанов, Губанова, Нечипоренко, 2015]. В отечественных гуманитарно-технологических разработках в сфере образования деятельностный подход разрабатывался различными коллективами под руководством выдающихся отечественных философов и педагогических психологов (В. В. Давыдов, Г. П. Щедровицкий, В. А. Жегалин, Ю. В. Громыко и др.). Важнейшим культурно-историческим истоком отечественного деятельностного подхода явились представления о мышлении и деятельности, развитые в немецкой классической философии. Примечательная особенность описанной методики состоит в том, что в ней содержание обучения (способы мыслить мышление и деятельность, свойственные трансцендентальной философии) находится в отношении соответствия с деятельностной формой организации учебной ситуации и процессом обучения. Описанная методика позволяет студентам встать в активную позицию и самостоятельно проработать узловые понятия, единые для трансцендентальной философии И. Канта и И. Г. Фихте. Практическое применение этих понятий при анализе образцов научного мышления из истории науки XVIII века позволяет студентам лучше понять содержание «Критики чистого разума». Студенты также имеют возможность узнать о тех особенностях научного знания,

которые, по-видимому, имел в виду И. Г. Фихте при построении своей системы знания о мышлении, деятельности и знании.

Список литературы

- Губанов А. Ю., Губанова Т. М., Нечипоренко А. В. Образовательные организационно-деятельностные игры – актуальный ресурс развития образования // Педагогическое мышление: направления, проблемы, поиски / Сост. Г. В. Лобастов. М.: Русс. слово, 2015. С. 422–438.
- Бернулли Д. Гидродинамика, или записки о силах и движениях жидкостей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Длугач Т. Б. От Канта к Фихте. Сравнительно-исторический анализ. М.: Канон+, 2010.
- Длугач Т. Б. Две концепции конструктивизма XVIII века (Кант, Фихте) // Философский журнал. 2016. Т. 9, № 1. С. 120–133.
- Кант И. Критика чистого разума // Иммануил Кант. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 69–756.
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Иммануил Кант. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 107–136.
- Кант И. Критика способности суждения // Иммануил Кант. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 161–200.
- Марача В. Г. Отличительные черты методологического мышления как «идеального ядра» интеллектуальной традиции Московского методологического кружка // Георгий Петрович Щедровицкий / Под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой. М.: Росс. полит. энцикл., 2010. С. 9–71.
- Нечипоренко А. В. «Критика чистого разума» Иммануила Канта. Новосибирск: НГУ, 2022.
- Нечипоренко А. В. Понятие позиции и позиционное мышление // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 195–207.
- Рамис Ж.-П. Расходящиеся ряды и асимптотические теории. М.: Ин-т комп. иссл., 2002.
- Розин В. М. Научные исследования и схемы в московском методологическом кружке. М.: Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого, 2011.
- Смирнов В. И. Даниил Бернулли (1700–1782) // Даниил Бернулли. Гидродинамика или записки о силах и движениях жидкостей. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 433–501.
- Фихте И. Г. Второй курс лекций по наукоучению 1804 года / Пер. с нем. А. А. Иваненко. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Эйлер Л. Дифференциальное исчисление. М., Л.: Гос. изд-во тех.-теор. лит., 1949.
- Fichte J. G. Foundations of Transcendental Philosophy (Wissenschaftslehre) Nova Methodo (1796/99) / Transl. by D. Brasiale. Cornell University Press, 1992.

References

- Bernoulli D.** Hydrodynamics, or Notes on the Forces and Movements of Liquids. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1959.
- Dlugach T. B.** From Kant to Fichte. Comparative-historical analysis. Moscow: Canon+, 2010.
- Dlugach T. B.** Two Concepts of XVIIIth-Century Constructivism (Kant, Fichte) // Philosophical Journal, 2016. Vol. 9, No. 1. P. 120–133.
- Euler L.** Differential Calculus. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Technical and Theoretical Literature, 1949.
- Fichte J. G.** Foundations of Transcendental Philosophy (Wissenschaftslehre) Nova Methodo (1796/99) / Transl. by D. Brasiale. Cornell University Press, 1992.
- Fichte J. G.** The Second Course of Lectures on the Science of 1804 / Transl. from German by A. A. Ivanenko. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2021.
- Goethe J. W., von** Selected Works on Natural Science. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1957.
- Gubanov A. Yu., Gubanova T. M., Nechiporenko A. V.** Educational organizational-activity games – a relevant resource for educational development // Pedagogical thinking: directions, problems, searches / Ed. by G. V. Lobastov. Moscow: Russkoe slovo, 2015. P. 422–438.
- Kant I.** Critique of Pure Reason // Immanuel Kant. Works: in 6 volumes. Moscow: Mysl, 1964. Vol. 3. P. 69–756.
- Kant I.** Prolegomena to Any Future Metaphysics That May Appear as a Science // Immanuel Kant. Works: in 6 volumes. Moscow: Mysl, 1965. Vol. 4, Part 1. P. 107–136
- Kant I.** Critique of Judgment // Immanuel Kant. Works: in 6 volumes. Moscow: Mysl, 1966. Vol. 5. P. 161–200.
- Maracha V. G.** Distinctive Features of Methodological Thinking as the «Ideal Core» of the Intellectual Tradition of the Moscow Methodological Circle // Georgy Petrovich Shchedrovitsky / Ed. by P. G. Shchedrovitsky, V. L. Danilova. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2010. P. 9–71.
- Nechiporenko A. V.** Immanuel Kant's «Critique of Pure Reason». Novosibirsk: NSU Press, 2022.
- Nechiporenko A. V.** The Concept of Position and Positional Thinking // Siberian Journal of Philosophy. 2020. Vol. 18, No. 2. P. 195–207.
- Ramis J.-P.** Divergent Series and Asymptotic Theories. Moscow: Institute of Computer Research, 2002.
- Rozin V. M.** Scientific Research and Schemes in the Moscow Methodological Circle. Moscow: G. P. Shchedrovitsky Institute for Development, 2011.
- Smirnov V. I.** Daniel Bernoulli (1700–1782) // Daniel Bernoulli. Hydrodynamics, or Notes on the Forces and Movements of Liquids. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1959. P. 433–501.

Информация об авторе

Александр Валерьевич Нечипоренко, кандидат философских наук
доцент, кафедра истории философии, Новосибирский государственный университет.

Information about the Author

Alexander V. Nechiporenko, Candidate of Sciences (Philosophy)
Docent, Department of the History of Philosophy, Novosibirsk State University.

*Статья поступила в редколлегию 3.10.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 22.12.2025
The article was submitted 3.10.2025;
approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 22.12.2025*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки», «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное двойное слепое (double-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных

материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 – «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже.

Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; <https://orcid.org/>; аннотация

на русском языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) Название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) Текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s)).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Основной текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), *должны* выставить в настройках (включая настройки оформления номера страницы) стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире *только* одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Цитаты заключаются в кавычки «елочки». Если внутри цитаты, заключенной в кавычки, встречаются слова, в свою очередь заключенные в кавычки, для них нужно использовать кавычки «лапки» (две «шестёрки» и две «девятки» сверху).

5. Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках, через запятую указываются: фамилия автора, год издания, страницы со строчной с. или р. Интервал страниц задает короткое тире.

При прямом цитировании после кавычек указывается: [Horton et al., 2006, p. 427–428] или [Целищев, Бессонов, 1979, с. 92].

При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Дарвин, 1939]).

При косвенном цитировании (парафраз) указание на страницы источника является обязательным, источник заключается в круглые скобки: (см.: [Пелевин, 2013, с. 215–216]).

Комментарии и замечания к тексту приводятся в подстрочных сносках (текст сноски располагается внизу страницы) и нумеруются по порядку с начала документа, начиная с цифры 1¹.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются *только* в виде подстрочной сноски.

Ссылка на документ из сети Интернет имеет вид: автор (если есть), название материала (как указано на странице), дата опубликования материала (если есть), официальное название ресурса, на котором размещен материал, URL ресурса, дата обращения к ресурсу автора статьи.

Не допускается указывать ссылки на документы из сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.), которые и включаются в список литературы.

Если сайт, на котором находится документ, запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в соответствующем реестре Роскомнадзора².

Если текст статьи содержит указание: а) на запрещенную организацию (либо ликвидированную или деятельность которой приостановлена); б) на некоммерческие организации / средства массовой информации / незарегистрированные общественные объединения / физические лица, признанные СМИ / физические лица, признанные «иностранными агентами»; в) на нежелательную организацию, то в подстрочной сноске *в обязательном порядке* указывается статус, – например, «организация, запрещенная на территории РФ», «организация, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ», «признан иностранным агентом» и т.д., – а также полное название соответствующего нормативного документа либо указание на раздел сайта соответствующего ведомства, закрепившего статус, и дата его последней редакции³.

6. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русскоязычные авторы). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), фамилии и инициалы редакторов (если речь идет о коллективной монографии или сборнике), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации (для книг), год

¹ Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

² См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

³ Как отмечает комик Данила Поперечный: «Я думал до такого не дойдет». См.: «Меня признали иноагентом», видео, 3:07 [38:17] (8 июля 2024). YouTube, канал «Данила Поперечный». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3QXwMnKUwSc> (дата обращения 15.08.2024). Поперечный Д.А. включен в Реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/>) (дата обновления 30.08.2024).

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий). Для статей (глав монографий и сборников) указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

NB! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле. Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года *прекращена* практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Также в списке «References»: вместо значка номера журнала «№» пишется «No.»; города именуются в соответствие с принятыми конвенциями без сокращений: Moscow, Saint Petersburg, New York; для русскоязычных источников указывается (in Russian).

7. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображения 120 x 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии, без цветных элементов и мелких сплошных заливок). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте *должны иметь подписи* на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы

- Аристид.* Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетея, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.
- Целищев В. В.* Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // *Вопр. философии.* 2013. № 8. С. 12–23.
- Lee J. Y.* God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.* Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // *Religious Studies.* 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

- Aristid.* Apology of St. Aristides // *Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.)* / Ed. A. G. Dunaev. Saint Petersburg: Aletea, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)
- Lee J. Y.* God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.* Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // *Religious Studies.* 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.
- Tselishchev V. V.* Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel // *Voprosy filosofii.* 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иван Иванович Иванов, кандидат философских наук, доцент
Научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences

Сибирский философский журнал

Научный журнал

2026. Т. 24, № 1

Учредитель
Новосибирский государственный университет

Адрес учредителя и издателя
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Главный редактор
доктор философских наук В. С. Диев

Адрес редакции
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Дата выхода в свет 05.10.2026

Тираж 35 экз.

Подписная цена 625 руб.

Адрес типографии
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия